В. Е. Козак

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

В. Е. КОЗАК

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

(Очерк теории)

ВИДАВНИЦТВО «НАУКОВА ДУМКА» КИЕВ — 1971

33.04
К59

В работе исследуются критерии определения производительного характера труда, раскрывается сущность этой категории и показывается роль производительного и непроизводительного труда в системе общественного воспроизводства, дается анализ непроизводительных видов труда, рассматриваются вопросы методологии классификации отраслей народного хозяйства. Автор исследует соотношение таких категорий, как национальный доход и услуги, подвергает критике буржуазную методологию учета услуг в национальном доходе. В монографии показываются пути возмещения затрат различных видов непроизводительного труда.

Книга рассчитана на преподавателей политической экономии, научных работников, а также на всех тех, кто интересуется теоретическими вопросами политической экономии.

Ответственный редактор
доктор экономических наук
И. А. Вишневецкий

Рецензенты:
доктор экономических наук *В. И. Голиков,*
кандидат экономических наук *А. И. Пастушенко*

Редакция экономической и правовой литературы
Зав. редакцией *В. Ю. Салко*

1—7—4
53—71М

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марксистская политическая экономия, как и любая другая наука, находится в постоянном развитии. Представления о круге вопросов, рассматриваемых этой наукой, сейчас значительно шире, чем, например, пятьдесят лет тому назад. Это касается исследований экономических отношений не только социалистического способа производства, но и капиталистического. Современный этап развития общества требует более широкой и глубокой разработки проблем политической экономии.

В каждой науке есть свои трудно разрешаемые проблемы. В области политической экономии одной из таких проблем является создание теории производительного и непроизводительного труда. Ее существование вызывает время от времени поток литературы, авторы которой пытаются внести ясность в дискутируемые вопросы.

Однако теоретические проблемы производительного и непроизводительного труда изучены еще слабо. Между тем общественная значимость этой теории, безусловно, растет. Об этом свидетельствует и тот факт, что буржуазные ученые не могут оставить в покое эту теорию и сейчас, как и 150 лет тому назад, опровергают деление труда на производительный и непроизводительный. Это связано и с увеличением доли непроизводительного труда в социалистическом обществе, повышением его роли в процессе общественного производства.

Автор предлагаемой работы поставил перед собою цель рассмотреть в целом сущность теории деления труда на производительный и непроизводительный и показать ее значение для решения практических вопросов. Значительная часть исследования отведена проблемам, касающимся непроизводительного труда. Объясняется это тем, что данная проблема почти не анализировалась в нашей литературе. Сфера же применения непроизводительного труда в обществе, в том числе и социалистическом, расширяется. Отсюда возникает потребность в более углубленном изучении именно этой категории.

Рассматривая производительный труд, автор главное внимание уделяет определению его критериев при различных общественных условиях. Все остальные вопросы, связанные с этой категорией, в настоящей работе не поднимаются, поскольку они неоднократно анализировались в литературе на каждом этапе развития нашего общества. Хотя сами по себе такие категории, как производительный и непроизводительный труд, являются противоположными, взаимоисключающими, поэтому определение одной из них есть в то же время определением и другой, но для детального изучения их сути автор счел необходимым рассматривать каждую отдельно. Раздельно охарактеризованы в работе и критерии определения производительного труда в капиталистическом и социалистическом обществе.

Такой подход позволяет выяснить многие дискуссионные вопросы, глубже проанализировать категорию производительного труда, которую даже в одном и том же способе производства следует рассматривать в нескольких аспектах. Непроизводительный труд исследуется преимущественно в одном аспекте, т. к. выделять его как категорию различных способов производства нет необходимости.

Фундаментом для дальнейшей разработки теории производительного и непроизводительного труда, которую предпринял автор предлагаемой работы, послужили имеющиеся исследования по данной проблеме. Многие вопросы носят полемический характер. Позитивное решение их, по мнению автора, может быть достигнуто путем критического переосмысливания достижений, имеющихся в этой области, а также на основе четко разработанной методики исследования.

Автор не претендует на бесспорность своей работы. Он рассматривает ее как один из этапов в исследованиях, которые разворачиваются сейчас в экономической науке по изучению процессов развития непроизводительного труда в социалистическом обществе.

Глава I. КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

1. Материальное производство и производительный труд

Категория производительного труда, как политэкономическая категория, рассматривалась во всех политэкономических системах. В теоретическом наследии К. Маркса показано, что каждая из этих систем трактовала категорию производительного труда со своих классовых позиций. Так, меркантилисты считали производительным труд только в тех отраслях производства, продукты которых отправлялись за границу и приносили стране-экспортеру денег больше, чем было затрачено на их производство. Физиократы категорию производительного труда не связывали с производством продукции для экспорта. У физиократов, считающих основой развития общества лишь земледельческий труд, производительным трудом выступал труд людей, занятых в сельском хозяйстве. При этом их труд считался производительным потому, что давал продукта больше, чем расходовалось его на личное потребление производителей и их хозяев.

Не вдаваясь в подробный анализ характеристики производительного труда указанными школами, следует отметить два обстоятельства. Во-первых, то, что категория производительного труда рассматривалась политэкономами еще до появления на исторической арене классической буржуазной политэкономии и, во-вторых, то, что и меркантилисты и физиократы определение производительного труда ставили в зависимость от материального продукта.

Проблему производительного труда рассматривали представители классической буржуазной политэкономии А. Смит и Д. Рикардо. Причем и у них при определении производительного характера труда на первый план выступает материализация его.

Следовательно, проблема определения производительного и непроизводительного труда возникла еще в домарксовый период. Не было необходимости разграничивать труд на производительный и непроизводительный лишь у мыслителей рабовладельческого и феодального общества. Это можно объяснить тем, что в условиях рабовладельческой и феодальной формаций господствовало натуральное хозяйство, при котором расширение производства мало интересовало собственников средств производства. Рабовладельцы и феодалы были слишком далеки от производства, основной же целью последнего было удовлетворение потребностей эксплуататоров, а не производство товаров для реализации. Лишь с зарождением капитали-

стических производственных отношений в экономической литературе появляются определения производительного труда как экономической категории. Обусловливается это возникновением класса, заинтересованного во всемерном расширении производства, дающего возможность постоянно увеличивать его богатство. Однако сама проблема производительного труда не порождена капитализмом. Она существует там, где есть производство материальных благ. Поэтому с мнением некоторых экономистов, будто проблема деления труда на производительный и непроизводительный возникает только при капитализме, нельзя согласиться [1].

Теория производительного труда в том виде, в каком она изложена представителями классической буржуазной политической экономии, далека от совершенства. Ее следует считать ступенькой в познании сущности явления. Возможность научного решения проблемы разграничения производительного и непроизводительного труда создала марксистская политическая экономия. И хотя сам К. Маркс не успел дать законченное изложение теории этой проблемы, в его трудах есть все необходимые элементы для этого. А о том, что К. Маркс не оставил законченного изложения данной проблемы, свидетельствует хотя бы тот факт, что политэкономы марксистского направления уже около ста лет ведут между собой спор о сущности производительного труда. Взгляды сторонников основных направлений будут рассмотрены в следующих параграфах. Сейчас лишь отметим, что для доказательства своей правоты спорящие стороны ссылаются на авторитет К. Маркса. И тот факт, что они пытаются опереться на высказанные им положения в целях доказательства часто взаимно противоположных точек зрения, также является свидетельством фрагментарности изложения данной проблемы [2].

В теоретическом наследии К. Маркса нет единого определения производительного труда. Он рассматривает эту категорию под различными ракурсами. Отличительной чертой его взглядов по этому вопросу является то, что он впервые показал возможность и необходимость рассматривать категорию производительного труда с точки зрения естественного состояния труда и общественной формы его. Рассматривая одну из смитовских трактовок производительного труда, К. Маркс писал: «Труд работника считается здесь производительным постольку, поскольку работник вместо потребленной стоимости дает эквивалент, присоединяя своим трудом к какому-нибудь материалу такое же количество стоимости, какое содержалось в его заработной плате. Здесь мы выходим за пределы того определения, которое относится к общественной форме, за пределы

---

[1] См.: *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М., 1966, стр. 49.

[2] Ш. Я. Турецкий полагает, что «Теории прибавочной стоимости» нельзя считать, как это думают некоторые авторы, завершенным трудом. Он считает их черновыми набросками. (См.: Всесоюзное совещание статистиков 4—8 июня 1958 г. Стенографический отчет, М., 1959, стр. 550.)

определения производительных и непроизводительных работников их отношением к капиталистическому производству» [1].

Из приведенного высказывания видно, что К. Маркс рассматривал производительный труд, во-первых, как такой, который воплощается в товаре, материализуется, во-вторых, как труд, который возмещает потребленную стоимость, создавая ее эквивалент. Важно и то, что производительный характер труда в данном случае рассматривается с точки зрения самого производителя, как собственника средств производства, его отношения к процессу производства материальных благ. В данном случае имеется в виду простое воспроизводство, при котором возмещаются лишь израсходованные потребительные стоимости.

Исследование категории производительного труда с точки зрения самостоятельного производителя, осуществляющего простое воспроизводство, является необходимым элементом всей теории производительного труда. Это объясняется, во-первых, тем, что первоначально в качестве производительного труда выступал труд, возмещающий потребленные материальные блага. Люди первобытного общества, в основном вследствие неразвитости производительных сил, изготовляли такое количество материальных благ, которого не всегда хватало даже для удовлетворения личных потребностей. И с точки зрения процесса простого воспроизводства тот труд, который возмещал потребленные материальные блага, нельзя не признать производительным. Ведь данный тип воспроизводства преследует лишь одну цель — поддержать удовлетворение на прежнем уровне. Во-вторых, хозяйства, осуществляющие простое воспроизводство, существовали и существуют в различных общественно-экономических формациях. Коммунистическое общество, и в частности его первая фаза — социализм, не составляет в этом отношении исключения.

К. Маркс, рассматривая реликтовые [2] формы хозяйства в условиях капиталистического общества, указывал, что и в том случае, когда в этих хозяйствах производят товары для продажи, труд их с точки зрения капиталистического способа производства нельзя считать ни производительным ни непроизводительным. К самостоятельным ремесленникам или крестьянам, которые не имеют наемных рабочих, «неприменимо различение между *производительным трудом* и *непроизводительным*... Поэтому крестьяне и ремесленники не принадлежат ни к категории *производительных работников*, ни к категории *непроизводительных работников*, хотя и являются товаропроизводителями. Но это такие товаропроизводители, производство которых не подчинено капиталистическому способу производства» [3].

Простое воспроизводство, осуществляемое в этих реликтовых формах хозяйства, может иметь и в действительности имеет опре-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 143—144.
[2] Лат. relictus — оставленный.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 417.

деленное значение для удовлетворения потребностей населения в материальных благах. По своей сути это потребительское хозяйство, существование которого обусловлено неразвитостью производительных сил господствующего способа производства. Данный тип воспроизводства характерен для низших ступеней развития человеческого общества. Даже в условиях рабовладельческого и феодального способов производства, как отмечал В. И. Ленин, простое воспроизводство было преобладающим. Но в данном случае нас интересует производство, которое ведется для удовлетворения личных потребностей владельца средств производства. И с точки зрения последнего труд, возмещающий потребленные материальные блага, является производительным. Он каждый раз дает возможность вновь удовлетворять потребности производителя в материальных благах.

Рассматриваемый тип хозяйства и затраченный в нем труд характеризуются тем, что в них отсутствует организация труда, присущая господствующему способу производства и базирующаяся на расширенном воспроизводстве. Такие хозяйства являются инородным телом в системе господствующего способа производства. Их существование обусловлено тем, что последний еще неполностью овладел всем хозяйством страны. В капиталистическом обществе, где господствует анархия и конкуренция, судьба мелких производителей предрешена, они теряют свою самостоятельность и неизбежно пролетаризируются. Процесс этот происходит стихийно без учета интересов и самих производителей и общества в целом.

В условиях социализма производительный труд реликтовых хозяйств является временно объективно необходимым. Отношение к нему определяется в зависимости от потребностей и возможностей социалистического производства. Опыт СССР и стран народной демократии показывает, что социалистическое общество с успехом использует труд, затраченный в хозяйствах, где отсутствует социалистическая организация труда. Так, даже в условиях нашей страны, где социалистические отношения наиболее развиты, примерно 33—34 млн. семей колхозников, рабочих и служащих имеют подсобное хозяйство [1], роль которого в производстве отдельных продуктов пока еще довольно значительна. В 1968 г. удельный вес личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих в производстве основных продуктов животноводства СССР по мясу составил почти 38%, по молоку — 38% и по шерсти — 20% [2]. В Украинской ССР удельный вес личного подсобного хозяйства населения в производстве мяса и сала в этом же году составил 41,7%, молока — 37,1%, яиц — 71,3% [3].

В литературе по поводу труда, производящего материальные блага, но не охваченного социалистической организацией, экономис-

[1] *В. Г. Венжер.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966, стр. 57.
[2] Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. М., 1969, стр. 399.
[3] Народне господарство Української РСР в 1968 році. Статистичний щорічник. К., 1969, стр. 246--247.

ты высказывают две противоположные точки зрения. Одни считают, что труд личного подсобного хозяйства, поскольку он не включен в сферу непосредственно общественного труда, не является производительным. Другие полагают, что этот труд носит производительный характер, так как он служит дополнительным источником получения предметов потребления, которых общественное хозяйство не может еще предоставить в полном объеме, и вследствие этого является общественно необходимым. Так, А. Д. Кузнецов пишет: «В настоящий период труд в личном подсобном хозяйстве необходим для колхозников, так как он производит определенную, иногда значительную часть жизненных средств. Но его результат,— продолжает автор,— полностью поступает на производство пищевых продуктов для рабочей силы, функционирующей в общественном хозяйстве. В соответствии с этим работники личного подсобного хозяйства могут быть отнесены к категории производительных работников» [1]. По нашему мнению, и первая и вторая точки зрения не имеют отношения к определению категории производительного труда в рассматриваемом типе хозяйства.

Прежде всего отметим, что нет достаточных оснований связывать категорию производительного труда в рассматриваемом типе хозяйства с категорией непосредственно общественного труда. Ведь труд может проявить общественный характер только в процессе обмена, а в товарном хозяйстве через рынок. Мы же характеризуем труд в хозяйстве, основной целью которого является воспроизводство потребленных материальных благ. К. Маркс писал: «Если бы рабочего дня хватало только на поддержание жизни работника, т. е. только на воспроизводство его рабочей силы, то, абсолютно говоря, труд был бы производителен, так как он воспроизводил бы, т. е. постоянно возмещал бы, потребленные им стоимости» [2].

Следовательно, в данном случае производительный труд и общественный характер труда—это разнопорядковые категории, и поэтому исследование взаимосвязи между ними не только ничего не дает для уяснения вопроса, а наоборот, запутывает его.

Ничего не дает для определения и анализа интересующей нас категории и отождествление производительного труда с общественной необходимостью его. Ведь общественно необходимый труд может выступать в качестве как производительного, так и непроизводительного в самом строгом научном понимании этих категорий. Например, труд продавцов, кассиров, бухгалтеров тоже является трудом общественно необходимым. Но никто из сторонников марксистской теории эти виды труда не относит к категории производительного с точки зрения отношения труда к своему продукту.

В недалеком прошлом многие наши экономисты утверждали, будто труд в личном подсобном хозяйстве колхозников усиливает

---

[1] *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР. М., 1964, стр. 51—52.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 134.

частнособственнические тенденции, отвлекает внимание от общественного хозяйства колхозов. Это и послужило основой ошибочной политики административного ограничения личных подсобных хозяйств колхозников. Вследствие этого производство продукции в личном подсобном хозяйстве значительно уменьшилось. Так, например, к концу 1964 г. по сравнению с 1954 г. в подсобных хозяйствах колхозников Украины поголовье крупного рогатого скота сократилось на 14,4% (в т. ч. коров — на 9%), свиней — на 20%, овец и коз — на 53,3%, а посевные площади за 1955—1964 гг. уменьшились на 10%.

В результате этого колхозная торговля сократилась, рыночные цены на мясо, молоко и прочие сельскохозяйственные продукты повысились. Ухудшилось снабжение продуктами питания не только городского, но и сельского населения, следовательно, замедлился рост жизненного уровня трудящихся. А это противоречит цели социалистического общества.

Жизнь показала, что эти ограничения были экономически необоснованными, а потому и преждевременными. Коммунистическая партия и Советское правительство устранили эти недостатки в хозяйственной политике. Колхозам рекомендовано возобновить прежние размеры приусадебных участков и нормы содержания скота в личном подсобном хозяйстве колхозников. Постановление о запрещении содержания продуктивного скота жителями городов и пригородных зон отменено и одновременно приняты меры по расширению продажи кормов для скота, находящегося в личной собственности. Эти мероприятия, безусловно, способствовали увеличению производства многих сельскохозяйственных продуктов.

Заботу о существовании и дальнейшем развитии личного подсобного хозяйства колхозников проявил и третий Всесоюзный съезд колхозников. В принятом на этом форуме советского крестьянства Примерном уставе колхоза записано, что правление колхоза должно оказывать помощь колхозникам в обработке приусадебных участков, в обзаведении скотом, зооветеринарном обслуживании, а также в обеспечении скота кормами и пастбищами [1].

Вопрос о производительном или непроизводительном характере труда в том или ином укладе должен решаться не в зависимости от организационных форм труда, а с позиций собственника средств производства. Уровень же развития несоциалистических форм хозяйства обусловливается более важными факторами как экономического, так и политического характера. Труд в личном подсобном хозяйстве с точки зрения социалистических производственных отношений, как будет показано ниже, не является производительным. Но на определенном этапе развития этого общества он служит одним из источников удовлетворения потребностей населения в продовольственных продуктах, т. е. выступает как общественно необхо-

[1] См.: Третий Всесоюзный съезд колхозников. Стенографический отчет. М., 1970, стр. 304—305.

димый труд. Общеизвестно, что удельный вес некооперированного крестьянства велик еще в ряде стран народной демократии. Так, удельный вес кооперативов и государственных хозяйств во всей сельскохозяйственной площади в 1968 г. в Польше составлял только 15,3% [1], а в Югославии — 14% [2]. Следовательно, некооперированный сектор производит еще довольно значительную часть сельскохозяйственной продукции, идущей на удовлетворение потребностей многих стран социалистического содружества, не говоря уже об удовлетворении потребностей самого некооперированного крестьянства.

Если по отношению к труду некооперированного крестьянства в социалистических странах, где этот тип хозяйства занимает большой удельный вес (Польша, Югославия), проводить политику ограничения и вытеснения его, как рекомендуют некоторые экономисты[3], то это может нанести непоправимый вред социализму. Мы можем говорить о более или менее эффективных методах производства продукции. И с этих позиций производство продукции в хозяйствах некооперированного сектора менее эффективно, чем в социалистическом секторе. В личном подсобном хозяйстве колхозников производство продукции также менее эффективно. Однако вопрос о ликвидации труда в этих хозяйствах может решаться только исходя из возможности замены его более эффективными формами. Ведь экономическая выгода кооперирования крестьянства состоит именно в том, что оно позволяет эффективнее использовать материальные и трудовые ресурсы деревни. Само же кооперирование, как свидетельствует опыт социалистического общества, осуществляется при наличии не только политических, но и определенных материально-технических предпосылок.

Социалистическая революция в СССР и других странах победила в тот период, когда производительные силы этих стран находились еще на недостаточно высоком уровне. Поэтому первоочередной задачей социалистического строительства было создание материально-технической базы социализма. Государство диктатуры пролетариата, сосредотачивая в своих руках все основные рычаги экономики, могло пойти по пути всемерного ограничения и вытеснения несоциалистических секторов хозяйства даже неэкономическими методами. Но такая политика с точки зрения развития социалистического общества не была бы целесообразной. Опыт социалистического строительства в нашей стране и странах народной демократии показывает, что диктатура пролетариата успешно использует несоциалистические формы хозяйства для укрепления социалистических производственных отношений. Вытеснение же этих форм осуществляется на базе экономических преимуществ хозяйств, органи-

---

[1] Краткий статистический ежегодник ПНР. Варшава, 1969, стр. 130.

[2] Мир социализма в цифрах и фактах, 1968. М., 1969, стр. 55.

[3] *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 50.

зованных социализмом, и только тогда, когда они в состоянии восполнять ту сумму материальных благ, которую дают несоциалистически организованные формы труда. Таким образом, существование производства, не охваченного социалистической организацией труда, обусловливается невозможностью на определенном этапе удовлетворить в полной мере растущие материальные потребности населения за счет социалистически организованного производства, а также необходимостью рационального использования трудовых ресурсов. Детально эти формы хозяйства и труд в них будут охарактеризованы ниже.

Мы рассмотрели труд в хозяйствах, которые осуществляют простое воспроизводство и ведут его с целью удовлетворения потребностей непосредственного производителя, являющегося владельцем средств производства. Это потребительское хозяйство. Если рассматривать труд в таких типах хозяйства не касаясь общественной формы его, а только с позиций владельца средств производства, который осуществляет простое воспроизводство, то отношение самого труда к своему результату — продукту дает все основания признать этот вид труда производительным.

Однако в условиях досоциалистических формаций и на первых порах строительства социалистического общества существует множество и таких мелких товаропроизводителей, которые являются собственниками средств производства, ведут хозяйство без применения наемной рабочей силы, но целью их труда является расширение производства. В таком типе хозяйства производительным является труд, не только воспроизводящий потребленные материальные блага, но и создающий избыток стоимости. «Но предположим,— писал К. Маркс,— что никакого капитала не существует и что рабочий сам присваивает себе свой прибавочный труд, избыток созданных им стоимостей над стоимостями, потребленными им. Лишь при этом положении вещей можно было бы сказать, что труд такого рабочего действительно производителен, т. е. создает новые стоимости» [1]. Как видно, категория производительного труда рассматривается здесь также с позиций владельца средств производства, но осуществляющего не простое, а расширенное воспроизводство. Характерно и то, что в данном случае, как и прежде, категория производительного труда у К. Маркса тесно связана с трудом в материальном производстве, т. е. в сфере, где труд материализуется в продукте. Применительно к типу хозяйства, в котором осуществляется или делается попытка к осуществлению расширенного воспроизводства, категория производительного труда приобретает новый смысл. Под производительным трудом здесь подразумевается труд, дающий возможность расширять производство, т. е. такой труд, который не только возмещает потребленные лично производителем материальные блага, но и создает излишек их, используемый как для личного, так и производительного потребления.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 134.

Поскольку человеческое общество развивается по восходящей линии, а основой этого развития является рост и совершенствование производства, то и категория производительного труда, как труда, возмещающего потребленные материальные блага и создающего их в целях расширения производства, представляет для политической экономии большой научный интерес. В различных общественно-экономических формациях и экономических укладах процесс расширения производства протекает неодинаково, преследует различные цели и только анализ их и может нам объяснить сущность производительного труда в тех или иных условиях.

Господство товарно-денежных отношений обусловливает то, что производительный труд, как труд материализующийся, воплощается в товаре. И в этом случае свое признание в качестве общественно необходимого труда он получает в процессе купли-продажи на рынке. Однако производительный труд не всегда воплощался в товаре. Более того, поскольку научно доказано, что общество идет к тому этапу, когда товарно-денежные отношения изживут себя, то в этих условиях категория производительного труда также не будет связана с товарной формой. Так, продукты труда в первобытной общине, где отсутствовала хозяйственная обособленность и господствовала общественная собственность на средства производства, не выступали в товарной форме. Но труд, затрачиваемый на их производство, безусловно, имел производительный характер, так как покрывал личное потребление и использовался для расширения производства. Необходимость же расширения производства внутри первобытной общины возникала как вследствие роста населения, так и увеличения его потребностей. Господство товарно-денежных отношений насчитывает, как отмечал Ф. Энгельс, 5—7 тысяч лет, и на протяжении всего этого периода труд, дающий возможность осуществлять расширение производства, т. е. производительный труд, выступал в товарной форме.

С точки зрения простого товарного производства, в котором категория производительного труда определяется с позиций простого товаропроизводителя, как владельца средств производства, не возникает затруднений при доказательстве того, что одной из характеристик этой категории является материализация труда в товаре. Ведь в труде простого товаропроизводителя преобладают производственные функции, и именно они определяют его деятельность. Непроизводственные функции, которые приходится выполнять простому товаропроизводителю, если они и связаны с производством товара, никогда не считались временем, необходимым для производства.

Доказательством того, что одной из характеристик производительного труда является материализация его в товаре, может служить и марксистское положение о том, что товар есть единство стоимости и потребительной стоимости. Анализируя это положение, мы неизбежно придем к выводу, что производительный труд — это труд, материализующийся в товаре. Ведь абстрактный труд может

выступать только в труде, который воплощается, материализуется в товаре. К. Маркс указывает, что «потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд» [1].

Итак, нами рассмотрены категории производительного труда в условиях натурального хозяйства, ведущегося на основе простого и расширенного воспроизводства, а также простого товарного хозяйства. В этих хозяйствах и характер труда и его результат вполне очевидны, ибо последний выступает в виде материального продукта. Именно это обстоятельство и позволило К. Марксу дать определение производительного труда безотносительно к способу производства. Он писал: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд» [2]. Давая такое определение категории производительного труда, Маркс тут же не преминул заметить, что оно совершенно недостаточно для капиталистического способа производства. Но в данном случае нас интересует то обстоятельство, что с точки зрения простого процесса труда материализация последнего является неотъемлемой чертой политэкономической категории производительного труда. При рассмотрении производительного характера труда с позиций расширенного воспроизводства критерий материализации труда соединяется с критерием, согласно которому труд возмещает потребленные блага и создает излишек их для личного и производственного потребления.

В работах тех советских экономистов и философов, которые пытаются отрицать материализацию как одну из черт марксистской трактовки производительного труда, нет опровержения приведенного положения К. Маркса. А именно здесь он отвлекается от существующих условий общественного производства. Характеристика труда со стороны способа производства не уничтожает критерий материализации труда при определении его производительного характера, а лишь дополняет это определение другими, специфическими чертами. Таким образом, тем, кто отрицает, что К. Маркс связывал материализацию труда с производительным характером его, следовало бы либо доказать, что это положение нужно понимать иначе, чем понимал его сам автор, либо показать, что такое положение вообще отсутствует в работах К. Маркса. Но таких доказательств, насколько нам известно, в советской литературе нет. К сожалению, поиски пошли в ином направлении — в подыскании таких цитат, из которых можно было бы сделать вывод, будто К. Маркс никогда не связывал категорию производительного труда с его материализацией.

Процесс труда можно рассматривать с точки зрения его результата в любых общественных условиях производства, и поэтому ма-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 47.
[2] *Там же*, стр. 192.

териализация труда как одна из черт категории производительного труда в материальном производстве характерна для любого способа производства. Этим, во-первых, и отличается марксистское определение категории производительного труда от определения, данного классической школой буржуазной политической экономии, а, во-вторых, К. Маркс указал на необходимость рассматривать данный характер труда не только с позиций определенного способа производства, но и с точки зрения результатов труда — продукта.

Материализация труда, т. е. производство материальных благ, является не только исходным пунктом возникновения человеческого общества, но и основой его жизни и развития. Человек для своего существования нуждается в пище, одежде, жилище и других материальных благах, которые создаются в процессе материального производства. Только относительно высокий уровень развития последнего создал возможность производить излишек жизненных благ, а это позволило выделить такие роды человеческой деятельности, не связанные с производством материальных благ, как наука, искусство, торговля и т. д. Развитие материального производства определяет и уровень технического оснащения всех сфер приложения человеческого труда.

Производство материальных благ не только создает предметы потребления, но и определяет уровень потребления. Кроме того, производство придает потреблению его определенность, его характер, его завершенность. Оно создает определенные предметы потребления и определенный способ их потребления. «Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается,— писал К. Маркс,— таким образом, производством, не только объективно, но также и субъективно» [1]. Ведущая роль производства материальных благ проявляется также и в том, что оно само создает потребности. Невозможно даже перечислить то количество предметов, которое человечество получило в результате развития производства и как результат производства.

Наконец, решающая роль материального производства состоит в том, что господствующие в нем отношения определяют всю совокупность общественных отношений. «Определенное производство,— писал К. Маркс,— обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*... Между различными моментами имеет место взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом» [2].

Подводя итог рассмотренным здесь вопросам, мы приходим к выводу о том, что, во-первых, еще домарксовые школы политической экономии трактовали производительный труд как результат деятельности человека в области материального производства; во-вторых, рассмотрение этой категории с точки зрения владельца усло-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 718.
[2] *Там же,* стр. 725—726.

вий производства в простейших типах хозяйства также подтверждает, что производительным выступает труд, создающий материальные блага, т. е. получающий материальное воплощение; и, в-третьих, определение характера труда с точки зрения его результатов является определением производительного труда безотносительно к способу производства, т. е. эту категорию можно определить в любом типе хозяйства, которое осуществляет материальное производство. Вместе с тем категория производительного характера труда даже в рассмотренных типах хозяйства имеет разное значение.

При исследовании категории производительного труда с точки зрения его результата в материальном производстве К. Маркс употребляет термины — абсолютная производительность и относительная производительность труда [1]. Под абсолютной производительностью он понимал производительный характер труда с точки зрения владельца условий производства, осуществляющего простое воспроизводство. Относительная производительность представляет характеристику производительного труда в производстве, которое предполагает расширение своих масштабов, т. е. в расширенном воспроизводстве. Употребление К. Марксом вместо категории производительного характера труда терминов «абсолютная и относительная производительность труда» может свидетельствовать лишь о том, что он в процессе изучения данной проблемы пытался выработать свои понятия. Но в дальнейшем К. Маркс употребляет лишь одну категорию — производительный характер труда. Последняя отличается от понятия «производительность труда», и те авторы, которые не видят этого, по нашему мнению, допускают ошибку [2]. Категория производительности труда отражает эффективность затрат конкретного труда, выражающуюся в производстве определенного количества потребительных стоимостей за единицу времени. Когда же речь идет о производительном характере труда, то конкретные его виды не рассматриваются ни с количественной ни с качественной стороны. Производительный характер труда определяется с позиций общества или владельца условий производства, осуществляющего простое или расширенное воспроизводство, а также с точки зрения господствующих производственных отношений.

2. Производительный труд в системе капиталистического способа производства

Прежде чем перейти к рассмотрению критериев производительного труда в условиях социалистического общества, необходимо выяснить особенности этих критериев при капитализме. Это обусловливается, во-первых, тем, что капиталистический способ производства является предшественником социализма, во-вторых, тем, что сопос-

[1] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 134.

[2] См.: *М. И. Скаржинский.* Труд в непроизводственной сфере. М., 1968, стр. 6; *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 49

тавление различных общественных условий даст нам возможность более детально проанализировать их влияние на различение сущности производительного труда. Кроме того, выяснение критериев производительного труда в условиях капитализма представляет теоретический и практический интерес. Теория производительного труда при капитализме излагается многими экономистами, но сущность его определяется разноречиво. Даже в учебниках и учебных пособиях по политической экономии категория производительного труда в капиталистическом обществе трактуется по-разному. Все это свидетельствует о том, что вопрос об определении критериев производительного труда применительно к капиталистическому способу производства остается до сих пор мало изученным.

Категория производительного труда в капиталистическом обществе была подвергнута анализу А. Смитом. Затем его воззрения без каких-либо существенных изменений восприняли такие наиболее видные представители буржуазной политической экономии, как Д. Рикардо и Симонд де Сисмонди. Классическая школа буржуазной политической экономии представляла капиталистический способ производства не только как вершину развития человеческого общества, но и как вечный и естественный общественный строй. Это обстоятельство обусловило то, что представители молодой буржуазии искали пути более быстрого развития нового способа производства. Буржуазия того времени выступала как прогрессивный класс, выражающий интересы поступательного развития общества. В этот период ее идеологи — буржуазные экономисты говорили революционным языком. Они открыто выступали против расточительства и излишеств, которые уменьшали ресурсы, способствующие развитию общественного производства.

Считая буржуазное общество вечным, представители классической школы буржуазной политической экономии искали наиболее рациональные пути увеличения его богатства. Вот почему мы находим в произведениях А. Смита и Д. Рикардо столь гневные обличительные строки в адрес тех сословий, которые не участвуют в производстве материальных благ. Представители классической школы буржуазной политической экономии критиковали раздутые штаты государственного аппарата и армии, впервые в истории науки доказывали, что «труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости» [1]. Нарождающейся буржуазии для захвата власти в свои руки необходимо было как можно быстрее овладеть экономическими высотами. А это требовало накопления средств и рационального использования их.

Классическая школа буржуазной политической экономии в силу своей ограниченности не могла дать научную разработку вопроса о критериях производительного труда в капиталистическом обществе. К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» исследует и пока-

[1] *А. Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. М., 1935, стр. 279.

зывает как положительные, так и отрицательные стороны трактовки производительного труда представителями классической школы. Изучение марксового анализа их взглядов представляет для нас неоспоримый интерес, так как это проливает свет на определение производительного труда в системе капиталистических производственных отношений. Кроме того, оно дает возможность понять сущность самой политэкономической категории производительного труда. Но, к сожалению, редко кто из авторов, разрабатывающих теорию производительного труда, обращается к рассмотрению марксовой оценки достижений в этой области. Из опубликованных работ видно, что не все экономисты понимают категорию производительного труда при капитализме однозначно. Само собой понятно, что это ведет к появлению различных толкований теории производительного труда в капиталистическом обществе, хотя каждое из них и пытается опереться на марксизм.

Так, например, В. С. Семенов полагает, будто в определении производительного труда можно исходить с позиций работника. И поэтому он считает, что в условиях капитализма «производительным является и труд крестьян, создающий материальные богатства» [1]. Э. М. Агабабьян под производительным трудом понимает труд, создающий потребительную стоимость, которая может иметь как материальную, так и нематериальную форму, а поэтому он не может найти рубрики для труда в домашнем хозяйстве [2]. Для большинства авторов, рассматривающих категорию производительного труда, сущность ее представляется в материализации труда. Перечисленные трактовки производительного труда в условиях определенного способа производства, в том числе и капиталистического, весьма далеки как от понимания этой категории в тот период, когда она была введена в научный оборот, так и от того, что подразумевал под ней К. Маркс.

Прежде всего заметим, что нет единого определения производительного труда для всех его видов в различных общественных укладах, существующих в условиях данного способа производства. Тем не менее некоторые авторы пытаются найти именно такое определение, которое давало бы всеобъемлющую характеристику труда. Для определения критериев производительного труда необходимо рассматривать всю систему определенного способа производства с присущей ей формой труда. Только такой подход может дать положительный результат.

Для капиталистического способа производства наиболее характерным является отделение непосредственного производителя от средств производства, следовательно, наемная форма труда. Благодаря купле-продаже рабочей силы капитал приобретает возмож-

---

[1] См.: *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники. М., 1966, стр. 13, 16.

[2] См.: *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг. М., 1968, стр. 12, 16.

ность расширять границы своего господства. «Производительный труд,— писал К. Маркс,— это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства. Но различение между производительным трудом и *другими* видами труда является в высшей степени важным, так как оно выражает как раз ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства и сам капитал» [1]. Значит, под производительным трудом капиталистического общества К. Маркс понимал прежде всего наемный труд, используемый капиталом в целях утверждения и расширения своего господства.

Определения производительного труда в условиях капиталистического общества впервые дал А. Смит. Отмечая его заслуги, К. Маркс указывал, что одно из этих определений остается основой для всей политической экономии буржуазного общества. Сущность этого определения заключается в том, что в нем выдвинут критерий обмена труда на капитал, т. е. обмен, «посредством которого производственные условия труда и стоимость вообще, деньги или товары, впервые только и превращаются в капитал (а труд — в наемный труд в научном смысле этого слова)». К. Маркс говорит, что здесь А. Смит определяет производительный труд с точки зрения капиталистического производства и в данном случае он «проник в самую суть дела, попал прямо в точку» [2].

Смитовское определение производительного труда как труда, который овеществляется в товаре, К. Маркс считал недостаточным и менее удачным. Он писал: «*Товар* есть самая элементарная форма буржуазного богатства. Поэтому и трактовка «производительного труда» как труда, производящего «товар», соответствует гораздо более элементарной точке зрения, чем определение производительного труда как труда, производящего капитал» [3]. Второе смитовское определение производительного труда породило острую полемику среди экономистов прошлого века. И в настоящее время экономисты по-разному оценивают его.

Исследование категории производительного труда К. Марксом является новым шагом в развитии экономической теории. К. Маркс показал, что политэкономическая категория производительного труда в системе любого способа производства должна рассматриваться как определенная форма труда, обусловленная господствующими производственными отношениями. Именно поэтому каждому способу производства соответствует свой критерий производительного характера труда. С особой силой К. Маркс подчеркивал, что при определении производительного труда в системе способа производства следует оценивать его с позиций владельца условий производства. Именно это и обусловливает то, что определение производительного

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 404.
[2] *Там же,* стр. 138.
[3] *Там же,* стр. 155—156.

труда как категории буржуазной политической экономии вытекает из характера господствующих общественных отношений капиталистической формации.

Капиталистический способ производства накладывает двоякий отпечаток на трактовку производительного труда. Развитие производительных сил капиталистического общества раздвигает его границы. «Самый кооперативный характер процесса труда,— указывает К. Маркс,— неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего» [1]. А производственные отношения капиталистического общества, наоборот, сужают его. Ведь система капиталистического наемного труда предполагает производство прибавочной стоимости. В буржуазном обществе недостаточно вообще производить, труд должен приносить капиталисту прибавочную стоимость, служить самовозрастанию капитала. Только в этом случае труд будет считаться производительным и работник производительным. В капиталистическом обществе, говорит К. Маркс, «речь идет о труде, создающем прибавочную стоимость, или служащем капиталу тем фактором, который дает ему возможность образовать прибавочную стоимость и, следовательно, проявить себя в качестве капитала, в качестве самовозрастающей стоимости» [2]. Вот почему в условиях капиталистического общества даже самый необходимый труд, затраченный в материальном производстве, если он не дает возможности владельцу капитала получать прибыль, является непроизводительным. Так, если труд затрачен, например, на производство новых машин, а реализация их не приносит капиталисту прибыли, то с позиций капиталистического способа производства такой труд нельзя считать производительным.

При капитализме назначение производительного труда состоит в том, чтобы дать возможность тому, кто его применяет, использовать часть труда для личного и производственного потребления. «Поэтому,— писал К. Маркс,— когда мы говорим о *производительном труде,* то мы говорим об *общественно-определенном* труде, о труде, который включает совершенно определенное отношение между покупателем труда и его продавцом» [3]. Следовательно, в буржуазном обществе производительный труд — это капиталистически организованный труд, т. е. наемный труд, который служит самовозрастанию капитала. Именно поэтому некапиталистически организованные виды труда, которые не используются для самовозрастания капитала, являются с точки зрения капитализма непроизводительными. Чрезвычайно важное значение для понимания специфического характера общественного способа производства, а следовательно, и определения производительного характера труда имеют формы обмена труда.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 517.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 400—401.
[3] *Там же,* стр. 404.

В буржуазном обществе капитал принимает функциональные формы, соответствующие кругообороту капитала. Как известно, К. Маркс указывал на существование следующих функциональных форм капитала: денежного, производительного и товарного. От промышленного капитала обособляются торговый и ссудный капитал. Для кругооборота функционально специализированных форм капитала необходимы наемные работники. Труд этих категорий наемных работников, во-первых, осуществляется в системе капиталистических производственных отношений, во-вторых, подчинен капиталу и, следовательно, выступает как капиталистически организованный труд и, в-третьих, служит самовозрастанию капитала. Значит, те виды труда, которые применяются для обслуживания соответствующих фаз кругооборота общественного капитала, а именно товарной и денежной, охватываются капиталистическими производственными отношениями и являются производительными.

Капиталистические отношения господствуют не только во всех фазах общественного воспроизводства. Они проникают и в иные сферы человеческих отношений. Так, капитал организовывает фирмы по рекламе, адвокатские конторы, лечебные учреждения и т. п., где труд является также капиталистически организованным. В этой сфере форма обмена труда на капитал такая же, как и в других отраслях капиталистического хозяйства, следовательно, и в ней затраченный труд следует относить к производительному.

К. Маркс в своих работах достаточно четко показал, что труд в капиталистическом обществе делится на производительный и непроизводительный. По этому вопросу среди советских экономистов разногласий почти нет. Они дискутируют лишь о том, что является критерием для определения производительного характера труда, и дают различные трактовки его.

Рассматривая марксов анализ смитовской трактовки производительного труда, следует отметить, что К. Маркс использовал для характеристики этой категории с позиций господствующих производственных отношений такой смитовский критерий, как обмен труда на капитал, поскольку последний дает представление об охвате труда капиталистическими отношениями. Следовательно, можно утверждать, что и А. Смит, и К. Маркс понимали под категорией производительного труда в буржуазном обществе отношения, возникающие между наемными рабочими и капиталистами. Однако и второе, менее глубокое смитовское определение производительного труда не осталось бесценным грузом для науки. Оно имеет рациональное зерно, которое следует использовать для характеристики производительного труда, но с других позиций, о чем речь будет идти несколько ниже.

Во втором томе «Капитала» К. Маркс называет труд, затраченный в сфере обращения при смене форм стоимости, непроизводительным и объясняет это тем, что он не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости. «Труд этот,— писал он,— ...точно так же не создает стоимости, как труд, затраченный на ведение судебного

процесса, не увеличивает стоимости объекта тяжбы» [1]. Как же это положение совместить с вышеприведенным утверждением о том, что труд работников сферы обращения, поскольку он капиталистически организован, является производительным трудом капиталистического общества? Прежде всего отметим, что и у самого Маркса в «Теориях прибавочной стоимости» производительный труд как категория, характеризующая отношения найма и подчинения труда капиталу, не связывается с определенной формой конкретного труда, потребительной стоимостью товара или способностью труда создавать стоимость, а также и прибавочную стоимость для общества. Напротив, во втором томе «Капитала» производительный труд рассматривается с точки зрения его способности приносить всему обществу стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, здесь даны две характеристики труда и с различных позиций.

В первом томе «Капитала» К. Маркс также рассматривал производительный характер труда безотносительно к отдельным конкретным видам труда [2]. Так, он называет производительным труд работников как сферы материального производства, так и непроизводственной сферы, поскольку они являются наемными рабочими капитала. Напрасно некоторые экономисты ищут различия марксовой трактовки производительного труда в зависимости от воплощения конкретного или абстрактного труда [3]. Критерий производительного характера труда для капиталистического общества следует искать не в результатах труда, а в его общественной форме.

Если согласиться с точкой зрения, согласно которой труд, затраченный на учет стоимостной формы и для смены ее, не является производительным, то мы неизбежно должны будем признать отсутствие капиталистической организации труда и в торговле, и в денежном обращении. Но такое признание противоречит капиталистической действительности. Наем труда в этой сфере капиталом осуществляется с целью самовозрастания капитала. Следовательно, здесь, как и в других отраслях капиталистического хозяйства, капитал достигает своей цели путем беспощадной эксплуатации наемного труда. Этого факта никто не станет отрицать, кроме, конечно, апологетов капитализма. С точки зрения общественных отношений наем труда в названных сферах капиталистического хозяйства не отличается от формы найма в материальном производстве, а, наоборот, только подтверждает единую сущность этих отношений. Следовательно, в сфере обращения, как и в других отраслях хозяйства,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 148.

[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 517.

[3] А. Коган считает, что «понятие производительного труда при капитализме выражает как сам процесс труда в его конкретной форме (конкретный труд), так и экономические отношения производства прибавочной стоимости». (См.: «Экономические науки», 1968, № 5, стр. 36); А. Медведев старается установить связь между конкретным и абстрактным трудом в целях определения его производительного характера. (См.: *В. А. Медведев*. Общественное производство и сфера услуг. М., 1968, стр. 8—9).

общественная форма труда однотипна, а это и говорит о производительном характере этого труда. Однако все сказанное остается в силе только в том случае, если под категорией производительного труда мы будем понимать именно ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства, т. е. наемный труд.

А о том, что К. Маркс именно так понимал категорию производительного труда в капиталистическом обществе, свидетельствует следующее его рассуждение: «Словом, производство этих услуг может в известной своей части быть подчинено капиталу,— точно так же, как, с другой стороны, часть того труда, который воплощается в полезных предметах, покупается непосредственно на доход и не подчиняется капиталистическому производству» [1].

Давая характеристику наемного труда в сфере торговли, К. Маркс писал: «Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости» [2]. То же самое можно сказать и в отношении наемных работников в сфере обращения денежного капитала. Применяемый здесь наемный труд преследует ту же цель, которая служит побудительным мотивом для функционирования капитала в любой из отраслей материального производства. Таким образом, потребительная стоимость наемного труда для капитала в различных фазах общественного воспроизводства одинакова. Рассмотрение наемного труда, связанного со сменой форм стоимости и учетом товарной формы продукта, под различными углами зрения приводит нас к выводу о необходимости относить его к категории производительного.

Против приведенной характеристики производительного труда могут возникнуть возражения. Часть советских экономистов считает производительным трудом в капиталистическом обществе только тот труд, который затрачивается в материальном производстве. Так, А. Д. Кузнецов пишет, что «основополагающим признаком производительного труда, признаком, неотъемлемым и общим для всех общественно-экономических формаций является его функционирование в процессе производства материальных благ. В борьбе с различными вульгарными теориями о производительном труде К. Маркс доказал это с исключительной научной глубиной» [3]. По мнению Кузнецова, специфика этого труда в капиталистическом обществе заключается в том, что этот труд выражает капиталистические производственные отношения. Понятие производительного труда у него ассоциируется с необходимостью производить материальные блага. Между прочим, критерий производительного труда как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 149.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 322.

[3] *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 43.

способность производить то ли материальные, то ли нематериальные блага господствует во всей литературе по данной проблеме, хотя подчас высказываются и взаимоисключающие позиции.

Если стать на точку зрения, согласно которой производительным является только труд в материальном производстве, то многие виды капиталистически организованного труда придется признать непроизводительными. А между тем в работах К. Маркса мы находим недвусмысленные высказывания о том, что многие виды труда в непроизводственной сфере имеют производительный характер. Более того, он прямо указывал, что «производительный труд» — это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается» [1]. Даже в первом томе «Капитала», который вышел в свет еще при жизни его автора, в качестве примера производительного труда с точки зрения капитала дается характеристика наемного труда учителя.

По нашему мнению, нельзя принимать во внимание и версию, согласно которой производительным является всякий труд, входящий в состав стоимости рабочей силы. Экономисты, придерживающиеся этого взгляда, определяют сущность производительного труда в капиталистическом обществе со стороны потребителя, а не владельца условий производства. В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс называет производительным трудом наемный труд артистов, врачей, писателей и даже писцов. Это вполне согласуется с трактовкой производительного труда, данной им в первом томе «Капитала», где указывается, что дело нисколько не меняется от того, вложит ли предприниматель «свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику» [2].

Таким образом, мы видим, что категория производительного труда, рассматриваемая со стороны общественных отношений как в черновых набросках Маркса, так и в труде, вышедшем в свет при его жизни, не связывалась ни с определенным конкретным видом труда, ни с его воплощением в материальных благах. Вместе с тем в «Теориях прибавочной стоимости» есть много высказываний, которые дают повод считать производительным с точки зрения капиталистических отношений только труд, затраченный непосредственно в капиталистически организованном материальном производстве. Так, К. Маркс, например, в одном из мест пишет: «...Производительным является лишь тот труд, который сохраняет и увеличивает стоимость *овеществленного* труда, противостоящего рабочей силе как обособившийся от нее. Производительный труд — это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства» [3]. Мы видим, что речь идет здесь

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 410.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 517.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 404.

о материальном производстве, а не о капиталистическом хозяйстве вообще, куда можно было бы отнести отрасли непроизводственной сферы. Прибавочная стоимость, как известно, создается трудом, применяемым только в материальном производстве. Остальной капиталистически организованный труд может приносить только прибыль. Следовательно, возникает вопрос: является ли труд вне материального производства производительным, если он дает возможность только перераспределять уже произведенную прибавочную стоимость? В нашей литературе этот вопрос пытаются решить двумя путями.

Ряд авторов (их позиция с теми или иными вариациями излагается в учебниках и учебных пособиях по политической экономии) считает, что категорию производительного труда следует рассматривать со стороны отдельного капиталиста и с общественной точки зрения. «С точки зрения капитала всякий труд является производительным, если он доставляет капиталисту прибыль. Это может быть труд наемного артиста или клерка. Но с общественной точки зрения производительным трудом считается лишь труд в сфере материального производства, непосредственно участвующий в создании стоимости и прибавочной стоимости» [1]. Некоторые основания для такой трактовки категории производительного труда дают отдельные высказывания К. Маркса, из которых следует, что один и тот же вид труда может быть производительным и непроизводительным.

Однако не следует забывать, что и труд, воплощающийся в материальных ценностях, может не иметь производительного характера ни с точки зрения капиталиста, ни с точки зрения общества. Возьмем пример, приведенный К. Марксом. Наемный рабочий фабрики по изготовлению пианино не только возмещает своим трудом свою заработную плату, но и приносит капиталисту прибавочную стоимость, которая используется последним как для личного потребления, так и для расширения производства. Именно в силу этих обстоятельств труд, воплощающийся в материальных благах, приобретает производительный характер. Когда же такой самый рабочий приглашается капиталистом на дом, чтобы изготовить пианино для личного пользования, то этот труд, хотя он и воплощается в материальных благах, уже нельзя назвать производительным. В первом случае свершается сделка между продавцом рабочей силы и ее покупателем — представителем капитала. Во втором же случае сделка имеет совершенно иной характер, здесь наши контрагенты выступают: один как простой продавец, а другой — как простой покупатель. Вторая сделка подобна операции, при которой капиталист расходует часть своей прибыли на покупку в магазине какой-либо вещи для личного потребления. В первом случае рабочая сила обменивается на капитал, что и выражает капиталистические производственные отношения, где противостоят друг другу капитал и

[1] Политическая экономия, т. I. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1963, стр. 672.

наемный труд. А во втором случае совершается простой акт купли-продажи, который имеет место при любом способе производства.

Труд рабочего, приглашенного капиталистом на дом для изготовления пианино, ни с точки зрения данного капиталиста, ни с точки зрения капиталистического общества нельзя назвать производительным, так как, во-первых, здесь при найме на работу отсутствуют капиталистические отношения, а, во-вторых, истраченные деньги не дают возможности ни отдельному капиталисту, ни обществу в целом расширить производство. Эта трата денег связана не с производством, а с личным потреблением. Личное же и производственное потребление играют совершенно различную роль в процессе общественного воспроизводства.

Таким образом, критерий материализации труда не дает возможности определить производительный характер этого труда. Сама по себе материализация труда еще ничего не говорит нам о способе производства, о тех отношениях, которые существуют в процессе производства этих благ и в обществе в целом. Ведь материализация труда — это естественное условие, имманентное материальному производству на всех ступенях его развития. Она характерна как для простого, так и для расширенного воспроизводства. И цитирование мыслей Маркса, и логика исследования показывают, что материализация труда не может служить критерием, характеризующим господствующие отношения между трудом и капиталом в буржуазном обществе. Формы обмена труда, как указывал К. Маркс, весьма важны «для нас, когда речь идет о том, чтобы понять специфический характер какого-либо общественного способа производства» [1].

Другие экономисты, считающие производительным трудом в капиталистическом обществе лишь труд материального производства, пытаются обосновать свою позицию несколько иначе. Так, в «Курсе политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова утверждается, что труд, не воплощающийся в материальных благах, но приносящий прибыль капиталисту, выступает в качестве производительного труда, так как «это есть фетишизация общественной формы производительного труда при капитализме. Видимость принимается за сущность» [2]. Как видно, и сторонники этих точек зрения стараются примирить трактовки производительного труда как труда, воплощающегося в материальном производстве, и труда вне этой сферы. С авторами «Курса политической экономии» нельзя согласиться по той причине, что, если под категорией производительного труда понимать специфическое производственное отношение, характерное для капиталистического способа производства, то это отношение реально существует и вне области материального производства и не является лишь видимостью, как утверждается в учебнике.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 291.

[2] Курс политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова, т. I. М., 1963, стр. 483.

Для второго направления в определении производительного труда характерно то, что его сторонники выступают против критерия воплощения труда в материальном продукте. Они считают, что таким критерием может быть способность труда создавать какую-либо потребительную стоимость — действительную или мнимую [1].

Сторонники такой трактовки производительного труда при капитализме пытаются доказать производительный характер труда в услугах. И, хотя они весьма остро критикуют тех экономистов, которые признают производительным только тот труд, который материализуется, позиции их по сути мало чем отличаются. Авторы обоих направлений выступают против смитовской трактовки овеществления труда, несостоятельность которой доказал еще К. Маркс, но фактически сами довольно упорно следуют за А. Смитом. Правда, экономисты второго направления стараются выйти из положения путем различения терминов «овеществление» и «материализация» [2], но это нисколько не укрепляет их позицию, а, наоборот, еще больше подрывает ее. Прежде всего отметим, что как первые, так и вторые связывают категорию производительного труда только с определенной сферой человеческой деятельности, а не с отношениями по поводу этой деятельности. Они рассматривают конкретные результаты человеческой деятельности — одни только в виде продуктов материального производства, а другие еще и деятельность в некоторой части непроизводственной сферы.

Таким образом, ни первые ни вторые не рассматривают категорию производительного труда как политэкономическую категорию, которая выражает определенные, а именно капиталистические производственные отношения. На деле это означает, что понятие производительного труда в капиталистическом обществе они закрепляют за определенными видами конкретного труда. Маркс же определяет категорию производительного труда при капитализме именно теми производственными отношениями, в которых осуществляется труд. Поэтому один и тот же вид конкретного труда в одном случае может носить производительный характер, а в другом нет. «Певица, продающая свое пение на свой страх и риск,— *непроизводительный работник,*— говорит К. Маркс.— Но,— продолжает он,— та же самая певица, приглашенная антрепренером, который, чтобы загребать деньги, заставляет ее петь,— *производительный работник*, ибо она производит капитал» [3]. Мы видим, что производитель-

---

[1] *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 8; *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 10; «Экономические науки», 1968, № 5, стр. 35; «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 8, стр. 99.

[2] А. Коган считает, что продукты, где «труд, материализуясь, не овеществляется, наиболее ярко выражают специфику нематериального производства». (См.: «Экономические науки», 1968, № 5, стр. 35). В. С. Семенов говорит: «Нет сомнения, что с точки зрения содержания, вещественного характера труда производительными являются все виды духовного производства». (См.: *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники, стр. 18.)

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 410.

ный характер капиталистического труда нельзя связывать с трудовыми функциями, он определяется теми общественными условиями, в которых этот труд функционирует как капиталистический наемный труд.

Следует отметить, что позиции сторонников материализации труда более последовательны, они логично отрицают производительный характер всех видов труда вне сферы материального производства. Напротив, их противники, считающие производительными только те виды труда, которые создают потребительные стоимости, стоят на весьма шатких позициях. Ведь прежде, чем признать состоятельность их точки зрения, надо еще доказать, какой труд создает, а какой не создает потребительные стоимости, а это не такое простое дело, как кажется на первый взгляд. Кто может доказать, что артист создает потребительную стоимость, а поп ее не создает? А. Коган, например, считает, что труд попа даже материализуется [1]. В таком случае возникает вопрос, а почему труд многочисленных государственных служащих, служащих военных и полицейских ведомств не создает потребительной стоимости? Ведь помимо своей деятельной стороны он еще и материализуется в кипах исписанных бумаг, письмах и циркулярах. Следуя логике, согласно которой труд, создающий потребительную стоимость, является производительным, мы должны будем все виды труда отнести к этой категории. Исключением может быть только труд, разрушающий потребительные стоимости. Таким образом, если придерживаться точки зрения экономистов, считающих производительным труд, создающий потребительные стоимости, то это неизбежно приведет к необходимости относить к этой категории и наемный труд в торговле. Сами же они этого правильного вывода не сделали.

Сравнение наемного труда в сфере торговли, образования, медицины или других областей человеческой деятельности вполне допустимо. Как конкретные виды труда они, конечно, не сравнимы, но политэкономия и не занимается их анализом. С точки зрения же характеристики производственных отношений эти виды труда однотипны, так как подчинены капиталистическим производственным отношениям, т. е. являются видами наемного труда, которые присущи лишь исторически определенному способу производства. Эти виды труда однотипны по своим экономическим отношениям и с трудом в капиталистическом материальном производстве, хотя и отличаются по своей роли в жизни общества. Весь класс капиталистов выступает коллективным эксплуататором наемных рабочих. Поэтому и производительный труд выступает в буржуазном обществе как труд, приносящий прибыль.

Попытка обосновать различия между наемным трудом в торговле и отраслях хозяйства, где труд не принимает материального воплощения, относится еще к началу двадцатых годов нашего столе-

---

[1] «Экономические науки», 1968, № 5, стр. 35.

тия [1]. В настоящее время некоторые экономисты тоже доказывают, что труд в сфере обращения, связанный со сменой форм стоимости, не относится к производительному, а в услугах он производителен. Если искать различия в труде отраслей непроизводственной сферы, то следовало бы выяснить, чем отличается наемный труд, используемый капиталом для осуществления процесса производства и перераспределения прибыли, от труда, который не используется непосредственно для этой цели. В этом аспекте можно и должно сравнивать все многообразные виды труда, используемые капиталистами для своего обогащения, с теми видами, которые непосредственно не преследуют этого. В таком плане правомерно противопоставить труд служащих капиталистического государства труду наемных работников торговли и других сфер капиталистического хозяйства. Следовательно, дело вовсе не в потребительной стоимости, которую создает труд, а в том, какова организация труда, что проявляется в его результативности для того, кто нанимает этот труд. Хотя государственные служащие тоже работают по найму, но здесь мы имеем совсем не те отношения, которые господствуют при найме рабочих капиталистами, капитал которых имеет различные функциональные формы.

Исследование сущности производительного труда в капиталистическом обществе приводит к необходимости сделать вывод о том, что объектом приложения этого труда есть капиталистически организованное материальное производство, а также труд ряда отраслей непроизводственной сферы, который используется капиталистами в целях перераспределения прибыли или доходов. Таким образом, критерием производительного труда в условиях капиталистического общества являются капиталистические производственные отношения, выступающие как отношения между трудом и капиталом. Значит, не производство какой-либо потребительной стоимости, а использование потребительной стоимости товара рабочей силы придает труду производительный характер. Не случайно К. Маркс отмечал, что «потребительная стоимость товара, в котором воплощается труд производительного рабочего, может быть совершенно ничтожной. Эта характеристика труда с его вещественной стороны нисколько не связана с его свойством быть производительным трудом, которое, напротив, выражает только определенное общественное производственное отношение. Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или его результата, а из его определенной общественной формы» [2]. Капиталистическая форма труда, как показывает анализ капиталистического общества, присуща не только материальному производству, но и ряду отраслей непроизводственной сферы.

Вывод о производительном характере труда в ряде отраслей не-

---

[1] См.: «Плановое хозяйство», 1928, № 10, стр. 144; «Проблемы экономики», 1929, № 12, стр. 90.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 139.

производственной сферы коренным образом отличается от взгляда тех экономистов, которые считают здесь труд производительным только потому, что он производит потребительные стоимости. Наемный труд в сфере обращения и в отраслях непроизводственной сферы, подчиненных капиталу, можно включать в категорию производительного труда только с позиций капиталистических производственных отношений.

В капиталистическом обществе отдельные виды непроизводительного труда выступают как услуги, приобретающие товарную форму. Это обстоятельство указывает на то, что затраченный на них труд подчиняется капиталу. Вместе с тем здесь создается иллюзорное впечатление, будто в услугах, как и в материальном производстве, создается и реализуется продукт. Однако и классики буржуазной политической экономии, и основоположники научного коммунизма называли труд в услугах непроизводительным. Не находя выхода из кажущегося противоречия, некоторые экономисты пытаются сослаться на устарелость взглядов К. Маркса. Так, А. Коган пишет: «В настоящее же время обстоятельства, в силу которых К. Маркс специально не исследовал нематериальное производство, перестали действовать... Таким образом, и с точки зрения научной методологии, и с точки зрения объективных условий капиталистической экономики анализ специфики капиталистических отношений в нематериальном производстве становится актуальным» [1]. Подобного мнения придерживается и В. А. Медведев. Он пишет: «И в «Капитале» эта сфера не была предметом рассмотрения лишь потому, что труд, создающий услуги, в те времена большей частью не был охвачен капиталистическими производственными отношениями» [2]. Эти авторы вкладывают в понятие производительного труда при капитализме способность что-либо производить. Поэтому, с их точки зрения, труд в услугах является производительным, а в сфере обращения — непроизводительным. Но для убедительности своей точки зрения им приходится доказывать, что ранее в нематериальном производстве капитал не играл существенной роли, а на современном этапе услуги подчинены капиталу.

На то обстоятельство, что часть труда в услугах может быть подчинена капиталу, указывал и К. Маркс. Но он определял производительный труд как категорию капиталистических отношений вне зависимости от способности труда что-либо производить. Дело вовсе не в материальном или нематериальном производстве. Ведь сам К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» и в первом томе «Капитала» определял производительный характер труда с точки зрения капиталистических отношений вне зависимости от сферы его приложения.

---

[1] «Экономические науки», 1968, № 5, стр. 45.

[2] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 23.

В капиталистическом обществе товарное производство приобретает всеобъемлющий характер, становится господствующим. В. И. Ленин говорил, что «под капитализмом разумеется та стадия развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека» [1]. Именно благодаря всеобщности товарного производства отношения буржуазного общества принимают вид товарных отношений. Это обстоятельство, по-видимому, и породило одно из смитовских определений производительного труда как труда, производящего товар. Действительно, все, что производится и продается капиталистами как товар, является результатом капиталистически организованного труда, т. е. труда производительного, на котором основан этот способ производства. Однако товарами в условиях буржуазного общества выступают не только материальные блага, но и труд в качестве деятельности. Следовательно, всякий труд, имеющий капиталистическую организацию, является производительным трудом.

Смитовскую трактовку производительного труда как труда, воплощенного в товаре, К. Маркс считал менее удачной не потому, что она не отражала сущности исследуемой категории, а потому, что это отражение было недостаточно точным. Ряд благ в буржуазном обществе приобретает товарную форму, не будучи результатом капиталистически организованного труда. Так, продукты труда мелких крестьян и ремесленников выступают на рынке в качестве товаров, хотя воплощенный в них труд не рассматривается как категория производительного или непроизводительного труда с точки зрения буржуазных производственных отношений. Далее, работники непроизводственной сферы также реализуют свою деятельность в товарной форме, хотя материальный продукт и отсутствует. Следовательно, только обмен труда на капитал дает правильный критерий определения производительного труда, рассматриваемого в качестве специфической категории буржуазного общества. И те экономисты, которые трактуют сущность производительного труда как способность создавать потребительную стоимость, выступающую в товарной форме, фактически исходят из второго смитовского определения этой категории, которое К. Маркс считал менее удачным, так как оно не отражает специфики производительного труда в условиях капитализма.

А. Смит понимал, что между категорией производительного труда с точки зрения капитала и действительно производительным трудом есть различие. Поэтому, рассматривая отдельные виды труда, он называет их то производительными, то непроизводительными. Не сумев найти критерия для определения производительного труда безотносительно к капиталистическому способу производства, но интуитивно чувствуя, что в труде, получающем материальное воплощение, таится отличие его от непроизводительного труда, А. Смит

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 87.

вводит дополнительный признак для производительного труда. Так, он считает, что производительным является труд, овеществляющийся в таком отдельном предмете, который можно продать и который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как сам этот труд прекратился [1]. Для А. Смита капиталистический способ производства является вечным и естественным и поэтому категория производительного труда с точки зрения капитала тоже является вечной и естественной. Этим и объясняется его неумение подойти научно к определению критериев производительного труда безотносительно к интересам капиталистического общества. Да и для капиталистического общества А. Смит дает то одно, то другое определение категории производительного труда.

Мы уже отмечали, что К. Маркс рассматривал производительный характер труда в простом и расширенном воспроизводстве, а так же, как отношение труда к своему продукту, т. е. как категорию, которая присуща всем общественно-экономическим формациям. Он также указал на необходимость отличать производительный труд как категорию буржуазной политической экономии от производительного труда вообще. «Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно вечными естественными формами производства,— писал К. Маркс,— может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще; только она может поэтому кичиться, как проявлением особой мудрости, своим ответом, гласящим, что всякий труд, производящий вообще что-либо, имеющий что-либо своим результатом, тем самым есть уже производительный труд» [2].

Как мы уже видели, при анализе производительного характера труда вообще рассматривается труд в сфере материального производства, целью которого является производство потребительных стоимостей. Но капиталистические производственные отношения накладывают свой отпечаток на определение категории производительного характера труда даже в материальном производстве. Капиталистическое производство преследует цель не создания потребительной стоимости, а стоимости, и не просто стоимости, а стоимости больше той, которая была авансирована. Если мы допустим, что при капитализме материализация труда является критерием его производительного характера при рассмотрении этой категории в материальном производстве, то необходимо будет отказаться от ранее изложенного взгляда, согласно которому труд, получающий материальное воплощение, не всегда является производительным. Например, труд портного, изготавливающего костюм не в мастерской, а дома у капиталиста-потребителя, хотя и воплощается в ма-

[1] См.: *А. Смит,* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, стр. 278.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 400.

териальном благе, но не может быть назван производительным. Следовательно, материализация труда является хотя и необходимым, но недостаточным признаком производительного характера труда в материальном производстве, где господствуют капиталистические производственные отношения.

В первом параграфе настоящей главы было показано, что производительный характер труда следует рассматривать с точки зрения простого и расширенного воспроизводства. Поскольку последний тип является наиболее характерным для капиталистической формации, то, по нашему мнению, под производительным трудом, функционирующим в капиталистическом материальном производстве, следует понимать такой труд, который используется для расширения капиталистического производства. При этом наиболее характерной чертой производительного труда является его материализация, а также способность создавать такое количество продукта, которое не только возмещает затраты на воспроизводство рабочей силы, но и создает возможность использовать часть его для личного потребления капиталиста и расширения производства. Поскольку в капиталистическом обществе господствуют товарно-денежные отношения, то производительный труд должен создавать стоимость большую, чем та, которая возмещает затраты на заработную плату работника.

Капиталистическое производство — это производство, которое стремится к безграничному расширению. Основой этого расширения является непрерывный рост материального богатства. Увеличение последнего важно не только для развития производства, но и укрепления господствующего общественного строя. Ведь труд, дающий материальные возможности расширения производства, «не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, при которых эти продукты производятся» [1].

В условиях буржуазного общества, где существование класса капиталистов, а также расширение материального производства возможны лишь благодаря эксплуатации наемного труда, труд приобретает производительный характер лишь в том случае, если он создает прибавочный продукт в специфической, характерной для данного общества форме, а именно в форме прибавочной стоимости. «Итак,— говорит К. Маркс,— *производительный труд* в системе капиталистического производства — это такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость,* или, иначе, это — труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; это, стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала» [2]. Мы видим, что при определении производительного характера труда в капиталистическом производстве К. Маркс применяет критерий соз-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 451.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 404.

дания прибавочной стоимости. Это не случайно. Ведь здесь труд тоже обменивается на капитал, но для материального производства более характерен критерий прибавочной стоимости, ибо только она дает возможность воспроизвести в расширенном масштабе и производство, и производственные отношения. Обмен же труда на капитал может иметь место и в непроизводственной сфере.

В исторически определенном способе производства только материальный продукт действительно выступает носителем специфических производственных отношений, складывающихся по поводу его производства, распределения и потребления. И затраченный труд в капиталистическом материальном производстве, создающий прибавочную стоимость, является производительным не только с точки зрения расширенного капиталистического производства, но и с точки зрения общественных отношений, поскольку он имеет организацию, имманентную этому обществу. Труд вне сферы материального производства, поскольку он не является создателем материальных благ, не может воспроизводить капиталистические производственные отношения, т. е. этот труд не создает прибавочной стоимости, а потому его нельзя назвать производительным с точки зрения капиталистического расширенного воспроизводства. Но этот труд может быть капиталистически организованным, т. е. иметь производительный характер с точки зрения капиталистических производственных отношений.

Для общества, которое развивается, значение производительного и непроизводительного труда, рассматриваемого с позиций возможности осуществления расширенного воспроизводства, неодинаково. Это с убедительной силой доказано марксистской наукой. Да и сама жизнь, несмотря на апологетические теории прислужников буржуазии, постоянно показывает, что производительный труд, результаты которого используются для расширения материального производства, всегда является первоосновой развития общества. Особенно остро это чувствуется в период сложных ситуаций. Так, например, во время войны непроизводительные работники призываются в армию, а производительные бронируются. В связи с нехваткой рабочей силы биржи труда стремятся людей непроизводительных профессий занять производительным трудом в материальном производстве и т. д.

Характеристика производительного характера труда с точки зрения расширенного воспроизводства дает возможность отграничить труд, создающий материальное богатство, от труда, который не обладает таким свойством, т. е. от непроизводительного труда. «Различение между производительными видами труда и непроизводительными,— говорит К. Маркс,— имеет решающее значение для... производства материального богатства, и притом для определенной формы этого производства, для капиталистического способа производства» [1]. Поскольку производительный характер труда, рас-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 278—279.

сматриваемый с позиций расширенного воспроизводства, дает возможность развивать материальное производство, воспроизвести в расширенном масштабе рабочую силу и существующие производственные отношения, то он и является объектом политэкономического анализа.

Таким образом, производительный труд с позиций общественных отношений и с позиций расширенного воспроизводства капитализма представляет собой различные политэкономические категории и имеет различные критерии. Когда анализируется производительный труд с точки зрения общественных отношений, то преследуется цель дать характеристику труда, который господствует во всех отраслях капиталистического хозяйства. Этот труд выступает как наемный и используется он функционирующими капиталистами в целях самовозрастания их капитала независимо от сферы применения последнего. Если же рассматривать производительный труд с позиций капиталистического расширенного воспроизводства, то применяется критерий производства прибавочной стоимости, так как это свидетельствует о том, что расширение производства и само существование класса капиталистов возможно лишь в связи с эксплуатацией рабочих, занятых в материальном производстве.

3. Производительный труд социалистического общества

Экономические категории, даже будучи общими для всех общественно-экономических формаций, в определенных общественных условиях приобретают специфичность, присущую только этим условиям. Так, человеческий труд сам по себе существует в различных способах производства, но в каждом из них он имеет определенную форму и специфический характер. Именно те специфические формы труда, на которых зиждятся различные общественно-экономические формации, и представляют интерес для политэкономического анализа этих эпох. Специфичность форм труда в каждой формации обусловлена совокупностью производственных отношений и прежде всего господствующими формами собственности на средства производства. Вместе с тем эти формы труда сами характеризуют общественный строй, господствующий в стране.

Основоположники научного коммунизма не рассматривали сущность политэкономической категории производительного труда в условиях социалистического общества. Но разработка политической экономии социализма и требования практики социалистического строительства поставили эту задачу перед экономистами прежде всего нашей страны, а затем и других стран социалистического содружества.

Необходимость выработки критерия для определения производительного характера труда как специфической категории социалистического общества породила, пожалуй, наиболее острую и длительное время незатухающую дискуссию среди экономистов. В этой

дискуссии можно выделить два направления. Сторонники первого придерживаются того взгляда, согласно которому в условиях социализма материализация труда является критерием его производительного характера. При этом в понятие материализации вкладывается различное содержание и поэтому среди сторонников данного направления существуют многочисленные ответвления, которые стараются доказать непогрешимость только определенного вида материализации. Для второго направления характерно, за редким исключением, единодушие в определении производительного труда как труда, производящего потребительные стоимости вне зависимости от того, применяется ли труд в материальном производстве или в непроизводственной сфере.

В советской экономической литературе преобладает первое направление, хотя за последние годы сторонники второго направления издали ряд работ, в которых пытаются доказать незыблемость своей точки зрения. Для выяснения сущности вопроса рассмотрим наиболее характерные черты взглядов тех экономистов, которые полагают, будто определяющим критерием для производительного труда в социалистическом обществе является его воплощение в материальных благах [1].

Ряд экономистов считает производительным трудом при социализме те его виды, которые производят материально-осязаемые потребительные стоимости. Так, А. П. Ахундов утверждает, что «производительный труд при социализме... есть труд, непосредственно направленный на материю и ее силы, который видоизменяет предметы, создает материальные блага и воспроизводит их для удовлетворения потребностей социалистического общества» [2]. Мы видим, что в этом определении наряду с материально-вещественным фактором придается значение также процессу материального производства. Но ни первый, ни второй факторы не могут служить отличительными признаками производительного труда как специфической категории социализма. Ведь они, во-первых, являются лишь общими характерными чертами материального производства, независимо от общественного характера последнего. Во-вторых, в рамках одной общественно-экономической формации могут сосуществовать различные типы производства, следовательно, названные признаки не

---

[1] См.: *Я. А. Кронрод.* Основные вопросы марксистско-ленинского учения о производительном труде при капитализме и социализме.— «Известия АН СССР», отделение экономики и права, 1947, № 1, стр. 35; *И. С. Судеревский.* Проблемы разделения труда. М., 1963, стр. 105; *П. П. Литвяков* и *Н. К. Тяпкин.* Общественный труд и его производительность. М., 1961, стр. 46; *П. М. Павлов* и *Е. Д. Каганов.* Социалистическое воспроизводство на современном этапе. М., 1963, стр. 125—126; Проблемы политической экономии социализма. М., 1963, стр. 96; *Б. Я. Ошаровский.* Производительный и непроизводительный труд при социализме. К., 1966, стр. 17; *Г. А. Пруденский.* Время и труд. М., стр. 11; *В. М. Солодков, Р. Н. Самар.* Методология исследования производительного и непроизводительного труда при социализме. М., 1969, стр. 27, и др.

[2] Ученые записки Азербайджанского государственного педагогического института, VI. Баку, 1958, стр. 99.

отражают специфичности категории производительного труда в условиях социалистического общества. Наконец, в-третьих, видоизменение и приспособление предметов природы являются недостаточным признаком для определения процесса производства, так как эти моменты могут быть присущи и процессу потребления материальных благ, которое по своему экономическому значению коренным образом отличается от первого. Таким образом, материализация труда, его вещественный признак не решает проблемы или во всяком случае не является достаточным для уяснения критерия определения категории производительного труда в социалистическом обществе.

Ряд представителей первого направления, пытаясь следовать методологическим указаниям К. Маркса о сущности производительного труда в условиях капитализма, по аналогии считает наиболее характерным для этой категории в условиях социалистического общества то, что этот труд приносит необходимый и прибавочный продукт. Эта точка зрения преобладает в экономической литературе, хотя авторы ее, пытаясь как-то отразить специфику категории производительного труда в условиях социалистического общества, и подают ее в различных определениях. Так, М. И. Волков утверждает, что «под производительным трудом в социалистическом обществе следует понимать труд, занятый в сфере материального производства и участвующий в создании необходимого и прибавочного продукта» [1]. Как видно, этот автор без каких-либо оговорок определяет производительный труд в условиях социалистического общества по аналогии с капиталистическими условиями.

Взгляды сторонников такого определения категории производительного труда при социализме справедливо подверглись критике в нашей литературе [2]. Сущность этих взглядов состоит в попытке модернизировать критерий производительного труда в капиталистическом материальном производстве для характеристики этой категории в условиях социалистических производственных отношений. Приведенное определение категории производительного труда нельзя считать правильным, так как оно не только не отражает специфики нового, социалистического способа производства, но и неправильно определяет суть той общественной формы труда, на которой зиждется социализм. Признав критерием производительного труда в условиях социализма способность приносить необходимый и прибавочный продукт, мы тем самым отождествим суть капиталистического и социалистического производства. Положение не меняется от того, что сторонники этого взгляда употребляют вместо прибавочной стоимости прибавочный продукт. Способность труда приносить прибавочный продукт в форме прибавочной стоимости, как указывал К. Маркс, «проистекает не из его (труда.— *В. К.*) содержания или

---

[1] Социалистический способ производства. Вып. II. М., 1962, стр. 107.

[2] См.: *М. С. Первушин.* Некоторые проблемы перехода от социализма к коммунизму. М., 1960, стр. 63.

его результата, а из его определенной общественной формы» [1]. Кроме того, способность труда приносить прибавочный продукт появилась задолго до возникновения социалистического способа производства, следовательно, она не может отражать специфику труда при социализме.

Некоторые сторонники этого же направления отмечают, что определяющим критерием является участие не только в создании материального продукта, но и производственных отношений социализма. Так, Я. А. Кронрод пишет: «Создание материального продукта, являющегося социалистической собственностью, именно в этих масштабах и образует, с количественной стороны, исторический признак производительного труда при социализме» [2]. Подобное же определение категории производительного труда значительно позднее дает в своей работе А. Д. Кузнецов [3].

Таким образом, сторонники критерия материализации труда как признака, который определяет специфичность этой категории при социализме, не могут показать, в чем же специфика производительного труда в условиях социалистического общества.

Недостатками вышеприведенных определений категории производительного труда при социализме являются, во-первых, то, что здесь на первое место выдвигается материальность продукта, во-вторых, то, что ряд видов труда, создающего такой продукт в условиях нашего общества, выпадает из сферы производительного труда. Так, многие произведения живописи, скульптуры являются собственностью социалистического общества, а между тем труд художников, скульпторов не всегда можно отнести к производительному труду.

В противоположность взглядам тех экономистов, которые считают непременным признаком производительного труда при социализме материализацию его результатов, ряд авторов пытается обосновать ту точку зрения, согласно которой всякий труд, независимо от его материализации, является производительным. Между этими направлениями длительное время ведется полемика. Сторонники того и другого находят аргументы для доказательства своих и отрицания чужих взглядов.

Среди противников признания материализации в качестве критерия производительного характера труда четко выделилось два ответвления. Экономисты первого ответвления считают, что весь труд в социалистическом обществе, где бы он ни был затрачен, является производительным трудом. В двадцатых годах нашего столетия такого взгляда придерживались С. Г. Струмилин, Б. М. Маркус. Последний писал: «В социалистической системе хозяйства все виды труда являются работой на общество и непосредственно

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 139.

[2] *Я. А. Кронрод*. Социалистическое воспроизводство. М., 1955, стр. 145.

[3] *А. Д. Кузнецов*. Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 45.

общественный труд является производительным трудом» [1]. В 50-х и 60-х годах эта точка зрения поддерживалась лишь отдельными советскими экономистами [2].

Сторонники этой точки зрения полагают, будто понятия категории производительного и непроизводительного труда применимы только к обществу, в котором существуют эксплуататорские и эксплуатируемые классы. Так, Л. С. Глязер считает, что согласно взглядам К. Маркса, классификацию труда на производительный и непроизводительный можно использовать только в буржуазном обществе. «В обществе,— пишет он,— где нет эксплуататорских классов, отсутствуют и непроизводительные социальные группы, существующие за счет производственных работников. В этом обществе отсутствует деление на труд, который обменивается на капитал, и труд содержащийся за счет дохода» [3]. А дальше он уже прямо заявляет: «весь труд в социалистическом обществе является производительным, здесь нет непроизводительных классов или социальных групп» [4]. Мы видим, что сторонники приведенной точки зрения рассматривают труд в условиях социалистического общества как нечто однородное. Такой подход, по нашему мнению, нельзя считать правильным. Ведь в условиях первой фазы коммунистического общества даже на государственных предприятиях, являющихся объектом всенародной собственности, непосредственно общественный характер труда еще не достиг высшей ступени зрелости. А в колхозно-кооперативной форме собственности труд непосредственно объединен только в рамках отдельного хозяйства. Государственные задания охватывают лишь часть продукции этих хозяйств, следовательно, не весь труд колхозников может выступать в качестве непосредственно общественного даже с точки зрения включения его в состав совокупного общественного труда.

Далее, в социалистическом обществе, хотя и отсутствуют эксплуататорские классы, но это совсем не означает, что все виды труда имеют имманентную этому обществу форму. Практика социалистического строительства в нашей стране и странах народной демократии показывает, что несоциалистические типы труда в сельском хозяйстве и промышленности ликвидируются не сразу. Поэтому уничтожение эксплуататорских классов еще не является достаточным для превращения всех видов труда в социалистический труд. Даже в условиях полной и окончательной победы социализма имеются, хотя и в незначительном количестве, единоличные хозяй-

---

[1] *Б. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 37.

[2] См.: «Вопросы философии», 1958, № 8, стр. 187; *С. П. Первушин.* Некоторые проблемы перехода от социализма к коммунизму, стр. 66; *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления, М., 1966, стр. 57, 103; «Экономические науки», 1966. № 5, стр. 44; Цены и ценообразование. Труды института им. Г. В. Плеханова, вып. 40. М., 1966, стр. 16.

[3] *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии и планирования общественных фондов потребления, стр. 53.

[4] *Там же,* стр. 57.

ства в сельскохозяйственном производстве и кустари в промышленности. Таким образом, ликвидация эксплуататорских классов не означает автоматического установления однотипности в социально-экономических формах труда, применяемых в обществе. Кроме того, следует заметить, что труд даже в одном и том же секторе, например в государственном, имеет не однородную социально-экономическую форму и выполняет различные функции.

Для второго ответвления, которое также отрицает материализацию в качестве признака производительного труда, характерно признание категорий как производительного, так и непроизводительного труда при социализме. В качестве критерия для первого сторонники этого ответвления считают способность труда создавать какие-либо блага будь-то материальные или нематериальные, или, как они выражаются, «потребительную стоимость». С их точки зрения, потребительная стоимость может существовать в виде материального предмета или без него. Так, В. А. Медведев полагает, что в условиях социалистического общества «производительным с точки зрения простого процесса труда, т. е. труда как целесообразной деятельности, является труд работников материального производства и сферы услуг, результатом которого выступает определенная потребительная стоимость» [1]. Как видно, такое определение критерия производительного труда понадобилось автору для доказательства того, что труд, затрачиваемый на услуги, является производительным. Это характерно для всех сторонников данного взгляда. Да и сама по себе такая постановка вопроса не является новой. Еще в 20-х годах эта точка зрения была высказана С. Г. Струмилиным, которую поддержали А. Аболин, Д. Розенберг, П. Москвин. Правда, С. Г. Струмилин, в отличие от остальных, считал, что «если оказанная услуга, оплачиваемая полностью, исчезает бесследно — без всякого производственного эффекта — в самый момент его потребления, то никакого прибавочного продукта обществу создать она не может. Это довольно бесспорно» [2].

В попытках определить сущность категории производительного труда при социализме одни экономисты прибегают к выяснению проблемы создания новой стоимости [3], другие ищут количественные и качественные критерии производительного труда [4]. Но как бы ни различались встречающиеся точки зрения на производительный труд для них всех характерно то, что их сторонники под этой категорией понимают способность труда что-то создавать. Одни говорят, что производительный характер труда проявляется в создании материальных благ, а другие считают это недостаточным признаком и

---

[1] *В. А. Медведев.* Общественное производство и сфера услуг, стр. 116.

[2] «Плановое хозяйство», 1926, № 8, стр. 156.

[3] «Международные отношения и мировая экономика», 1968, № 2, стр. 80.

[4] См.: *М. И. Скаржинский.* Труд в непроизводственной сфере. М., 1968, стр. 5, 6; *В. М. Солодков* и *Р. Н. Самар.* Методология исследования производительного и непроизводительного труда при социализме, стр. 20.

поэтому причисляют к названной категории труд в нематериальной сфере. Но и те и другие забывают, что «определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда» [1]. Именно общественная форма труда составляет отличительную черту каждого способа производства.

Мы видим, что производительный труд, рассматриваемый в качестве специфической категории определенного способа производства, не подвергался анализу ни одной из спорящих сторон. Эта методологическая погрешность, по нашему мнению, привела к тому, что имеющиеся разработки по проблеме производительного характера труда при социализме пока еще не нашли своего отражения ни в курсе политической экономии, ни при анализе практики.

Однако нельзя сказать, что полемика, продолжающаяся ряд лет, была бесплодной. Нет. Если в литературе 20-х и 30-х годов делалась попытка дать однозначное определение иссследуемой категории, то на современном этапе некоторые экономисты пытаются определять ее со стороны общественных отношений и со стороны простого процесса труда. Здесь следует отметить работу В. А. Медведева «Общественное воспроизводство и сфера услуг», в которой, несмотря на ошибочное, с нашей точки зрения, изложение всей проблемы услуг, в вопросе о производительном характере труда сделан некоторый шаг вперед. Однако при этом необходимо подчеркнуть, что толчком к такому шагу послужило желание автора доказать производительный характер труда ряда отраслей нематериального производства. Поэтому верная посылка не привела к положительным результатам. Автор использовал ее лишь для доказательства равнозначности труда в сфере материального производства и непроизводственной деятельности, поскольку и тот и другой, по его мнению, производят стоимость и прибавочную стоимость.

Таким образом, эти причины привели к тому, что суть проблемы — выяснение критерия производительного характера труда с точки зрения социалистических производственных отношений—осталась в тени, хотя ей В. А. Медведев посвятил в своей работе специальный параграф. И не случайно его трактовка производительного характера труда, как и трактовка тех, против кого он выступает, базируется на том, что это способность труда что-либо создавать [2].

Стало быть, вопрос снова сводится к тому, считать производительным весь труд или только труд в материальном производстве, т. е. продолжается спор вековой давности. Вопросы же об определении производительного характера труда как специфической категории социалистического общества, о сути различения производительного и непроизводительного труда с точки зрения общественных отношений внутри господствующего способа производства остаются невыясненными. Более того, вопрос о специфичности категории про-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 45.

[2] См.: *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 128.

изводительного труда при социализме фактически остался также нерешенным, несмотря на длительную дискуссию.

При анализе критериев производительного характера труда в условиях социалистического общества прежде всего следует заметить, что здесь собственником средств производства является общество, а следовательно, только с его точки зрения нужно рассматривать и характер труда. Поскольку при социализме существуют две формы социалистической собственности, то и производительный характер будет иметь труд, затраченный на государственных и кооперативных предприятиях. Мы видим, что производительный труд при социализме выступает прежде всего как социалистически организованный. Когда политическая экономия рассматривает категорию производительного труда как специфическую категорию социализма, то она тем самым дает анализ полноты охвата социалистическими производственными отношениями труда, занятого как в сфере материального производства, так и вне ее.

Теория производительного труда при социализме отражает и объясняет господство социалистических производственных отношений во всех сферах народного хозяйства. Определение производительного характера труда в социалистическом обществе с точки зрения производственных отношений состоит в отображении господства социалистической формы труда в народном хозяйстве. Государственные и партийные органы постоянно интересовались, каков удельный вес социалистически организованного труда в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и других отраслях народного хозяйства. В статистических справочниках, в отчетных докладах ЦК КПСС на съездах нашей партии всегда фигурировали материалы о проценте охвата социалистическими отношениями отраслей народного хозяйства.

Представление о том, как протекал процесс становления социалистических форм труда в народном хозяйстве, могут дать материалы об изменениях классового состава населения СССР за длительный период (табл. 1).

Хотя в приведенной таблице показано все население, а не распределение только трудящейся части его по социально-экономическим секторам, тем не менее мы можем с достаточной вероятностью проанализировать вытеснение несоциалистических форм труда. Если в 1928 г. к несоциалистическому сектору народного хозяйства относилось 79,5% населения, то в 1938 г. — лишь 2,6%, а в 1968 г. можно констатировать, что несоциалистические формы труда практически отсутствовали.

При рассмотрении категории производительного труда в условиях социалистического общества необходимо иметь в виду, что объекты общенародной собственности государство передает в пользование предприятиям и организациям, поэтому исследование производительного труда с позиций общественных отношений идентично исследованию его с позиций этих предприятий и организаций. Последние выступают от имени общества как собственника условий

Таблица 1

Классовый состав населения СССР [1], %

	1928 г.	1938 г.	1959 г.	1968 г.
Все население (включая и неработающих членов семей)	100	100	100	100
В том числе:				
рабочие и служащие . . .	17,6	50,2	68,3	77,70
колхозное крестьянство и кооперированные кустари . .	2,9	47,2	31,4	22,27
крестьяне-единоличники и некооперированные кустари.	74,9	2,6	0,3	0,03
буржуазия, помещики, торговцы и кулаки	4,6	—	—	—

[1] Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник, М., 1969, стр. 35.

производства. С другой стороны, основная масса населения социалистического общества располагает только трудовым доходом, который можно использовать лишь в целях личного потребления. Следовательно, производительные расходы могут осуществляться только государственными и колхозно-кооперативными предприятиями и организациями.

Анализируя производительный труд с точки зрения социалистических производственных отношений, следует иметь в виду, что в условиях социалистического общества устранена система эксплуатации человека человеком, рабочая сила перестала быть товаром, а следовательно, исчезли такие категории, как стоимость и цена рабочей силы. Соединение рабочей силы со средствами производства в связи с наличием товарно-денежных отношений принимает форму «найма». Но в условиях социализма эта форма не имеет ничего общего с актом купли-продажи рабочей силы при капитализме. Форма найма, существующая на государственных предприятиях, есть лишь внешним проявлением тех экономических отношений между всем обществом как собственником и отдельными членами этого же общества, только при этом существует промежуточное звено — предприятие. Однако последнее не является собственником средств производства, а следовательно, и субъектом производственных отношений. За внешней формой найма при социализме стоят специфические экономические отношения этого общества и прежде всего отношения распределения по труду. Это обусловлено господством безэквивалентной связи между средствами производства и рабочей силой. В социалистическом обществе форма «найма» является средством планомерного включения трудящихся в процесс труда. Она выражает отношения свободных от эксплуатации тружеников

с обществом в целом. Именно планомерное включение рабочей силы в процесс труда является одной из характерных черт социалистических производственных отношений, базирующихся на общественной собственности на средства производства.

Следовательно, форма найма, договор найма, в котором фиксируются отношения между тружениками как индивидуумами и обществом в целом или отдельными его коллективами, по своей экономической сущности отражает новые, социалистические отношения, определяющие способ включения работника в производство, т. е. в коллективный труд, а также способ вознаграждения затраченного труда посредством распределения по труду.

Форма найма рабочей силы не всегда тождественна по своему экономическому содержанию отношениям купли-продажи товара рабочей силы. Для того чтобы последние имели место в обществе, необходимы специфические условия — отделение непосредственного производителя от средств производства. Отождествление же формы найма с куплей-продажей рабочей силы, по нашему мнению, возникает тогда, когда экономическое понятие собственности подменяется юридическим пониманием этой категории.

Социалистически организованный труд дает возможность производить, распределять и перераспределять произведенный доход в интересах всего общества. Таким образом, производительный труд при социализме — это труд, являющийся основой существования и развития только данного общественного строя. Суть деления труда на производительный и непроизводительный с точки зрения социалистических общественных отношений состоит в том, что оно дает представление об охвате труда социалистическими производственными отношениями во всех отраслях народного хозяйства страны. Как категория политической экономии социализма производительный труд представляет исторически определенную общественную форму труда, которая отражает присущие только данному обществу отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации людей.

Какие же виды труда носят социалистическую организацию? Это прежде всего труд на социалистических предприятиях сферы материального производства, сферы обращения и потребления, т. е. труд, осуществляющий процесс социалистического воспроизводства. Далее, это социалистически организованный труд той части предприятий и учреждений непроизводственной сферы, деятельность которых имеет своей целью удовлетворение потребностей населения, а также общественного производства. Таким образом, производительный труд в социалистическом обществе с точки зрения производственных отношений — это труд, направленный на достижение цели социалистического производства, выраженной в основном экономическом законе социализма. Содержанием этого закона, как указывается в Программе КПСС, является «все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей

народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства» [1].

К. Маркс, давая характеристику производительного труда с общественной точки зрения, т. е. как специфической категории господствующих производственных отношений, не связывал ее со сферой приложения труда. Он писал: производительный труд — «это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего *с определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается» [2].

Из сказанного видно, что труд как основа существования социалистического общества, т. е. производительный труд с точки зрения общественных отношений, имеет место не только в социалистически организованном материальном производстве, но и в ряде отраслей непроизводственной сферы.

Характеризуя общественно-экономические формации, марксизм лишь в абстракции допускает существование в них однородных производственных отношений. И социалистическое общество в этом отношении не является исключением. К труду, применяемому в различных сферах хозяйства, но не имеющему социалистической организации, не применимо разграничение на производительный и непроизводительный с точки зрения социалистических общественных отношений. В условиях социалистического общества к таким видам труда можно отнести труд кустарей в промышленности и единоличников в сельском хозяйстве, труд на концессионных предприятиях, а также на частных предприятиях, которые имеются в некоторых социалистических странах. Труд, не имеющий социалистической организации, обладает определенной общественной полезностью и поэтому при соответствующих условиях его существование при социализме допускается. Однако в этих типах хозяйства труд не охвачен системой социалистических производственных отношений, он отражает отношения, не имеющие ничего общего с социализмом. Остатки несоциалистических укладов представляют конгломерат реликтовых производственных отношений, которые по необходимости допускаются социалистическим обществом вследствие невозможности единовременной и всеохватывающей ликвидации инородных ему форм труда и производства. Вытеснение и ликвидация последних становится возможной лишь тогда, когда новые социалистические формы труда и производства экономически становятся настолько сильными, что могут полностью удовлетворить потребности общества в производстве предметов потребления и услуг.

Особо следует остановиться на вопросе о том, имеет ли производительный характер с точки зрения социалистических производственных отношений труд в личном подсобном хозяйстве колхозников, рабочих и служащих. Труд, затрачиваемый в этих хозяй-

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 329.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 410.

ствах, хотя еще и необходим на современном этапе в большинстве стран социалистического содружества, с точки зрения его организации нельзя признать имманентным социалистическому способу производства. Поэтому сосуществование труда в личном подсобном хозяйстве и социалистически организованного труда допускается лишь на определенное время как вынужденная мера. При этом развитие несоциалистических форм труда строго контролируется с тем, чтобы непомерное расширение его не нанесло ущерба совершенствованию социалистической организации труда. Отмечая неоднородность социалистической организации труда и организации труда в личном подсобном хозяйстве, мы должны признать, что труд в последних с позиций господствующих производственных отношений не имеет производительного характера.

Но и не всякий труд в общественном секторе можно отнести к производительному. Это те виды труда, которые обусловлены незрелостью общественной организации социализма как первой ступени коммунистической формации. Социалистическое государство вынуждено затрачивать труд в таких сферах человеческой деятельности, которые отвлекают трудовые ресурсы от производства материальных благ и оказания услуг, используемых для потребления. Это вовсе не означает, что общественная необходимость в данных видах труда отсутствует. Они потому и существуют, что объективно необходимы на первой фазе коммунизма. Таким трудом является труд по общему управлению обществом, в карательных и судебных органах. Необходимость затрат непроизводительного труда в социалистическом секторе может обусловливаться не только внутренними, но и внешними причинами. Так, существование капиталистического окружения требует затрат труда на содержание армии. Труд, затраченный в различного рода общественных организациях, также не является производительным с точки зрения социалистических производственных отношений, хотя значительная часть их и является чисто специфическими, присущими только социализму. Некоторые из этих организаций по своему собственному почину могут развиваться, а могут и свертывать свою деятельность. Характерным же для производительного труда с точки зрения господствующих общественных отношений является то, что он имеет только одну тенденцию — к расширению.

На первый взгляд кажется, что между трудом в органах общего государственного управления и в какой-нибудь снабженческо-сбытовой конторе или больнице нет различий. И в первом, и во втором, и в третьем типе учреждений работают члены социалистического общества, работа оплачивается по труду в форме заработной платы, собственником этих учреждений является общество в лице государства. Однако это лишь внешняя видимость однородности организации труда. Всякое общество, в том числе и социалистическое, в качестве экономической системы может функционировать и развиваться лишь на основе господствующей, присущей только этому обществу организации труда. Как экономическая

система социалистическое общество удовлетворяет потребности своих членов в материальных и нематериальных благах при помощи социалистически организованного труда как в отраслях материального производства, так и непроизводственной сферы.

Материальное производство дает возможность вести обмен самими результатами, продуктами труда, затраты труда в отраслях непроизводственной сферы позволяют обществу удовлетворять потребности своих членов путем опосредствованного обмена деятельностью. Труд по общему управлению обществом не способен расширить потребление, а тем более производство в обществе. Следовательно, мы можем сказать, что не всякому труду, затрачиваемому в социалистических учреждениях, присуща социалистическая организация. Социалистически организованный труд — это такой труд, который обеспечивает функционирование этого общества как экономической системы. Когда определяют степень господства социалистических производственных отношений, то исчисляют удельный вес социалистического сектора в промышленности, сельскохозяйственном производстве и других отраслях народного хозяйства. И это понятно, т. к. оборона, общее управление и др. обеспечивают функции отправления власти и защиты ее, но не ее экономическое господство.

Таким образом, отграничение производительного труда от непроизводительного внутри одного и того же общественного строя с точки зрения господствующих производственных отношений имеет своей целью показать, какая часть труда затрачивается обществом на обеспечение его функционирования как экономической системы и какая расходуется на отправление функций власти государства как исполнительного органа господствующих классов.

Сторонники трактовки производительного характера труда как труда, создающего потребительную стоимость, толкуя высказывания К. Маркса о непроизводительном труде, относят к этому виду труда в социалистическом обществе труд в области обороны, госаппарата, милиции, а также труд работников торговли и денежного обращения. Наука есть наука, и прошлые знания должны удовлетворять нас постольку, поскольку они верно отображают реальные процессы. Конечно, хорошо, что К. Маркс указал нам ряд видов непроизводительного труда и мы можем этим воспользоваться в своих исследованиях. Ну, а если бы этого не было, то, не имея правильного критерия, мы не смогли бы сами определить эти виды. Об этом и свидетельствует тот факт, что в нашей экономической литературе отдельные виды труда, имеющие социалистическую организацию, относятся к непроизводительному труду без каких-либо оговорок. В то же время другие виды труда, которые по своей экономической сущности однородны с первыми, причисляются к производительному труду [1].

---

[1] См.: *К. К. Вальтух.* Общественная полезность продукции и затраты на ее производство. М., 1965, стр. 55; *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы

Некоторые экономисты не согласны с проведением аналогии между трудом в сфере торговли и в области здравоохранения, искусства и т. д. «Но как можно проводить аналогию между трудом врача или артиста и трудом торговых работников? — восклицает В. А. Медведев.— Первые,— продолжает он,— создают реальные потребительные стоимости, вторые же своим трудом лишь обеспечивают смену форм стоимости, не создавая ни потребительной стоимости, ни стоимости» [1]. Прежде всего отметим, что при таком понимании вопроса торговые работники, хотя и обслуживают смену форм стоимости, «создают» последнюю подобно другим видам труда непроизводственной сферы. Если смотреть с точки зрения общества, то труд торгового работника социалистического общества, согласно марксистской теории, имеет потребительную стоимость не только потому, что он дает возможность реализовать произведенную прибыль и осуществить ее перераспределение. Потребителями затрат труда торговых работников выступают покупатели и потому, что он полезен для них, этот труд имеет потребительную стоимость. Если даже стать на точку зрения В. А. Медведева, то необходимо все же признать, что труд торговых работников создает не менее реальные, согласно терминологии ряда экономистов, потребительные стоимости (хотя на самом деле никаких потребительных стоимостей большинство видов непроизводительного труда не создает), чем труд, скажем, адвоката, учителя. Ведь торговые работники взвешивают товары, отпускают их, получают с покупателей деньги не ради своей забавы или чьей-то прихоти. Они, как говорят некоторые экономисты, «обслуживают» покупателя. Эти акты связаны с определенными условиями производства продуктов как товаров, а следовательно, не зависят от воли и сознания людей. Если это так, то на каком основании мы можем отрицать тот факт, что труд торговых работников является реальным благом для покупателей продуктов, т. е. что он имеет потребительную стоимость. Ведь именно последнее дает возможность обществу его использовать в своих целях.

Таким образом, мы видим, что ни материальное воплощение труда, ни его занятость в общественном секторе хозяйства сами по себе еще не являются достаточным основанием для признания труда производительным с точки зрения социалистических производственных отношений. Только тот социалистически организованный труд, который затрачивается во всех фазах воспроизводства, а также в отраслях непроизводственной сферы в интересах общества, можно назвать производительным с точки зрения социалистических производственных отношений. Производительный же характер этого вида труда определяется тем, что он является экономической основой существования всего социалистического общества как первой

услуг, стр. 22; *П. Г. Олдак.* Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки. М., 1966, стр. 41; *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 116 и др.

[1] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 17.

фазы коммунистической формации. Этот труд основан на тех общественных отношениях, которые присущи только данной фазе развития общества. Как категория, присущая всем общественно-экономическим формациям, труд принимает ту или иную общественную форму производительного труда в зависимости от господствующих производственных отношений.

Не всякий производительный труд, рассматриваемый с точки зрения общественных отношений, даже в сфере материального производства, должен производить прибавочный продукт. Последний не является неотъемлемой чертой производительного труда как специфической категории, характеризующей социалистический способ производства, как это пытаются изобразить некоторые экономисты. Действительно, в сфере материального производства есть ряд процессов, не направленных на изготовление материальных благ. Таковой является деятельность по учету результатов производства, финансовых расчетов и т. п. «...Но производство и бухгалтерский учет хода производства, — указывает К. Маркс, — остаются такими же различными вещами, как погрузка корабля и составление квитанции на груз» [1]. Далее, способность труда приносить прибавочный продукт не является особенностью какой-нибудь одной общественно-экономической формации. Начиная с ранних ступеней развития человеческого общества, труд в общественно нормальных условиях всегда приносит прибавочный продукт, который выступает в той или иной форме в зависимости от господствующих производственных отношений.

В капиталистическом обществе прибавочный продукт принимает форму прибавочной стоимости, производство которой, как указывает К. Маркс, является абсолютным законом этого способа производства [2]. Однако наиболее характерной чертой производительного труда, отражающей суть этого способа производства, К. Маркс считал обмен труда на капитал [3]. Без этого немыслимо существование капиталистического способа производства как экономической системы.

Следовательно, производство прибавочного продукта в форме прибавочной стоимости не является достаточным признаком для определения производительного характера труда даже в условиях капитализма. Это и понятно, ведь категория производительного характера труда, определяемая с позиций господствующих общественных отношений, должна отразить их специфику. Последняя в буржуазном обществе состоит в том, что капиталистическая организация труда предусматривает эксплуатацию человека человеком, т. е. присвоение результатов неоплаченного труда собственниками капитала.

Основоположники научного коммунизма указывали, что каждому общественному строю присущи свои экономические категории,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 24, стр. 152.
[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч.. т. 23, стр. 632.
[3] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 138.

являющиеся отражением господствующих общественных отношений. К. Маркс писал: «Люди, развивая свои производительные силы, то есть живя, развивают определенные отношения друг к другу, и... характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил... *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения» [1].

Социалистическое общество как коллективный собственник средств производства ставит своей конечной целью не накопление, а удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся. Конечно, прибавочный продукт, дающий возможность расширять производство, необходим и в социалистическом обществе. Однако получение его не всегда дает возможность кратчайшим путем достигнуть цель, поставленную этим обществом. Даже в сфере материального производства получение прибавочного продукта иногда не является лучшим средством удовлетворения потребностей. Так, например, новое производство не всегда дает обществу прибавочный продукт, как правило, на первых порах оно не рентабельно. «Издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения,— отмечает К. Маркс,— всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий» [2].

Таким образом, мы видим, что часть труда в материальном производстве, способного к материализации, а также те его виды, которые не имеют непосредственной цели производства материальных благ (труд по учету), может не приносить прибавочного продукта, но это не мешает ему иметь социалистическую организацию, т. е. быть производительным трудом, поскольку он имеет организацию, имманентную социалистическому обществу. Конечно, основная и преобладающая масса труда в материальном производстве приносит прибавочный продукт, но не этот признак характеризует его в качестве социалистически организованного труда.

Основой удовлетворения потребностей социалистического общества является национальный доход, т. е. вновь созданная стоимость, распадающаяся на необходимый и прибавочный продукт, являющийся результатом трудовой деятельности людей в сфере материального производства. Однако потребности современного человека значительно шире тех, которые удовлетворяются лишь материальными благами, поэтому общество выделяет часть труда на удовлетворение различного рода нематериальных потребностей. В результате трудовой деятельности вне сферы материального производства возникает необходимость в перераспределении произведенных материальных благ. Эта необходимость является результатом обмена деятельности людей, направленной на удовлетворение своих потребностей.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 406.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 116.

Работники сферы материального производства обменивают часть своего необходимого продукта на деятельность, которая не находит воплощения в материальных благах. Этот обмен в социалистическом обществе может быть опосредствован денежными отношениями, а может осуществляться и без них, что не меняет самой сущности обмена деятельностью. Однако изменение условий обмена существенно влияет на изменение сущности категорий необходимого и прибавочного времени, необходимого и прибавочного труда, в той его части, которая не направлена на производство материальных благ.

Социалистические производственные отношения расширяют поле деятельности производительного труда в обществе, с одной стороны, тем, что более полно охватываются двумя формами собственности все отрасли народного хозяйства, а с другой — тем, что социалистические предприятия и организации используют труд исключительно в целях осуществления своих функций. Применяемый в этих предприятиях и организациях труд дает им возможность функционировать как ячейкам социалистической экономической системы хозяйства и поэтому выступает в качестве производительного труда.

В предприятиях и организациях непроизводственной сферы социалистического общества производительный труд с точки зрения общественных отношений может служить источником прибыли, получаемой в результате перераспределения необходимого и прибавочного продукта, произведенного в сфере материального производства. Отрасли, оказывающие бесплатные услуги, прибыли не получают. Но их деятельность связана с удовлетворением потребностей членов социалистического общества, организована на социалистической основе и в силу этого также носит производительный характер. Значит, и способность труда приносить прибыль не может считаться специфическим критерием его производительного характера в условиях социализма.

Признавая основной, определяющей чертой социалистических производственных отношений социалистическую собственность на средства производства, на которой зиждятся дружба, сотрудничество и братская взаимопомощь, а целью социалистического производства — наиболее полное удовлетворение потребностей всех членов общества, мы тем самым должны признать, что труд, затраченный на эти цели, является основой существования социализма, а следовательно, производительным трудом. Поскольку цель социалистического производства может быть достигнута в результате социалистически организованного труда как в сфере материального производства, так и в части отраслей непроизводственной сферы, то их труд следует считать производительным. К. Маркс, давая характеристику производительного труда с общественной точки зрения, т. е. как специфической категории господствующих производственных отношений, не связывал ее со сферой приложения труда. Таким образом, производительный труд как специфическая категория социалистического общества есть социалистически органи-

зованный труд в сфере производства материальных благ и в непроизводственной сфере, обеспечивающий существование и развитие этого общества как экономического организма.

Анализу категории производительного характера труда как выражению определенных производственных отношений было уделено так много внимания по следующим причинам: во-первых, необходимо было показать, что это специфическая категория, имеющая свою характерную определенность для каждой общественно-экономической формации; во-вторых, потому что возникла потребность раскрыть саму суть этой категории, поскольку во всей нашей экономической литературе эта категория связывается со способностью труда что-либо производить; в-третьих, из-за необходимости дать формулировку производительного труда социалистического общества; в-четвертых, для того, чтобы показать различие между производительным трудом как специфической категорией данного способа производства и категорией, характеризующей труд в материальном производстве, которое ведется на расширенной основе.

Показывая степень охвата социалистическими производственными отношениями труда в различных сферах человеческой деятельности — в материальном производстве и преобладающей части непроизводственной сферы, категория производительного труда с точки зрения общественных отношений имеет, безусловно, важное значение. Она дает представление о степени господства этих отношений в различных отраслях хозяйства.

Но не менее важное значение для науки и практики имеет исследование категории производительного труда с позиций осуществления социалистического расширенного воспроизводства. Прежде всего следует иметь в виду, что здесь мы должны иметь дело с материальным производством, которое является основой всего общественного развития. Рассмотрение категории производительного характера труда при социализме с точки зрения расширенного воспроизводства должно показать распределение труда между отраслями, создающими материальные возможности для расширения общественного производства, и отраслями, лишь увеличивающими потребление труда, результаты которого не могут быть использованы для расширения материального производства. Определение категории производительного труда с точки зрения социалистического расширенного воспроизводства важно еще и потому, что в условиях построенного социализма только данный тип производства имеет перспективу и возможность к дальнейшему расширению. Все же реликтовые типы хозяйства осуждены на отмирание и ведутся если не на суживающейся основе, то только по типу простого воспроизводства.

Характеристика производительного труда с точки зрения социалистического расширенного воспроизводства предполагает такой критерий, согласно которому создаются материальные условия для осуществления данного типа воспроизводства. Хотя здесь мы имеем дело с трудом, затраченным в сфере материального производства,

однако не весь труд в этой сфере, даже при наличии социалистической организации, имеет производительный характер постольку, поскольку дело идет об использовании его результатов в целях расширения материального производства. Труд же в социалистически организованном производстве может использоваться как для непосредственного расширения материального производства, так и для увеличения объема потребления. Хотя потребление является конечной целью любого производства, но наиболее полно удовлетворять всевозрастающие потребности в условиях социалистического общества можно только на базе расширения общественного производства. Таким образом, для достижения конечной цели производства необходимо накопление средств производства и предметов потребления. Если же затраты труда не дают возможности осуществить социалистическое накопление, то их нельзя назвать производительными с точки зрения социалистического расширенного воспроизводства.

Производство прибавочного продукта, как уже отмечалось, нельзя считать отличительным признаком производительного характера труда в материальном производстве социалистического общества. Каждый способ производства, его производственные отношения придают этому продукту специфическую окраску. Так, при феодализме прибавочный продукт выступал в форме земельной ренты, при капитализме — в форме прибавочной стоимости. При рассмотрении производительного характера труда в капиталистическом обществе с точки зрения расширенного воспроизводства К. Маркс в качестве критерия, как было показано выше, выделял способность труда создавать прибавочную стоимость, но не прибавочный продукт. Он писал: «Цель капиталистического производства — *обогащение, приумножение стоимости,* ее *увеличение,* следовательно — сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости. И этот *специфический продукт, производимый* в процессе капиталистического производства, достается капиталу только в результате обмена на труд, называемый поэтому *производительным трудом*» [1]. Каждый отдельный капиталист, применяющий капитал в производстве, как и все капиталистическое общество, может существовать в этом качестве лишь при условии, что применяемый ими труд будет приносить прибавочную стоимость, а последняя, что само собой разумеется, будет использоваться в целях расширения производства. Капиталист, который не использует прибавочной стоимости для расширения производства, неизбежно должен разориться. Производство капиталистического общества в целом, как известно, имеет стремление к безграничному расширению, а это и предполагает использование прибавочной стоимости. Вот почему производство прибавочной стоимости может быть взято в качестве критерия производительного характера труда буржуазного общества с точки зрения расширенного воспроизводства.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 408.

Производству социалистического общества также присуще свойство к постоянному расширению, но это не самоцель, а лишь средство для все более полного удовлетворения потребностей трудящихся масс. Расширение материального производства при социализме осуществляется за счет накопления прибавочного продукта, которое используется в целях производственного и личного потребления. Но созданный в материальном производстве прибавочный продукт может быть полностью использован и на непроизводственное потребление. В этом случае труд в материальном производстве не будет выступать основой дальнейшего расширения производства. Мы говорим, что производство материальных благ является основой всего общественного развития. Это положение верно, потому что производство создает условия для повторения процесса производства, а в современных обществах повторение осуществляется на расширенной основе. Следовательно, чем больше труда будет использовано в производстве, ведущемся на расширенной основе, тем большими будут возможности общества для роста национального богатства.

Таким образом, в материальном производстве социалистического общества можно выделить два типа труда — один из них непосредственно используется для расширения производства, а второй — в целях увеличения объема непроизводственного потребления. Как первый, так и второй имеют социалистическую организацию и в этом отношении они однородны. Но для общества их значение неодинаково. Различие заключается в том, что труд, используемый лишь в целях увеличения непроизводственного потребления, не предполагает повторения процесса производства, труд же, используемый для расширения производства, не только предполагает это повторение, но дает возможность расширить производство, а следовательно, воспроизвести и производственные отношения в расширенном масштабе.

Если рассматривать исторически определенный способ производства, то имманентно ему организованный труд в материальном производстве создает продукт, который выступает носителем специфических производственных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления этого продукта. К. Маркс указывал, что воспроизводство есть воспроизводство материального продукта, рабочей силы и производственных отношений. Стало быть, только труд, дающий возможность вести производство на расширенной основе, способен обеспечить существование и расширение производственных отношений социалистического способа производства. Этот труд в сфере материального производства при социализме и будет иметь производительный характер.

Производительный труд используется в целях приумножения материального богатства общества. К. Маркс отмечал, что «в стране, где имеется относительно большее число производительных рабочих, относительно большее количество годового дохода потребляет-

ся в целях воспроизводства и, стало быть, ежегодно производится бóльшая масса стоимостей» [1]. Действительно, производительные работники производят стоимость большую, чем необходимо для возмещения затрат на их заработную плату, а сам этот излишек, существующий в материальной форме, увеличивая объем материального богатства общества, является вместе с тем и условием нового производства, которое также ведется с целью усиления экономического потенциала страны.

О том, что К. Маркс считал непроизводительным трудом те его виды, которые используются для непроизводственного потребления, хотя они и создают материальные блага, необходимый и прибавочный продукт, свидетельствует приведенный им пример о портном и капиталисте. Последний, пригласив портного на дом с целью пошить брюки, покупает необходимый и прибавочный продукт работника, что, однако, является средством не обогащения, а лишь потребления. «Возможно,—приводил К. Маркс рассуждение капиталиста,— что количество труда, доставляемое этим портным, превышает то количество труда, которое заключается в получаемой им от меня плате; это даже весьма вероятно, так как цена его труда определяется ценой, получаемой теми портными, которые являются *производительными рабочими*... Но для меня это абсолютно безразлично... Это — *расход* на мое потребление: не прирост моих денег, а наоборот, их убыль. Это — отнюдь не средство обогащения, как и вообще ни одна затрата денег для моего *личного потребления* не является средством обогащения» [2].

Значение анализа производительного характера труда с точки зрения расширенного воспроизводства определяется не только с позиций производства богатства общества, но и обеспечения поступательного движения господствующих производственных отношений. Социалистически организованный труд в материальном производстве производит не только материальный продукт, но и производственные отношения, носителем которых является этот продукт. Для укрепления и развития существующего способа производства необходимо не просто воспроизводить присущие ему отношения, складывающиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления, а создавать такие условия, при которых эти отношения постоянно расширяли бы сферу своего господства. Эти условия создает труд, который используется для осуществления расширенного воспроизводства материальных благ. Таким образом, в условиях социалистического общества производительным трудом с точки зрения расширенного воспроизводства выступает социалистически организованный труд в сфере материального производства, обеспечивающий расширенное воспроизводство материального продукта, рабочей силы и производственных отношений.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 285.
[2] *Там же,* стр. 411.

В этом параграфе мы рассмотрели производительный характер труда в двух аспектах: с точки зрения производственных отношений и с точки зрения социалистического расширенного воспроизводства. Последний включает в себя понятие производительного труда с позиций простого процесса труда, отношения труда к своему продукту, а также господствующих производственных отношений. Действительно, результатом производительного труда, рассматриваемого с позиций осуществления социалистического расширенного воспроизводства, является материальный продукт, который произведен социалистически организованным трудом.

Применение различных критериев для определения производительного характера труда объясняется тем, что эта категория имеет различную сущность в неодинаковых условиях. При дальнейшем анализе соотношений труда, используемого для потребления, нас будет интересовать категория производительного характера труда с точки зрения расширенного воспроизводства. Поэтому для разграничения труда на производительный и непроизводительный мы берем один критерий. Первый вид труда создает доход для общества, а второй может в обществе затрачиваться потому, что оплатой этих затрат есть уже созданный доход. Непроизводительный характер труда с точки зрения господствующих общественных отношений нет необходимости рассматривать, так как удельный вес его в социалистическом обществе очень незначительный.

Отношения между производительным и непроизводительным трудом с точки зрения расширенного воспроизводства следует рассматривать как часть проблемы отношения между накоплением и потреблением. Последние, как взаимосвязанные и взаимообусловленные части, таят вместе с тем относительную внутреннюю противоречивость. Поэтому при определении оптимального соотношения между ними следует исходить из интересов не только сегодняшнего дня, а длительного периода. Еще XV съезд ВКП(б) в своем постановлении записал: «Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти, в общем, совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» [1]. Это большая насущная проблема, которая требует самостоятельного исследования. Мы же ставим своей целью рассмотреть вопросы, касающиеся непроизводительного труда. Такая потребность возникает в связи с недостаточной изученностью этой области производственных отношений в обществе вообще и в социалистическом в частности. Важность изучения проблем непроизводительного труда объясняется также и тем, что в настоящее время на непроизводительное потребление общество затрачивает значительную и все возрастающую часть произведенного дохода. Это требует экономизации затрат, повышения их эффективности.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. II. М., 1954, изд. 7-е, стр. 453.

Глава II. НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД. УСЛУГИ

1. Непроизводительный труд как экономическая категория

Марксистская политическая экономия исходит из того, что деятельность, не связанная непосредственно с производством, обусловливается различными стадиями воспроизводства. Кроме того, даже сам процесс производства по необходимости вызывает существование отдельных видов труда, которые не направлены на производство материальных благ.

Общественное воспроизводство согласно марксистской теории состоит из различных фаз, включающих: собственно производство, распределение, обмен и потребление. Между этими моментами существует тесная взаимосвязь. «Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления» [1]. Это движение общественного продукта требует приложения человеческого труда, который в различных фазах общественного производства будет принимать неодинаковые формы. Существует необходимость строгой пропорциональности в количестве труда, применяемого в каждой из этих фаз. Отсутствие такой пропорциональности ведет к нерациональной растрате человеческого труда.

Только в одной из фаз воспроизводства, а именно в первой, деятельность человека направлена на создание материальных благ. В фазах же распределения, собственно обмена и потребления затраты труда сопряжены с необходимостью не создания, а движения этих благ к потребителю. Но деятельность человека в обществе не ограничивается названными четырьмя фазами. Есть целый ряд родов человеческой деятельности, без которой общество не может существовать, но эта деятельность непосредственно не связана с фазами общественного воспроизводства.

В результате общественного разделения труда уже на ранних стадиях развития человеческого общества выделяются различные виды человеческой деятельности, не имеющие непосредственной связи с материальным производством. К. Маркс, рассматривая раз-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 715.

деление труда в индийских общинах наиболее простого типа, отмечал, что наряду с семьями, которые заняты однородным трудом, здесь есть глава общины, соединяющий в одном лице судью, полицейского и сборщика податей, бухгалтера, ведущего учет в земледелии и кадастр, чиновника, который преследует преступников, пограничника, охраняющего границы общины, надсмотрщика за водоемами, распределяющего воду, необходимую для орошения полей, брамина, отправляющего религиозные культы, школьного учителя и др. При этом следует иметь в виду, что сущность функций этих лиц, их природа в результате выделения в самостоятельные роды деятельности не меняется. Таким образом, сам ход воспроизводства, а также другие стороны общественной жизни порождают необходимость в человеческой деятельности, не связанной с производством материальных благ.

В качестве политэкономической категории непроизводительный труд стал предметом исследования классической школы буржуазной политэкономии. Вопрос о том, какие классы способствуют увеличению богатства нации, а какие его уменьшают, нашел отражение еще во взглядах Вильяма Пети, а также Давенанта [1]. В учении физиократов, которые представляли интересы земельных собственников, все общество подразделялось на три класса: производительный класс, класс собственников и бесплодный класс. При этом последний, как пояснял Ф. Кэне, назван бесплодным не потому, что его члены ничего не производят, а потому, что они лишь воспроизводят то, что потребляют, не создавая излишков. Уже на основании этого положения можно опровергать мнение тех экономистов, которые стараются доказать, что под категорией непроизводительного труда следует понимать такой труд, который ничего не производит. Развивая политическую экономию, А. Смит заменяет не только сам термин — бесплодный класс политэкономической категорией непроизводительный труд, но и придает ей новый смысл.

Однако как в вопросе определения категории производительного, так и непроизводительного труда А. Смит допускал смешение понятий, не всегда придерживался единого критерия, что и послужило пищей для критики его доктрины представителями вульгарной политической экономии. Наиболее точное определение непроизводительного труда, данное А. Смитом, как труда, который обменивается на доход, было воспринято его последователями. Вместе с тем, сам он к непроизводительному труду часто применял такие критерии, как нематериальность результатов деятельности, неспособность труда увеличивать стоимость предмета. «Один вид труда,— писал он,— увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается; другой вид труда не производит такого действия. Первый... может быть назван производительным трудом, второй — непроизводительным... Труд мануфактурного рабочего закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который

[1] См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 161—165.

можно продать и который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как закончен труд... Труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи» [1]. Мы видим, что у А. Смита нет стабильного критерия для определения непроизводительного труда. Он также вводит в научный оборот политэкономическую категорию услуг, но ей не дает точного определения.

Вульгарная политическая экономия, защищая интересы уже господствующей буржуазии, приложила все свои усилия для доказательства производительного характера всякого труда как господствующих классов, так и состоящих у них на службе общественных прослоек. В силу этого в произведениях представителей этой школы не нашли развития такие категории политической экономии, как непроизводительный труд и услуги. Более того, этим категориям был придан смысл, который вульгаризировал их содержание до такой степени, что они перестали быть объектом политэкономического анализа. Поэтому не случайно современная буржуазная политэкономия отрицает существование непроизводительного труда.

Лишь с превращением коммунизма из утопии в науку вопрос о непроизводительном труде впервые был рассмотрен с политэкономической точки зрения, с точки зрения пролетарской политэкономии. Представители классической буржуазной политической экономии лишь интуитивно подошли к правильной, в основном, трактовке таких категорий, как непроизводительный труд и услуги в условиях буржуазного общества. К. Маркс в своих произведениях дал им научное определение. Он показал, что одним из существенных моментов общественного разделения труда есть отделение производственной деятельности от деятельности, не связанной непосредственно с производством материальных благ.

В обществе в качестве объекта экономических отношений выступают не только произведенные материальные блага, но и сам труд в качестве деятельности. Если первые вступают в процесс потребления потому, что между участниками их производства, распределения и обращения существовали отношения, определявшие и отношения по поводу потребления, то потребление труда в качестве деятельности определяется господствующими отношениями производства. Определяющей чертой отношений по поводу потребления является форма собственности на средства производства, которая определяет и сам уровень и характер потребления не только материальных благ, но и труда в качестве деятельности. Труд, потребляемый как непосредственная деятельность, обменивается на доход и потому является непроизводительным трудом.

Все это говорит о том, что категория непроизводительного труда отражает реальные процессы экономической жизни общества. Поэтому нельзя согласиться со словами Я. Певзнера, который пишет, что «само понятие непроизводительного труда не имеет научного

[1] *А. Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов, стр. 278—279.

смысла» [1]. Такое утверждение фактически ведет к исключению из политэкономического анализа отношений по поводу потребления, являющихся составной частью производственных отношений, которые и составляют предмет изучения марксистской политической экономии.

В трудах основоположников научного коммунизма содержатся теоретические положения, являющиеся основополагающими при изучении перспектив развития непроизводительного труда и услуг на современном этапе строительства коммунистического общества. Однако в советской экономической литературе эти политэкономические категории не получили достаточного освещения. Недостаточное внимание, которое уделялось до настоящего времени изучению непроизводительного труда, объясняется, по-видимому, тем, что все внимание ученых было приковано к основной сфере деятельности человеческого общества к — материальному производству. Другим обстоятельством, сдерживающим экономические исследования в области услуг, с нашей точки зрения, является то, что сама сфера непроизводительного труда стала занимать значительное место сравнительно недавно.

Развивая учение классической школы буржуазной политэкономии, К. Маркс указывал на необходимость рассматривать непроизводительный труд, подобно труду производительному, с точки зрения его организации в соответствии с господствующими общественными отношениями и с точки зрения его экономической роли в обществе. Поскольку характеристика труда с позиций первого аспекта дана нами в предыдущем разделе, исследование теории непроизводительного труда мы ограничиваем только вторым аспектом.

Для характеристики непроизводительного труда К. Маркс использовал то определение этой категории, данное Адамом Смитом, которое наиболее точно отражало ее существо. Сущность его состоит в том, что характерной чертой непроизводительного труда является обмен этого вида труда только на доход. При этом следует иметь в виду, что обмен труда на доход следует рассматривать со стороны собственника средств производства, либо с позиций расширенного воспроизводства, а не просто с точки зрения лица, тратящего свой доход. Именно в таком смысле становится понятным марксово определение непроизводительного труда как труда, косвенно способствующего развитию производства [2]. Рабочий может потратить свой доход на покупку вещей или труда в качестве деятельности, что будет означать покупку непроизводительного труда. Поэтому нельзя рассматривать трату дохода рабочим в качестве критерия для определения непроизводительного характера труда, как это делают некоторые экономисты. Так, Я. Певзнер пытается доказать, что обмен труда на доход является необоснованным, ошибочным, лишенным логики доводом в пользу признания труда не-

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 3, стр. 89.
[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 289.

производительным. Для подтверждения своей позиции он ссылается на пример расходования дохода рабочим и отмечает отсутствие различий в этих расходах, так как в любом случае тратится доход. «Если в данном случае тратится доход (что несомненно),— говорит Я. Певзнер,— то в чем принципиальная разница между характером расхода потребителя на покупку вещи и услуги» [1]. Но в том-то и дело, что характер расхода важен не с точки зрения простого потребителя, который владеет лишь своим доходом, а с позиций собственника средств производства или всего общества в целом как экономического организма.

Все покупки рабочего носят потребительский характер. Доход используется им лишь в целях удовлетворения собственных потребностей. Поэтому все его затраты не являются производительными, это потребительские расходы. Лишь владелец средств производства или общество в целом могут расходовать свои средства либо производительно, либо непроизводительно. Следовательно, и затрачиваемый труд политическая экономия должна рассматривать как непроизводительный лишь со стороны собственника средств производства, т. е. со стороны того, кто применяет этот труд.

Собственником средств производства может выступать как отдельное лицо, так и общество в целом. При капитализме собственниками средств производства выступают отдельные капиталисты либо группы капиталистов, а также класс капиталистов в целом. В условиях социалистического строя собственником средств производства выступает общество.

Если же рассматривать труд сам по себе, вне зависимости от условий его применения, не с позиций собственника средств производства, то при определении категории непроизводительного труда могут произойти курьезы. Они проявляются в том, что ряд авторов причисляет к непроизводительному труду те его виды, которые не требуют затрат средств, т. е. их применение не связано с тратой дохода, независимо, где этот труд применяется в непроизводственной сфере или в материальном производстве. Так, например, А. В. Штейнер дает расчет количества занятых на общественных началах в непроизводственной сфере и относит этот труд к непроизводительному [2].

Действительно, в нашей стране широко развиваются общественные начала во всех отраслях народного хозяйства, но это добровольный труд, который не оплачивается. Дело вовсе не в том, производит что-либо или не производит затраченный в обществе труд. В условиях социалистического общества затраты труда оплачиваются, а поэтому и рассмотрение производительного и непроизводитель-

---

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 3, стр. 92.

[2] См.: *А. В. Штейнер.* Занятость и распределение трудовых ресурсов в непроизводственной сфере и других отраслях обслуживания населения в СССР. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965, стр. 17. К этому мнению присоединяется В. В. Запольская. (См.: *В. В. Запольская.* Непроизводственная сфера в СССР и перспективы ее дальнейшего развития. Воронеж, 1966, стр. 52.)

ного труда тесно связано с проблемой возмещения затрат на наем труда и использование его результатов. Критерии производительного и непроизводительного труда предполагают рассмотрение тех его затрат, которые оплачиваются. Инженер, сконструировавший машину в конструкторском бюро на общественных началах, своим трудом принимает участие в создании материальных благ, общество оценит его труд как весьма полезный, но при этом не возникнет вопрос, производительный или непроизводительный характер носят затраты труда на конструирование.

Иногда в экономической литературе к непроизводительному труду относят труд в домашнем хозяйстве. Основанием для отнесения этого труда к непроизводительному послужили различные мотивы. Так, А. Д. Кузнецов считает труд в домашнем хозяйстве непроизводительным потому, что он не создает продукции [1]. По мнению В. А. Медведева, труд в домашнем хозяйстве не носит производительного характера в связи с тем, что он не создает стоимости, так как затрачивается в пределах семьи, а не для обмена [2].

Приведенные определения являются следствием того, что авторы их не рассматривают категорию непроизводительного труда с точки зрения того, кто применяет этот труд, т. е. с позиций владельца средств производства или всего общества, осуществляющего расширенное воспроизводство.

Анализ непроизводительного труда с точки зрения возможности расширения материального производства в обществе имеет дело с трудом, который независимо от того, принимает он или не принимает материальное воплощение, не создает возможности для расширения производства в масштабах общества. Следовательно, в обоих случаях рассматриваемый труд обменивается на доход: в первом — это доход отдельного лица, а во втором — общества в целом.

Таким образом, основным критерием при определении непроизводительного труда следует считать то, что этот труд обменивается на доход. Поэтому с определением экономической сущности непроизводительного труда, как труда, который не создает совокупного продукта и национального дохода или труда, не направленного на создание потребительных стоимостей, согласиться нельзя [3]. Эти оп-

---

[1] См.: *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 53.

[2] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 132.

[3] А. Л. Лифшиц считает, что «непроизводительным, но общественно необходимым и полезным при социализме является труд, непосредственно не участвующий в создании совокупного общественного продукта. В этом существо экономической природы непроизводительного труда» (Проблемы политической экономии социализма. М., 1963, стр. 97); М. А. Юделевич полагает, что непроизводительным является труд, который не принимает непосредственного участия в создании национального дохода (Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена, т. 214. 1959, стр. 173); М. И. Скаржинский под непроизводительным трудом социалистического общества понимает «ту часть совокупного общественно полезного труда общества, которая не направлена непосредственно на созда-

ределения не отражают экономической сущности непроизводительного характера труда в обществе. По нашему мнению, они лишь стремятся доказать, что непроизводительный труд не может воплощаться в материальных благах.

В действительности же материализация труда может иметь место и в том случае, когда труд не является производительным. Наиболее ярким примером может служить труд в военном производстве. Труд здесь создает материальные блага, необходимый и прибавочный продукт, но его результаты не используются для расширения материального производства, они полностью идут на непроизводительное потребление. Расширение применения этого труда может лишь увеличить объем непроизводственного потребления.

Труд в производстве средств ведения войны и обороны по внешним признакам напоминает производительный труд. К этим признакам относится сам труд, использование средств производства и конечный результат — готовая продукция, в которой воплощается прошлый и живой труд. Однако между производительным трудом и производством средств ведения войны и обороны есть существенное различие. Первый преследует цель удовлетворения потребностей общества, расширяя производительное и личное потребление, применяемый здесь труд возмещает не только расходы на заработную плату, но и создает доход обществу. Во втором же труд не создает дохода, напротив, его применение само требует, чтобы общество возместило заработную плату тружеников этой отрасли за счет дохода, произведенного в отраслях материального производства. Таким образом, с точки зрения экономической роли труд, применяемый в отраслях производства средств ведения войны и обороны, относится к непроизводительному труду.

Можно привести и другой пример. В г. Киеве создана специальная производственная организация, которая ведет борьбу с оползнями. Труд работников этой организации воплощается в определенных материальных благах, он, безусловно, создает необходимый и прибавочный продукт. Однако результаты этого труда полностью используются для непроизводительного потребления, а сам труд оплачивается за счет дохода общества. Следовательно, этот труд является непроизводительным с точки зрения социалистического расширенного воспроизводства.

В рассмотренных нами случаях труд, затраченный в производстве, имманентном определенному способу производства, расширяет потребление, но не создает накоплений, т. е. содержится за счет дохода общества, а потому и имеет непроизводительный характер. В условиях социалистического общества, где главная цель производства состоит в удовлетворении возрастающих потребностей всех членов общества, непроизводительный труд, воплощающийся в материальных благах, есть одним из средств достижения этой цели.

ние потребительных стоимостей и стоимостей» (Ученые записки кафедры марксизма-ленинизма Костромского технологического института. Кострома, 1964, стр. 52.)

В произведениях К. Маркса мы находим общие черты таких политэкономических категорий, как непроизводительный труд и услуги, а также особенности последних. Ряд родов человеческой деятельности Маркс называет непроизводительным трудом, но не относит их к услугам. Таковым он считает труд торговых работников, а также наемный труд в сфере денежного обращения. Далее, непроизводительными издержками К. Маркс называет затраты общественного труда, обеспечивающего не только денежное обращение, но и производство самих знаков обращения. «Это,— говорит он,— часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения» [1]. Названные роды деятельности К. Маркс никогда не называл услугами, но все услуги он относил к непроизводительному виду труда.

Деятельность, не имеющая своей непосредственной целью производство материальных благ, но протекающая в производственной сфере, также не относилась К. Марксом к категории услуг, а только к непроизводительному труду. Далее, не относил он к услугам и часть человеческой деятельности, затрачиваемой в таких фазах общественного воспроизводства, как распределение и обмен. Услуги являются результатом затрат непроизводительного труда, но такого, который функционирует в сфере потребления и вне фаз процесса общественного воспроизводства. Общим их признаком является то, что они содержатся на доход общества, а сами его не создают. Таким образом, с нашей точки зрения, между политэкономическими категориями «непроизводительный труд» и «услуги» есть общие черты, но услуги имеют свои особенности. Непроизводительный труд является более всеобъемлющей категорией, чем услуги.

Для той части непроизводительного труда, которая затрачивается в производстве, обмене и распределении как фазах общественного воспроизводства, характерна организация труда, имманентная господствующему способу производства. Услуги же представляют собой разновидность непроизводительного труда, который не всегда может быть организован в соответствии с господствующим способом производства. Лишь часть их поддается такой организации. В условиях господства общественной собственности на средства производства по различным причинам не может иметь социалистическую организацию труд в услугах, существующих вследствие незрелости организации социалистического общества, а также труд творческих работников.

Непреложной истиной марксистской теории является факт создания прибавочного продукта только в материальном производстве. Все же остальные виды деятельности могут использоваться только как инструмент для перераспределения как необходимого, так и прибавочного продукта. Особенностью социалистического общества является то, что здесь ряд видов непроизводственной деятельности не используется в целях перераспределения личных доходов. Это

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 155.

касается всех отраслей, которые оказывают бесплатные услуги населению. В связи с этим и отпадает деление затраченного в них труда на прибавочный и необходимый. Как труженики единого социалистического коллектива работники данной категории отраслей совершают свою деятельность в интересах всего общества и получают материальные блага для своих потребностей из общественного фонда. Осуществление этой деятельности вызывает необходимость в опосредствованном обмене необходимого продукта, созданного в сфере материального производства, на труд, затраченный в качестве деятельности работниками, которые оказывают услуги, используемые в личном потреблении.

Другая часть труда, затрачиваемого в тех отраслях непроизводственной сферы, которые используются обществом в целях перераспределения доходов населения (платные услуги, торговля, финансово-кредитные учреждения), также теряет деление на необходимый и прибавочный. Работники этих отраслей не создают прибавочного продукта, но их труд используется для перераспределения необходимого и прибавочного продукта, созданного в производстве. Заработная плата этих работников определяется той частью общественного продукта, которую общество выделяет в каждый данный момент для функционирования труда, не связанного с производством материальных благ. Здесь, как и во всех отраслях хозяйства, работники социалистического общества получают по труду. Таким образом, новые общественные отношения обусловили ликвидацию несвойственного для непроизводительного труда, не воплощающегося в материальных благах, деления на необходимый и прибавочный.

Весь труд как в услугах, так и в непроизводственных функциях, имеющий место в различных фазах воспроизводства с точки зрения расширения материального производства, выступает непроизводительным трудом. Поскольку непроизводительный труд, функционирующий в фазах общественного воспроизводства, обусловлен самим процессом производства и обмена материальных благ, то его затраты, как будет показано в пятой главе, возмещаются через цены. Услуги же как потребление труда в виде деятельности отчасти возмещаются за счет изымаемого у членов общества дохода безвозмездно, а отчасти сами обмениваются на деятельность или ее результаты в других сферах общественного хозяйства. Таким образом, источником оплаты непроизводительного труда могут быть либо прибыль, либо доход трудящихся.

Вопрос об отличиях услуг и непроизводительного труда в экономической литературе остался нерешенным, хотя он и подымался еще в 20-е годы нашего века. В этот период развития экономической теории исследования пошли по пути установления различий между непроизводительным трудом и услугами и сведены они были к отличию между трудом, создающим нематериальные продукты и не создающим потребительных стоимостей. Так, Д. Розенберг, автор комментария к «Капиталу» К. Маркса, считал, что труд в услугах

нельзя причислять к производительному, так как его результатом является не товар, а услуга, но нельзя отнести и к труду в сфере обращения. Он высказал мысль о необходимости ввести в научный оборот новую категорию — «полезный эффект» как результат применения производительного капитала [1].

В этот же период Арт. Аболин делает попытку отличить производительный труд от непроизводительного на основе того, создает ли он потребительные стоимости или не создает [2]. С его точки зрения к непроизводительному труду следует относить лишь труд торговых служащих, занятых исполнением функций по смене форм стоимости, части работников госаппарата, служащих армии, флота, милиции, религиозных культов, ученых и плановых работников, труд которых не является необходимым для процесса производства. Все же услуги, создающие, по его мнению, потребительные стоимости, являются результатом производительного труда.

Мы видим, что в 20-е годы попытки научного анализа категорий непроизводительного труда шли по пути установления различий между трудом, который способен создавать блага, и трудом, не имеющим такой способности. Погрешности этого анализа состоят в том, что он рассматривал труд не в системе общественных отношений, а как процесс, независящий от общественной формы.

До настоящего времени, с нашей точки зрения, вопрос о разграничении непроизводительного труда и услуг не получил дальнейшего развития. Поэтому в современной экономической литературе одни авторы, как и их предшественники, пытаются отграничить услуги от непроизводительного труда на основе того, производит ли этот труд потребительные стоимости или не производит их. Так, В. А. Медведев полагает, что неправомерно «смешивать воедино труд, затрачиваемый в государственных органах, в армии... и т. д., с трудом, создающим услуги. Эти государственные органы не создают ни продуктов, ни стоимости и существуют лишь на доход общества» [3].

С точки зрения этого автора, услуги и непроизводительный труд различные по своей экономической природе категории. Причем труд он рассматривает с технологических позиций. Но такой труд не является объектом политэкономического анализа.

Ряд экономистов к услугам относит и «услуги торговли» [4]. Это фактически является отождествлением различных видов непроизводительного труда, признанием того, что эти категории не имеют своих особенностей. Но тогда возникает вопрос, зачем же понадобились две категории для выражения одного и того же явления. Выяснение общих черт и особенностей этих категорий важно. Оно

[1] См.: «Проблемы экономики», 1929, № 12, стр. 90.

[2] См.: «Плановое хозяйство», 1928, № 10, стр. 144.

[3] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 46.

[4] См.: Сфера обслуживания при социализме. М., 1968, стр. 61; Національний доход Української РСР в період розгорнутого будівництва комунізму. К., 1963, стр. 13; *Б. Я. Ошаровский.* Производительный и непроизводительный труд при социализме, К., 1966, стр. 14.

необходимо, во-первых, для установления правильной классификации труда, обслуживающего процесс воспроизводства, и, во-вторых, для понимания способов возмещения этих затрат.

Непроизводительный труд—это категория политической экономии, которая отражает определенные, присущие данному способу производства производственные отношения. Этот труд может затрачиваться как в самом материальном производстве, так и вне его, но отношения, отраженные в нем, определяются условиями господствующего способа производства. Это относится также к услугам, так как они являются разновидностью непроизводительного труда. Действительно, труд, например, по производству средств обращения воплощается в материальных предметах, а труд по учету результатов производства не материализуется, однако они выступают как непроизводительные виды труда.

Услуги, как результат деятельности, воплощающейся в материальных предметах, так и деятельности, которая не оставляет после себя осязаемых результатов, представляют собой различные виды непроизводительного труда. Но последние, поскольку они обмениваются на доход, т. е. используются для личного потребления, преследуют цель не расширения материального производства, а увеличения труда, непосредственно расширяющего потребление в обществе, имеют между собой сходные черты, несмотря на то, что одни из них воплощаются в продукте, а другие нет.

Таким образом, следует различать непроизводительный труд как деятельность, не связанную с производством материальных благ, но затрачиваемую в производстве и продвижении товаров к потребителю, и непроизводительный труд, выступающий в виде услуг, т. е. деятельность в сфере потребления и вне фаз общественного воспроизводства (надстройка общества и т. д.). Способность или неспособность труда к материализации к этому отличию не имеет никакого отношения. Общим их признаком является то, что они содержатся на доход общества.

Некоторые экономисты полагают, будто характерной чертой для непроизводительного труда является то, что это такая деятельность, которая имеет своим объектом не природу, а человека [1]. Но тот

---

[1] В. В. Запольская пишет: «Непроизводительный труд имеет своим объектом не природу, а человека, и в этом его особенность» (*В. В. Запольская.* Непроизводственная сфера в СССР и перспективы ее дальнейшего развития, стр. 16); Д. Правдин считает, что непроизводительный труд — это труд, воздействующий не на материю, а на человека, на его социальный мир, мировоззрение. «В этом,— пишет Д. Правдин,— и состоит одно из принципиальных различий между производительным и непроизводительным трудом». («Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 1, стр. 93); Б. Я. Ошаровский отмечает такие особенности непроизводительного труда; во-первых, он «является процессом, протекающим лишь между людьми, а не между человеком и природой; во-вторых, не производит материального продукта, а только порождает духовные богатства общества или осуществляет другие различные общественные функции». (См.: *Б. Я. Ошаровский.* Производительный и непроизводительный труд при социализме, стр. 14—15.)

факт, что непроизводительный труд может воплощаться в материальных благах, опровергает такую трактовку критерия непроизводительного труда. Кроме того, вся деятельность по учету производства, финансовая деятельность имеют своим объектом вовсе не человека, а между тем являются непроизводительными видами труда. Далее, ряд услуг также имеют своим объектом не человека, а природу. Так, многие разделы фундаментальной науки изучают неживую природу, ее физические и химические явления. Следовательно определение непроизводительного труда как деятельности, которая имеет своим объектом лишь человека, не правомерно, оно не выражает сущности этой категории.

Некоторые экономисты, доказывая непроизводительный характер творческих видов деятельности, приводят следующий аргумент. Поскольку в скульптуре или картине воплощена определенная идея, а именно она определяет ценность этих творений, то затраченный на них труд нельзя признать производительным. Такой вывод вряд ли может удовлетворить требования строгого научного подхода. Во-первых, воплощение идеи не может служить тем фактором, который мешает труду принимать форму производительного. Ведь создавая какое-нибудь приспособление для облегчения труда на производстве, инженер тоже воплощает в него определенную идею. И хотя эта идея не социальная, а техническая, но от этого дело не меняется. Если бы инженеру сказали, что в его работе нет технической идеи, то тем самым ему высказали бы мысль о бесплодности его труда.

Верно также и то, что произведение искусства, в котором не выражена идея, нельзя признать настоящим произведением. Но это обстоятельство не может быть критерием деления труда на производительный и непроизводительный. Если обратиться к примерам из изобразительного искусства, то они наиболее ярко покажут нам ложность таких доводов. Хорошие копии всегда остаются копиями, а не произведениями искусства. Но ведь и в них, как в оригиналах, тоже выражается идея, а между тем труд по производству копий не всегда можно отнести к категории непроизводительного труда. Более того, как сообщалось в периодической прессе, сейчас в ГДР изобретен способ фабричного изготовления копий художественных картин, который настолько совершенен, что даже автор картины не всегда может отличить оригинал от копии. В этом случае, конечно, ни у кого не возникнет сомнения в том, что труд, затраченный на производство этих копий, относится к производительному. Да, но в них, так же, как и в оригинале, выражены одни и те же идеи. Книга, отпечатанная типографским способом, выражает идеи ничуть не хуже рукописи писателя. А между тем труд писателя, согласно марксистскому взгляду, относится к непроизводительному труду, а рабочих типографии — к производительному труду. Следовательно, критерий, согласно которому труд выступает в качестве непроизводительного потому, что он выражает идею, пусть даже социальную, не является правомерным.

Использование этого критерия для определения непроизводительного характера труда иногда приводит к затруднениям, которые трудно разрешить. Например, Я. А. Кронрод считает, что труд Микеланджело, когда последний создавал свои скульптуры, в одной части был производительным, так как здесь был простой процесс труда, который мог выполнить любой рабочий, а в другой части, когда этот труд был созидателем произведения искусства, он утрачивал функцию производительного труда [1]. Здесь для различения производительного труда и непроизводительного труда Я. А. Кронрод пытается использовать, наряду с критерием выражения трудом идеи, еще и особенности процесса трудовых функций. Однако и такое дополнение, с нашей точки зрения, ничего не может дать для установления истинного различия этих политэкономических категорий.

С представлением, будто труд одной и той же личности, затраченный на производство одной и той же вещи, в одних и тех же условиях, может быть в одной своей части производительным, а в другой — непроизводительным, никак нельзя согласиться. Труд одного и того же лица может быть то производительным, то непроизводительным, но для этого он должен свершаться при различных обстоятельствах. Если труд используется в целях расширения производства, т. е. создает стоимость большую, чем выплаченная заработная плата, то для общества такой труд будет производительным. Если же этот труд используется лишь в целях перераспределения ранее созданной стоимости, то он носит непроизводительный характер.

Сравнение конкретных процессов труда также не дает правильного ключа для различия между производительным и непроизводительным трудом в области изобразительного искусства. Так, отдельные трудовые операции признанного художника, пишущего картины, и мастера по изготовлению копий картин, работающего в цехе какой-нибудь фабрики, могут мало чем отличаться одна от другой. И художник, и мастер пользуются одинаковыми материалами, орудия труда у них также ничем не отличаются. Труд самого талантливого ваятеля по своим трудовым операциям (а не по содержанию) тоже мало чем отличается от труда каменщика.

Но может быть эти виды труда выступают как непроизводительные потому, что они направлены на удовлетворение духовных потребностей? И на это следует дать отрицательный ответ. Ведь человек потребляет не только материальные, но и духовные блага, которые доставляет нам производство в полном смысле этого слова, где труд является безусловно производительным. Следовательно, и этот критерий определения непроизводительного труда нельзя считать правомерным.

Отдельные экономисты придают категории непроизводительного

---

[1] См.: *Я. А. Кронрод.* Общественный продукт и его структура при социализме, М., 1958, стр. 11.

труда такой смысл, который не имеет ничего общего с сущностью этого труда. Так, Л. С. Глязер под непроизводительным трудом понимает малоэффективный труд [1]. Этот автор смешивает различные экономические категории—эффективность и непроизводительный характер труда. Последний, как и производительный труд, может быть более или менее эффективным, но это не меняет существа дела. Общество, как и отдельный индивидуум, всегда пытается добиться наибольшей эффективности от любых затрат труда. Однако повышение эффективности не может повлиять на превращение непроизводительного труда в производительный.

Ряд экономистов придает категории непроизводительного труда смысл малополезного, т. е. второсортного труда, и на этом основании пытается доказать отсутствие его в условиях социалистического общества. В. А. Медведев пишет: «Признание труда в сфере услуг непроизводительным ставит ее в положение второсортной сферы деятельности» [2]. С. П. Первушин также полагает, что классификация труда на производительный и непроизводительный «умаляет значение работников труда непроизводственной сферы» [3]. По этому поводу прежде всего следует заметить, что введение в научный оборот категории непроизводительного труда, как уже говорилось, не имело своей целью определить, какие виды труда более, а какие менее полезны. Ведь сама категория полезности труда является очень аморфной. В самом материальном производстве есть и более и менее полезные затраты труда с точки зрения общественного развития. И в этом отношении сфера приложения непроизводительного труда не является исключением. Кроме того, следует заметить, что конкретные виды труда сами по себе несравнимы.

Определение непроизводительного труда как второсортного не подтверждается и действительностью. Так, труд лиц, исполняющих функции по управлению обществом, всегда считался и считается почетным. Офицерский чин в армии всегда был предметом вожделения молодежи, хотя для всех ясно, что армия ничего не производит, а только потребляет. Ряд родов человеческой деятельности лучше оплачивается в непроизводственной сфере, чем в производственной. Так, ставка заработной платы у шофера грузовой машины меньше, чем у шофера такой же квалификации, но работающего в таксомоторном парке. Иногда бывают и противоположные явления. Например, подсчитано, что официант переносит за смену до двух с половиной тонн тяжести и проходит до 40 *км*. Труд официантов после горняков наиболее тяжелый, однако они получают меньше, чем работники профессий, труд которых является таким же тяжелым. К. Маркс указывал, что мораль, как и заслуга, не имеют никакого

---

[1] См.: *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления, стр. 58.

[2] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 135.

[3] *С. П. Первушин.* Некоторые проблемы перехода от социализма к коммунизму, стр. 66.

отношения к различию между производительным и непроизводительным трудом [1]. Последний является не моральной категорией, а частью общественных затрат труда. Одни из них более необходимы, другие менее необходимы, точно так же, как и затраты производительного труда.

Сущность непроизводительного труда как политэкономической категории выражается в том, что общество в целом или отдельные личности потребляют сам труд, а не результаты его деятельности. Вследствие этого расширяется потребление труда в обществе, т. е. увеличиваются трудовые затраты последнего. При этом одна часть непроизводительного труда не влияет на расширение потребления, а лишь либо способствует более быстрому и рациональному продвижению произведенного материального продукта к потребителю, либо косвенно способствует увеличению эффективности ведения производства. Это, в частности, присуще труду в сфере обращения и по учету результатов производства.

Другая часть затрат непроизводительного труда расширяет потребление, в одном случае материальных благ, а в другом — деятельности, неотделимой от ее исполнителей, и обеспечивает удовлетворение общественных потребностей, которые всегда имеют классовый характер. Отличительным признаком затрат непроизводительного труда является то, что результаты этих затрат не могут быть использованы обществом в целях расширения материального производства. Более того, расширение потребления непроизводительного труда вызывает необходимость увеличения производства материальных благ, т. к. непроизводительный труд, во-первых, сам обменивается лишь на доход общества, а, во-вторых, затраты непроизводительных видов труда непременно сами требуют и материальных затрат.

Одна часть непроизводительного труда может потребляться отдельными индивидуумами, а другая — совместно всем обществом. Однако и в том и в другом случае источником покрытия этих затрат труда является доход, что вовсе не является свидетельством их неполноценности, второсортности или бесполезности. Непроизводительный труд и бесполезный труд — это различные понятия и их нельзя смешивать, как это делают некоторые авторы [2]. Даже в обществе, которое беспощадно расхищает человеческий труд, последний может быть общественно необходимым, не будучи производительным. Непроизводительный труд является полезной деятельностью с точки зрения того, кто применяет этот труд, т. е. с позиций собственника средств производства.

Концепция, согласно которой непроизводительный труд ничего не производит, используется ее сторонниками для доказательства неправомерности деления труда на производительный и непроизво-

---

[1] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 168.

[2] См.: *М. Баран*. К экономической теории общественного развития. М., 1960, стр. 84.

дительный. Так, П. Г. Олдак спрашивает: «Почему нужно придерживаться концепции, которая ведет нас к заведомо неправильному выводу, будто по мере развития коммунистического способа производства общественно полезный труд будет все в большей степени выступать как труд непроизводительный» [1]. Подобного же взгляда придерживаются В. С. Семенов [2], Л. С. Глязер [3] и другие экономисты.

Приведенный довод, по нашему мнению, основан на простом недоразумении. Во-первых, нельзя противопоставлять такие категории, как общественно полезный труд и непроизводительный труд. Как уже было показано, последний так же, как и производительный труд, является общественно полезным. Во-вторых, нет ничего странного в том, что по мере развития коммунистического общества удельный вес труда в сфере производства будет уменьшаться, а в сфере приложения непроизводительного труда — увеличиваться. Именно в этом и проявляется развитие производительных сил общества, в результате которого растет призводительность труда. К. Маркс отмечал: «Страна тем богаче, чем меньше ее производительное население *по отношению* к совокупному продукту» [4]. Иначе говоря, повышение производительности труда позволяет все меньше затрачивать трудовых ресурсов в сфере материального производства и расширять сферу применения непроизводительного труда. Именно в этом и проявляется рост материального богатства общества.

В результате общественного разделения труда многие виды человеческой деятельности, не связанные непосредственно с производством материальных благ, отпочковались от него и представлены теперь самостоятельными отраслями непроизводственной сферы. Однако общественное разделение труда еще не достигло такой степени, чтобы в непроизводственной сфере вовсе не производились материальные блага. Удельный вес труда, производящего материальные блага в различных отраслях непроизводственной сферы, не одинаков, обусловливается он степенью развитости разделения труда, а также местом отрасли в системе общественного производства. Так, в торговле затрачивается больше труда, направленного на создание стоимости, чем в такой отрасли, как народное образование, потому что первая составляет одну из фаз общественного воспроизводства, где идет продолжение производства. Между тем обе эти отрасли относятся к непроизводственной сфере, поскольку они являются полем преимущественного приложения труда, который не преследует цель создания материальных благ, а сами эти отрасли имеют иное назначение, нежели отрасли материального производства. В на-

[1] *П. Г. Олдак.* Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки, М., 1966, стр. 43.

[2] *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники, стр. 188.

[3] *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления, стр. 59.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 215.

шем примере назначение торговли состоит в продвижении товаров к потребителю, а народного образования — дать людям необходимый минимум знаний.

Относительный и абсолютный рост затрат непроизводительного труда, а также расширение непроизводственной сферы в целом на современном этапе развития не представляет ничего загадочного. Этот процесс лишь отражает, с одной стороны, общий рост материального богатства нашей страны, а с другой — увеличение затрат непроизводительного труда в услугах.

Цель настоящего раздела состоит в том, чтобы обосновать критерий для определения непроизводительного труда, а не рассматривать конкретные виды его. Тем не менее мы считаем необходимым проанализировать такие виды деятельности, классификация которых вызывает много кривотолков в современной экономической литературе. Так, многие экономисты считают, что наука является сферой приложения производительного труда. Например, А. Д. Кузнецов пишет, что труд ученого «становится производительным лишь с того момента, когда результаты его изысканий и теоретических выводов начинают применяться на практике» [1]. Здесь, помимо того, что не сказано, с какой точки зрения, относительно какого критерия (ибо автор к этому вопросу не подошел) труд ученого относится к производительному, допущено безразличное отношение и к тем срокам, когда труд ученого будет воплощен в производство. Если с такой меркой подходить к определению производительного труда, то мы вынуждены будем на каждом шагу признавать труд ученых прошлого столетия производительным. Идея Архимеда воплощена во всех механизмах, где есть эффект рычага, но разве можно сейчас его труд считать производительным?

Ряд экономистов весь труд в области науки относит к производительному. При этом они пытаются опереться на положение Программы КПСС, принятой XXII съездом КПСС. Ход их рассуждений таков: поскольку в Программе КПСС указывается, что наука все больше становится производительной силой, то вполне правомерно ее отнести к отраслям производительного труда. Это заблуждение основано на ошибочном толковании категории производительного труда. Ведь производительная сила, производительный труд — не одно и то же, это различные политэкономические категории. Когда К. Маркс говорил о науке, как о производительной силе труда, он имел в виду нечто другое. Развитие основного капитала, т. е. средств труда, писал он, «является показателем того, до какой степени овеществленные знания вообще,—наука превратилась в непосредственную производительную силу» [2]. Как видно, здесь речь идет о том, насколько плоды науки применяются в производстве, насколько она обслуживает его. Следовательно, ссылки на К. Маркса здесь не могут дать решения вопроса.

[1] *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 56.

[2] «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 63.

Чтобы вести предметный разговор о науке и не ошибаться в своих суждениях о производительном и непроизводительном характере труда в этой сфере человеческой деятельности, необходимо прежде всего разграничить науку на фундаментальную и прикладную. Если последняя является одним из этапов производственного процесса, в ходе которого увеличивается богатство общества, то она, безусловно, должна быть отнесена к производительному труду, безотносительно к тому, под каким ракурсом мы рассматриваем эту политэкономическую категорию. И если на практике затраты на прикладную науку не всегда относят на себестоимость произведенной продукции, то это еще не является аргументом того, чтобы считать ее непроизводительной отраслью. Так, долгое время в нашей стране затраты на геолого-разведочные работы не находили отражения в себестоимости добываемого сырья и топлива. Это искусственно занижало их себестоимость, но ведь общество все равно покрывало затраты на геолого-разведочные работы.

Следовательно, способ учета не может ничего изменить, если не считать того, что в данном случае, как и в подобных ему, ухудшаются условия для рачительного ведения хозяйства, ослабляются хозрасчетные стимулы. С точки зрения укрепления хозрасчета было бы правильным различные конструкторские бюро перевести с бюджетного финансирования на самоокупаемость в пределах тех предприятий или отраслей, которые они обслуживают, и тогда эффективность их работ нашла бы отражение в себестоимости производимой продукции. Это отображало бы реальные отношения в обществе и способствовало рачительному хозяйствованию.

Что же касается фундаментальной науки, то, несмотря на ее важность, труд в этой сфере человеческой деятельности по своей природе не может иметь производительного характера с позиций обеспечения расширенного воспроизводства. Несомненно, что овладение человеком тайнами управления термоядерной реакцией несет обществу несравнимо большие блага, чем самое эффективное решение какой-нибудь инженерной проблемы сегодня. Но помимо прочих различий, главное различие состоит в том, что если затраты на это инженерное решение являются (во всяком случае должны являться) составной частью себестоимости его воплощения, то расходы по изысканию принципов овладения термоядерной энергией не могут входить в себестоимость, так как неизвестно, в каком качестве и в каком объекте они смогут воплотиться. Следовательно, затраты на инженерное решение материализуются, и труд в этом случае будет использован в целях дальнейшего расширения производства, а труд, затраченный на фундаментальное исследование, будет оплачен из дохода общества.

Когда в тридцатые годы видный советский ученый академик И. М. Губкин на основе разработки своих теоретических изысканий доказал, что Сибирь является нефтеносным районом, то в то время его труд был оплачен из дохода общества. А затраты на изыскательные геолого-разведочные работы шестидесятых годов, приведшие к

открытию бассейнов нефти в этом районе, безусловно, должны входить в себестоимость добытой нефти. Следовательно, результаты научной деятельности изыскательных геолого-разведочных работ находят не только воплощение в материальном продукте, но и возмещают затраты на себя, а также используются обществом для дальнейшего расширения производства. Таким образом, дело не в важности работ по научному исследованию, а в социально-экономической функции затраченного труда.

От того, что труд в области фундаментальных исследований с политэкономической точки зрения носит название непроизводительного, его значение для общества ничуть не умаляется. Не следует также забывать, что фундаментальные и прикладные научные исследования часто идут рядом. И если в результате своей деятельности ученый, скажем, выдвинул какую-то научную гипотезу и вместе с тем дал решение прикладной задачи, которой интересуются предприятия в целях производства, то в его деятельности есть элементы как непроизводительного, так и производительного труда. И хотя труд в области прикладных исследований не только создает фонд своей оплаты, но и фонд расширения производства, а труд в области фундаментальных исследований оплачивается из дохода общества, но с точки зрения эффективности затрат последний может иметь, и в ряде случаев имеет, преимущества. Это объясняется тем, что принципиально новое решение в области науки дает возможность коренным образом изменить технологию производства, а следовательно, значительно удешевить его. Человеческое общество, вероятно, никогда не смогло бы увеличить производство различного рода материалов производственного и личного потребления до необходимых размеров, если б не наладило производства искусственных материалов. И потому затраты на фундаментальные исследования химической науки в этой области значительно эффективнее затрат, связанных с получением естественного сырья. В конечном счете общество получает такую экономию, размеры которой даже трудно представить.

В литературе встречаются утверждения, будто бы производительный характер носят и все виды духовного творчества [1]. Они не учитывают того, что экономическая сущность даже того труда в области искусства, литературы и т. п., который оставляет после себя реальноосязаемые предметы (картины, скульптуры, книги и т. д.), и труда, занятого в материальном производстве, различна. Весь труд рабочего социалистического предприятия имеет социалистическую организацию и направлен на создание условий для расширения производства. В условиях социалистического общества рабочий в форме заработной платы не может получать полностью созданный им продукт. Особо необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что производительный рабочий сам никогда не реализует плоды своего труда. Собственником их выступает все социалистическое общество.

[1] См.: *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники. стр. 18.

Деятельность же, результатом которой являются осязаемые произведения искусства, по своему характеру, по своей социально-экономической сути отличается от труда, затрачиваемого производительными рабочими. Эту деятельность нельзя превратить в работу по производству массовых товаров. Если такие попытки и делаются, то они приводят к вырождению творчества, превращению его в ремесло, подобно всякому другому ремеслу по производству товаров массового потребления. А это означает, что нарушается мера повторяемости и тогда, как говорят искусствоведы, кончается искусство, тогда сила превращается в убожество, а величественность переходит в монотонность. Сами работники творческого труда это прекрасно понимают. Писатель В. Солоухин в своих «Лирических повестях» приводит рассказ Мстерских мастеров белой глади. Вот что они говорят: «Вал! Вал пожирает наше искусство... Теперь спросите нас, за счет чего мы должны увеличивать производительность труда? Механизировать ремесло нельзя: оно потеряет всякий смысл. Механических вышивальных фабрик много, а мы, владеющие ручной мстерской белой гладью, одни. Нет, нельзя нас механизировать, так же, как и наших живописцев... Болезнь, как система, у нас с ними одна. С другой стороны, нельзя сказать живописцу, чтобы он начал кисточкой работать в два раза быстрее, чем работал вчера, чтобы он клал два мазка там, где вчера положил один» [1].

В условиях социалистического общества существуют различные объединения и союзы, которые руководят деятельностью представителей различных жанров творческой интеллигенции. Однако эти объединения не ставят перед собой задачу создавать продукцию с целью использования накоплений для расширения своей производственной деятельности, последняя у них совсем отсутствует. Но даже в том случае, когда творцы произведений искусства объединяются в цехи, то и это не превращает их труд из непроизводительного в производительный. Ведь те, кто создает произведения искусства, реализуют свой конкретный труд, который обменивается на доход общества. Это уникальные вещи, приобретаемые обычно музеями. Конечно, в результате этого труда увеличивается количество потребительных стоимостей в обществе, происходит перераспределение стоимости созданных материальных благ, но сама их стоимость не увеличивается.

Стремление труд в искусстве подчинить тем же целям, которые стоят перед производством, может привести лишь к отрицательным результатам.

В произведениях искусства реализуется сам труд в качестве деятельности, т. е. мы можем с полным правом назвать эти виды деятельности услугами в политэкономическом значении этого термина. Поэтому не случайно оценка этих произведений является довольно субъективным явлением.

---

[1] См.: *В. Солоухин.* Лирические повести. М., 1962, стр. 253—254.

2. Критерии определения услуг

При уяснении вопроса о том, что представляет собой услуга, необходимо строго разграничивать производство и потребление. С точки зрения марксистской политической экономии в обществе с развитым товарно-денежным хозяйством производство осуществляется как производство стоимостей. К. Маркс отмечает, что «для стоимости безразлично, какая потребительная стоимость служит ее носителем, но носителем ее во всяком случае должна быть какая-нибудь потребительная стоимость» [1]. Драгоценный камень и каменный уголь имеют весьма различную потребительную стоимость, однако это не мешает им представлять субстанцию стоимости товара. Напротив, для потребления не столько важна стоимость, сколько потребительная стоимость, полезность вещи или труда. Само же потребление (имеется в виду личное, непроизводственное потребление) может иметь своим объектом как вещи, произведенные в результате целесообразно направленной человеческой деятельности, так и самую человеческую деятельность, творящую полезный эффект. К. Маркс отмечает, что предметом потребления является или товар, или же непосредственно труд.

Экономическое значение труда, направленного на производство товаров, и труда, потребляемого в виде человеческой деятельности, не равнозначно как с точки зрения экономических отношений, так и с точки зрения его экономического эффекта для общества. Анализ экономических отношений в сфере труда, производящего товар, требует выяснения прежде всего таких вопросов, как, кому принадлежит собственность на средства производства, какова цель производства, т. е. выяснения основ этого производства, его движущего мотива. Назначением труда, затраченного в виде непосредственной деятельности, является потребление, а поэтому он выражает отношения не по поводу производства, а по поводу потребления, хотя они и определяются первыми отношениями. Вместе с тем следует подчеркнуть, что отношения по поводу потребления имеют подчиненное значение, т. е. не они определяют цель производства и экономическую структуру общества. Кроме того, эти отношения непосредственно не обусловливают дальнейшее развитие данного способа производства.

В чем же политэкономическая сущность услуги? В первом томе «Капитала» К. Маркс, рассматривая капиталистическое общество, указывает, что «услуга есть не что иное, как *полезное действие той или иной потребительной стоимости* — товара ли, труда ли» [2] (подчеркнуто нами. — *В. К.*). В этом определении, на наш взгляд, главным является то, что услуга — это потребление не просто полезных свойств потребительной стоимости, а полезного действия. И поэтому не случайно К. Маркс говорит о полезном действии труда и товара. Ведь труд не является товаром, поэтому труд с товаром не сравни-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 199.
[2] *Там же,* стр. 203—204.

вается, это несравнимые категории с точки зрения политической экономии. Полезное действие труда и товара сравнимы.

При потреблении услуги потребителя интересует не сам предмет, если он даже и имеет место, а его полезное действие. Часы, которые спешат на одну минуту в час, по своей конструкции ничем не отличаются от самого точного хронометра, их отличает лишь полезное действие. Полезное действие солнечных, песочных и современных механических и даже сверхточных атомных часов является однозначным, оно выражается в том, что все названные механизмы показывают время. Замена двух первых часов механическими объясняется тем, что современный часовой механизм более точен и удобен в употреблении. Если бы механические часы выполняли свое полезное действие, т. е. показывали бы время хуже песочных часов, то не было бы никакого смысла их употреблять и, естественно, они не нашли бы применения.

Однако на полезном действии и кончается сходство между товаром и трудом, который оказывает услуги в качестве деятельности. Хотя и товар, и услуга являются результатом трудовых затрат, но между трудом, производящим товар, и трудом, оказывающим услугу, существует принципиальное различие. Труд, потребляемый для производства товаров, не только возмещает затраты на заработную плату, но и производит при общественно нормальных условиях производства прибавочный продукт, который используется как для дальнейшего расширения производства, так и для личного потребления. Труд же, затрачиваемый в качестве деятельности, как услуга потребляется непосредственно. Первый вид труда является той формой, на которой основано существование определенного способа производства. Только эта форма труда дает возможность существовать и развиваться определенному общественному строю.

Многолетние споры, имеющие место в нашей экономической литературе по поводу услуг и труда, оказывающего их, по нашему мнению, вызваны несколькими причинами.

Первая из них состоит в том, что ряд экономистов некритически воспринял некоторые ошибочные положения А. Смита по этому вопросу. А. Смит впервые в экономической науке поставил вопрос о политэкономической сущности услуги и показал, что деятельность в области услуг отличается от производительного труда. И в этом его громадная историческая заслуга. Однако его трактовка категории услуг была непоследовательной.

Второй причиной является то, что в экономической литературе была предпринята попытка рассмотреть деятельность в области услуг с точки зрения конкретного труда, т. е. того, какие результаты приносит этот труд. Те экономисты, которые пользовались марксовым определением услуги, почему-то старались рассматривать не социально-экономическую сущность деятельности в услугах, а конкретные формы труда.

Третья причина заключается в том, что при рассмотрении услуг делался упор на то, что это труд, направленный на производство по-

лезностей. Здесь деятельность человека рассматривалась как составная часть производственного процесса, т. е. учитывалась лишь техническая сторона этой деятельности. Политэкономия с марксистской точки зрения должна рассматривать виды непроизводительного труда, проявляющиеся в услуге, с позиций экономической роли этого труда в общественном воспроизводстве и с точки зрения того, какие производственные отношения отражает эта форма труда.

Рассмотрение господствующих в нашей экономической литературе взглядов на услугу должно помочь нам найти правильное решение проблемы. В. Ковыженко в своей статье «Стоимость услуг: реальность или фикция» полагает будто «К. Маркс определяет услуги как особую потребительную стоимость, создаваемую трудом» [1]. Такое утверждение ошибочно. Автор смешивает различные политэкономические категории — труд и продукты, создаваемые трудом. С нашей точки зрения, нельзя приписывать К. Марксу мысли об отсутствии различий между трудом в сфере материального производства и трудом, который не направлен на производство материальных благ. С еще большей прямотой подобное определение услуги дает Э. Агабабьян. Комментируя марксово определение услуги по-своему, он пишет: «Под услугой надо понимать не труд как таковой, но такие *конкретные полезные свойства* (подчеркнуто нами.— *В. К.*) известных видов производительного труда, которые проявляются непосредственно в виде целесообразной деятельности». И далее Э. Агабабьян продолжает: «Поскольку потребительная стоимость может быть выражена не только вещью, но непосредственно в виде полезной деятельности, постольку для различия между ними в целях удобства нематериальная потребительная стоимость получает специфическое название — услуга» [2].

Прежде всего отметим, что сама по себе полезность вещей, отражающаяся в совокупности их свойств и качеств, которые придают этим вещам способность удовлетворять определенные потребности, никогда не являлась предметом политической экономии. Поэтому ни полезность «особых потребительных стоимостей», ни «конкретные» полезные свойства известных видов полезного труда Марксом никогда не рассматривались и не могли рассматриваться. Это область конкретных дисциплин, изучающих отдельные сферы человеческой деятельности.

Рассматривая услугу с политэкономической точки зрения, К. Маркс писал: «Услуга есть вообще лишь (способ) выражения для особой потребительной стоимости труда, поскольку она полезна не как вещь, а как деятельность» [3]. Мы видим, что марксова трактовка услуги существенно отличается от той, которую дают некоторые авторы. Но дело не в цитате, которая сама по себе не может служить доказательством определенного положения. Более того, цитирова-

---

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 8, стр. 100.
[2] *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 25.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 143—145.

ние неправильно понятой мысли может само породить ошибку, даже если цитата приведена с благими намерениями. Цитирование имеет смысл лишь тогда, когда оно служит либо ступенькой в достижении знаний, либо помогает исправить допущенную ошибку, уточнить и углубить наши познания.

К. Маркс рассматривал буржуазное общество, абстрагируясь от других экономических укладов, которые сосуществуют с капиталистическим укладом. Труд в условиях капиталистического общества, с точки зрения капиталиста, может быть потребленным либо в форме деятельности, удовлетворяющей личные потребности последнего, либо как труд, потребляемый капиталистом с целью обогащения. Потребляя труд в виде деятельности, капиталист не только не увеличивает своего богатства, а, наоборот, проедает его. Удвоив штат своих поваров, он, может быть, будет питаться вкуснее, но его расходы на эту цель возрастут также вдвое.

Следовательно, с точки зрения капиталистических производственных отношений эти виды труда имеют существенное различие. Труд, потребляемый капиталистически, т. е. производительный труд, мы уже характеризовали в предыдущем разделе. Труд же, потребляемый как деятельность, услуга, отражает совсем иные экономические отношения. По этому поводу К. Маркс замечает: «В тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на такой труд, который не производит капитала, т. е. на *непроизводительный* труд, этот труд покупается как *услуга*» [1]. Таким образом, анализируя услугу как результат непроизводительного труда, необходимо рассматривать, для каких целей этот труд используется владельцем средств производства или обществом в целом: для расширения производства или же в интересах личного потребления. Именно расходы капиталиста на потребление труда в качестве деятельности, на услуги являются для него непроизводительными. Эти расходы не утверждают его как капиталиста, они подобно потребительским расходам других классов предназначены удовлетворять личные потребности, действительные или мнимые, но это уже сути дела не меняет.

Труд, оказывающий услуги, может использоваться для создания материальных благ, хотя большая часть его потребляется в качестве деятельности. Если владелец условий производства тратит свои деньги не на цели расширения производства, а на покупку труда для личного потребления, то с точки зрения политической экономии, независимо от того, во что выльются затраты труда в обоих этих случаях, мы будем иметь услугу.

Ряд же экономистов трактует услуги как человеческую деятельность, которая не воплощается в материально-вещественной форме. Так, польский экономист О. Ланге пишет: «Услугами мы называем любые функции, связанные непосредственно или косвенно (например, при распределении продуктов) с удовлетворением человеческих

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 413.

потребностей, но непосредственно не направленные на производство каких-либо предметов» [1]. Мы видим, что в этом определении за основу берется не социально-экономическая роль труда, а его способность воплощаться в материальных предметах. Этого же взгляда придерживается Л. С. Глязер. Он пишет: «Услуга — это деятельность, результат которой, как правило, не фиксируется в вещественной форме. Основная масса услуг поэтому потребляется в момент их производства» [2].

С такой трактовкой услуг согласиться нельзя, она ничего не дает для понимания роли труда, выступающего в виде услуг в экономической жизни общества. Ведь здесь в качестве критерия услуги берется способность труда к овеществлению, а последнее понимается в смитовской трактовке. Сама же форма труда, ее экономические функции не рассматриваются. А между тем труд в качестве живой деятельности, т. е. выступающий как услуга, может создавать материально-вещественные предметы, т. е. материализоваться, но по своей экономической форме, по своей роли в обществе он все же будет отличаться от производительного труда.

Некоторые экономисты, определяя услугу по Марксу как потребительную стоимость труда, выступающего в виде деятельности, пытаются по-своему совместить эту формулировку с его высказыванием о том, что услуги могут воплощаться в товарах, обладающих самостоятельной формой. Так, Д. И. Правдин пишет: «При внимательном изучении можно установить, что Маркс понимал под услугой такие виды труда, которые направлены не на создание материального продукта (вещи), не на преобразование вещества природы к человеческим потребностям, а которые имеют дело или уже с готовыми материальными продуктами, вышедшими из сферы общественного производства, или оказывают полезное действие непосредственно в виде определенной деятельности, не связанной с готовым материальным продуктом» [3]. Такая трактовка услуги понадобилась этому автору, чтобы под категорию материальных услуг подвести ряд отраслей материального производства (грузовой транспорт, все отрасли ремонта товаров, находящихся в собственности населения).

Толкование услуги, данное Д. И. Правдиным, не является новинкой в экономической литературе. Еще в 1947 г. Я. А. Кронрод ввел в научный оборот понятие материальной услуги, подразумевая под ней те результаты материального производства, которые не приоб-

---

[1] Услуги и их социально-экономическая роль. М., 1967, стр. 54.

[2] *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления, стр. 36; такого же мнения придерживаются и В. Соболь и Г. Я. Киперман. «Услугами является такая деятельность,— пишет В. Соболь,— которая не воплощается в материальном продукте». (*В. Соболь.* Очерки по вопросам баланса народного хозяйства. М., 1960, стр. 141); Г. Я. Киперман утверждает, что «труд, затраченный на производство услуг, не овеществляется». (*Г. Я. Киперман.* Классификация отраслей народного хозяйства СССР. М., 1964, стр. 62).

[3] Сфера обслуживания при социализме, стр. 39.

ретают вещной формы (производство электроэнергии, пара, холода) [1]. Ш. Я. Турецкий относит к услугам то производство, которое «связано с обеспечением нормального пользования ранее купленными населением промышленными товарами, с нормальным функционированием жилищ, а также с обобществлением отдельных видов домашнего труда» [2]. И хотя все эти авторы по-разному понимают то, какой труд создает услуги, но это не мешает им иметь общую точку зрения на счет последней. Д. И. Правдин считает, что услуги есть результат непроизводительного труда, Я. А. Кронрод оказание материальных услуг относит к материальному производству, т. е. к сфере действия производительного труда, Ш. Я. Турецкий вообще отрицает необходимость деления труда на производительный и непроизводительный в условиях социалистического общества.

Но всех этих экономистов объединяет то, что на услугу они смотрят как на труд в определенной отрасли. Одни, как Я. А. Кронрод, под ней понимают энергетическую промышленность и транспорт; другие, как Ш. Я. Турецкий и Д. И. Правдин,— бытовое обслуживание. В данном случае опять наблюдается тот факт, что труд рассматривается не с точки зрения его политэкономического содержания, а с позиций конкретного содержания труда, его конкретных результатов. При этом интересно отметить, что услуга как категория политической экономии капитализма, охарактеризованная К. Марксом, без каких-либо поправок переносится названными авторами на условия, где господствуют социалистические производственные отношения.

К. Маркс действительно отмечал, что известного рода услуги, «представляющие собой результат известных видов деятельности или труда, воплощаются в *товарах*» [3]. Прежде всего заметим, что К. Маркс особо указывает на известные виды деятельности, имея в виду прежде всего воплощение творческой деятельности: картины, скульптуры, книги. Многие из видов услуг в капиталистическом обществе приобретают товарную форму, не будучи по существу товарами за неимением тех свойств, которые присущи последнему с точки зрения марксистской политической экономии. И коль скоро труд, выступающий как услуга, используется капиталистом для продажи этих услуг, то такой труд для него лично будет иметь производительный характер. Однако с позиций капиталистического расширенного воспроизводства материальных благ это будет безусловно услуга, являющаяся результатом деятельности непроизводительного труда. Ведь эта деятельность не направлена на воспроизводство капиталистических отношений, на усиление их могущества и увеличение богатства буржуазного общества. В результате деятель-

[1] См.: *Я. А. Кронрод.* Основные вопросы марксистско-ленинского учения о производительном труде при капитализме и социализме.— Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права, 1947, № 1.

[2] Развитие услуг и принципы ценообразования на бытовые услуги. М., 1966, стр. 3.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 414.

ности в области реализации платных услуг происходит лишь перераспределение богатства между отдельными капиталистами, а не всего общества.

На любой стадии развития общества, в любом исторически определенном способе производства носителем специфических производственных отношений, выступает материально-вещественный продукт. Ведь воспроизводство с точки зрения марксистской политэкономии — это прежде всего воспроизводство материальных благ, рабочей силы и производственных отношений. Следовательно, воспроизводство производственных отношений означает производство продукта, который выражает специфические производственные отношения господствующего способа производства, в данном случае капитализма.

Нельзя, по нашему мнению, делить услуги на материальные и нематериальные (если иметь в виду услугу в политэкономическом смысле), так как весьма редко можно встретить услугу, при оказании которой не принимали бы участия материально-вещественные факторы. Услуги врача всегда включают не только акт его личного воздействия на больного, но и то оборудование, которым он пользуется для диагностики и лечения. Учитель во многих современных школах тоже использует дорогостоящее оборудование. Органы управления оснащены различного рода аппаратурой, а оборона — новейшей техникой. И хотя все эти материально-вещественные элементы являются лишь сопутствующими факторами в процессе непроизводительной деятельности, выступающей в виде услуги, использование их сопряжено с определенными затратами общества.

Следовательно, при оказании услуг затрачивается как живой, так и овеществленный труд. Затраты овеществленного труда в сфере услуг выступают как потребление либо отдельной личности, либо коллектива, а то и всего общества. А живой труд как услуга потребляется непосредственно, и это потребление в качестве деятельности требует обмена. Последний же совершается между теми, кто осуществляет деятельность, расширяя рамки потребления за счет дохода, созданного в материальном производстве. Этот обмен деятельности представляет собою такой обмен между самим трудом и трудом, создавшим материальные блага, как между контрагентами, предназначенными не для расширения производства, а для потребления. Более того, эти затраты труда в силу экономических условий не могут быть использованы в процессе производства материальных благ. В потреблении можно выделить три акта: 1) потребление ранее созданных материальных благ; 2) потребление непосредственного труда как деятельности; 3) эта деятельность сама в результате обмена требует потребления материальных благ.

Даже ЦСУ делит услуги на материальные и нематериальные. Но это деление ничего не может дать для экономического анализа хотя бы потому, что в публикуемых статистических сводках приводятся данные о таких материальных услугах, которые являются результатом материального производства. Так, ремонт квартир, по класси-

фикации ЦСУ, относится к материальной услуге. Но чем эта работа отличается от строительства той же квартиры? Никакого отличия здесь нет, труд по ремонту квартир, как и по их строительству, создает стоимость, необходимый и прибавочный продукт и используется в целях расширения материального производства. Следовательно, он является производительным не только по организации труда, но и с точки зрения осуществления расширенного воспроизводства материального продукта. Вслед за ЦСУ некоторые экономисты выступают с предложением считать существенным признаком услуг деление их на материальные и нематериальные. Так, Л. Н. Гольцман пишет: «Наиболее существенным признаком, по которому должны различаться услуги, это их материальный и нематериальный характер» [1].

Все вышеизложенное, с одной стороны, дает основание утверждать, что употребление категории материальных услуг для продукции тех отраслей, в которых продукт производства не принимает вещественной формы (электроэнергетика, холодильное производство и т. д.), неправомерно, так как это приводит к смешению различных по своей экономической функции видов труда. С другой стороны, включение в состав услуг таких видов человеческой деятельности, которые призваны восстанавливать качество ранее созданных потребительных стоимостей (это большинство видов бытового обслуживания), со ссылкой на то, что здесь не производится нового продукта, также ведет к смешению различных видов труда.

Таким образом, погрешность этих точек зрения заключается, по нашему мнению, в том, что они неправильно трактуют материализацию труда. В обществе, где имеются развитые товарно-денежные отношения, господствующей формой учета трудовых затрат является стоимостной учет. «Если мы говорим о товаре как о материализованном выражении труда,— подчеркивал Маркс,— в смысле меновой стоимости товара,— то речь идет только о воображаемом, т. е. исключительно социальном способе существования товара, не имеющем ничего общего с его телесной реальностью; товар представляется как определенное количество общественного труда или денег» [2].

Конечно, категорию услуг можно толковать по-разному, но с точки зрения политэкономии — это категория, выражающая отношения по поводу потребления труда. Если с политэкономических позиций ремонтное производство вещей, находящихся у населения, отнести к услугам, то с таким же успехом можно к ним отнести и все производство предметов потребления, а впрочем и производство средств производства. Ведь ремонт последних, как и первых, не только восстанавливает потребительную стоимость, но и увеличивает стоимость. И с этой точки зрения ремонт не отличается от производства новых изделий.

---

[1] *Л. Н. Гольцман.* Экономика коммунального хозяйства, услуги, тарифы. М., 1966, стр. 39.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 154.

В этой связи следует обратить внимание на терминологическую разноголосицу, которая проникла со страниц периодической прессы в научную, в том числе и политэкономическую, литературу. Так, для Э. Агабабьяна сфера услуг — это комплекс экономически однородных отраслей и видов труда. В этот комплекс, по его мнению, входят услуги, связанные с «материальными благами, с вещами, которые уже вышли из общественного кругооборота», под ними подразумеваются ремонтные работы вещей населения [1]. И хотя автор говорит, что услуга и сфера обслуживания не тождественные понятия, но в его понимании такого различия не видно. По мнению Д. И. Правдина «сфера услуг охватывает все виды услуг личного, социального и производственного назначения; сфера обслуживания включает только услуги, предоставляемые населению» [2]. И действительно, в лексиконе нашей экономической литературы можно встретить такие термины, как потребительские услуги [3], производственные услуги [4].

Особо следует обратить внимание на трактовку категории услуги, данную А. Коганом. Он считает, что «следует различать услугу в узком смысле слова как специфическую форму соединения рабочей силы со средствами производства и услугу в широком смысле слова, где полезный эффект неотделим от процесса труда. Это два разнородных понятия. Но К. Маркс, по мнению А. Когана, выразил их в одном термине «услуга» [5].

Прежде всего отметим, что услуга как категория политической экономии отражает лишь одно понятие — потребление труда. Последнее, в свою очередь, отрицает возможность как специфического, так и не специфического соединения рабочей силы со средствами производства, ибо этот акт означает осуществление процесса производства при определенных общественных условиях. Услуга же выражает отношения по потреблению. Следовательно, нет надобности вводить новые категории, тем более, что они неверно отражают суть экономических явлений. С нашей точки зрения, эта терминологическая разноголосица не только не способствует выяснению экономической природы услуг, но еще больше запутывает дело. Для В. С. Семенова понятия «сфера обслуживания» и «сфера услуг» в целом идентичны, а понятием «служба быта» охватывается лишь определенная, строго конкретная часть сферы обслуживания» [6]. Сферу услуг и сферу обслуживания Т. В. Рябушкин различает на основе того, что услуга покупается и продается, а в сферу обслуживания, по мнению автора, входят не только платные, но и бесплатные услуги [7].

---

[1] См.: *Э. Агагабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 33.

[2] Сфера обслуживания при социализме, стр. 64.

[3] См.: *В. А. Медведев.* Общественное производство и сфера услуг, стр. 4.

[4] См.: Усиление загнивания капитализма в условиях нового этапа общего кризиса. М., 1961, стр. 319.

[5] «Экономические науки», 1969, № 10, стр. 74.

[6] *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники, стр. 4.

[7] *Т. В. Рябушкин.* Темпы и пропорции развития народного хозяйства социалистических стран. М., 1966, стр. 67.

Мы видим, что только последний из перечисленных авторов пытается в основу определения услуги положить экономический признак, однако эту попытку, с нашей точки зрения, нельзя считать удачной. Для остальных определений характерно то, что их авторы пытаются в сфере услуг объединить разнообразные отрасли как производственной, так и непроизводственной сферы, между которыми с точки зрения марксистской политэкономии существуют коренные различия.

Следовательно, во всех определениях авторы пытались найти во множестве отраслей что-то общее и находят его в обслуживании потребностей человека. Они забывают о том, что все общественное производство как предметов потребления, так и средств производства призвано обслуживать потребности человека. Таким образом, этот признак, с одной стороны, не может служить основой для объединения разных родов человеческой деятельности, а с другой — он мешает найти тот критерий, на основе которого можно было бы дать действительно научную классификацию этой деятельности. Ни одно из приведенных выше определений услуги не рассматривает ее как результат определенного рода труда, имеющего различное значение с точки зрения экономических отношений в обществе и эффективности затрат труда. А именно с этих позиций услуга как категория политической экономии и должна рассматриваться.

Бытующее в экономической литературе понятие сферы обслуживания аморфно. Кто может сказать, какие отрасли хозяйства следует относить к сфере обслуживания? Почему медицинская помощь относится к сфере обслуживания, а аппарат райисполкома, который тоже обслуживает граждан, не относится к этой сфере? Почему ремонт обуви относится к сфере обслуживания, а производство новой обуви не относится? Этот ряд сравнений можно было бы продолжить, но и его достаточно, чтобы признать аморфность термина «обслуживание».

Понятие сфера услуг, которое довольно широко применяется в научной литературе, с нашей точки зрения, также не является правомерным. Ведь услуга — это определенная политэкономическая категория, и если мы говорим о сфере услуг, то это уже само по себе означает, что часть труда в услугах мы не учитываем, т. к. под сферой услуг обычно понимаются отрасли непроизводственной сферы. Ведь услуги — это не только деятельность артистов, художников, врачей, но и многих других профессий, которые родственны профессиям работников материального производства. Технические функции их труда ничем не отличаются. Поэтому значительное количество труда не включается в употребляемое понятие «сфера ускуг» и это, на первый взгляд, кажется вполне закономерным.

Например, труд садовника в совхозе является производительным трудом, а труд садовника, ухаживающего за газонами на аллеях парков или городских улицах,— это непроизводительный труд, выступающий в виде услуги. Каменщик карьера — произво-

дительный работник, а каменщик, сооружающий памятник,— непроизводительный работник, его труд потребляется в виде деятельности как услуга. Труд первого не только возмещает средства, затраченные на его заработную плату, но и дает возможность расширять производство, труд второго оплачивается из дохода.

Таким образом, правомерно говорить об услугах непроизводственной сферы, т. е. о понятиях, которые действительно имеют какие-то определенные границы. Сфера обслуживания и сфера услуг не являются научными понятиями и не могут служить объектами научного анализа.

Терминологическая неразбериха в определении услуг явилась одной из причин рассмотрения услуги не как отношения по поводу потребления, т. е. в политэкономическом аспекте, а как результата конкретных видов труда. Поэтому даже авторы солидных экономических работ иногда не могут найти общности в тех родах человеческой деятельности, которые по своей сущности не могут быть ничем иным как услугами. Так, например, Т. В. Рябушкин считает, что «трудно подвести под одно понятие услугу парикмахерской и «услугу» полиции» [1]. В. В. Семенов, для которого услуга и обслуживание понятия тождественные, считает, что труд ученого, писателя, художника, т. е. труд в таких отраслях как наука, просвещение, культура и здравоохранение, так же как и труд в сфере управления, нельзя считать услугой [2].

Авторы ряда экономических работ, пользуясь материалами буржуазной статистики, приводят данные о развитии непроизводственной сферы капиталистических стран, забывая, что эта статистика не разграничивает непосредственно сферу производства и непроизводственную сферу [3]. Ведь буржуазные ученые все виды человеческой деятельности, связанные с ремонтом бытовых изделий населения, а также те, которые действительно являются услугами, относят к сектору обслуживания. Как было уже показано, с позиций марксистской политэкономии это различные категории.

Критерии непроизводительного труда, выступающего в виде услуги, с точки зрения всего общества, состоят в следующем: 1) услуга выражает отношения по поводу потребления труда, этот труд не воплощается в товаре; 2) оплата труда возмещается из дохода общества, т. е. труд не используется обществом в целях расширения производства; 3) труд может использоваться как в целях личного потребления отдельного индивидуума, так и всего общества; 4) одна часть непроизводительного труда в услугах поддается организации, присущей данному способу производства, а другая не поддается ей. По нашему мнению, эти критерии дают возможность

---

[1] *Т. В. Рябушкин.* Темпы и пропорции развития народного хозяйства социалистических стран, стр. 8.

[2] См.: *В. С. Семенов.* Сферы обслуживания и ее работники, стр. 15, 22.

[3] См.: *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 134.

определить непроизводительный труд, выступающий в качестве услуги, несмотря на его многообразие и многоликость.

На первый взгляд кажется, что действительно нет ничего общего между трудом парикмахера, писателя, певца и государственного чиновника или военнослужащего. С точки зрения конкретного содержания труд этих лиц в обществе имеет неодинаковое значение, он затрачивается в различных областях и поэтому несравним. Однако с экономической точки зрения все эти виды труда направлены на потребление. Если мы рассматриваем капиталистическое общество, то вышеназванных лиц, с его точки зрения, никак нельзя назвать бездельниками, но их труд не направлен на производство материальных благ, хотя и обменивается на эти блага. К. Маркс писал: «Эти непроизводительные работники не безвозмездно получают свою долю дохода (заработной платы и прибыли), свою долю в товарах, созданных производительным трудом,— они должны ее купить,— но к производству этих товаров они не имеют никакого отношения» [1].

Несомненно, что труд этих категорий по-разному отражается и на потреблении. Так, певец расширяет область личного потребления других людей за счет исполнения своих песен, писатель за счет своих идей, парикмахер в качестве брадобрея, а служба полицейского и солдата будет потреблена капиталистами как классом. Однако все эти различия имеют значение с точки зрения эффективности траты дохода общества на различные виды непроизводительного труда как услуги. Стало быть, и с точки зрения потребления для общества не одинаково, где использовать непроизводительный труд в виде услуги. Но во всех случаях для того чтобы затраты этого труда были возможны, обществу необходимо иметь доход, который производится другим видом человеческой деятельности — производительным трудом.

В условиях капиталистического общества, где владельцами капитала выступают отдельные частные лица, часть непроизводительной деятельности в виде услуг может выступать как производительный труд с точки зрения собственника денег. Однако с точки зрения всего капиталистического общества, где осуществляется расширенное воспроизводство, услуга всегда остается услугой, т. е. трудом, направленным на потребление, а потому и оплата труда, израсходованного на ее оказание, неизбежно требует расходования какой-то части общественного дохода, созданного производительным трудом.

Услуга как разновидность непроизводительной деятельности в обществе в отдельных случаях может принимать присущую ему организацию. В условиях эксплуататорского общества труд той категории непроизводительных работников, которая вступает в капиталистическую организацию труда, продается капиталистическому предпринимателю. Эти работники подвергаются такой же, а может

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 140.

быть еще большей эксплуатации, чем рабочие капиталистических предприятий. Именно эта эксплуатация и приносит предпринимателю, нанявшему непроизводительных рабочих и продающему услуги их труда, прибыль. Но от этого суть дела не меняется, непроизводительный труд не становится производительным.

Материализация труда, оказывающего услугу, не может придать ему производительный характер. Если капиталист нанимает для личного обслуживания кухарку, то здесь конкретный труд из закупленных капиталистом продуктов создает материально-вещественные продукты. Труд этой кухарки направлен на материальный объект, представляющий предмет труда. Далее, этот труд является процессом преобразования предметов труда в целях личного потребления. Значит, количество труда, воплощенного в приготовленной пище, будет большим, нежели в продуктах, из которых она готовилась. Но полученный продукт не предназначен для обмена через рынок, следовательно, он не принимает товарной формы. Поэтому и труд кухарки потребляется как конкретный труд, который хотя и производит новый продукт, но этот продукт не используется для дальнейшего накопления капитала. Результат затрат этого труда, как и те продукты, на которые был направлен труд кухарки, используются в личном потреблении и прекращают свое существование. Следует отметить также и то, что эти затраты конкретного труда оплачиваются из дохода того, кто является их потребителем. Это обстоятельство, как было показано, имеет важное значение для определения непроизводительного труда и услуг.

Мы видим, что непроизводительный труд, услуги, воплощающиеся в натурально-вещественной форме, составляют реальные затраты труда. Однако в обществе, где имеются товарно-денежные отношения, существует особый способ учета этих затрат. Именно этот способ учета исключает ряд видов труда из состава тех, которые создают реальное богатство. Не случайно Маркс говорит, что в капиталистическом обществе материализация осуществляется особым образом, т. е. путем перенесения стоимости.

Особенностью труда, потребляемого в виде услуги, является не то, что он материализуется, а то, что он не используется для дальнейшего расширения материального производства в обществе. Здесь следует говорить о затратах труда в сфере потребления. Этого рода непроизводительный труд является потенциальным носителем производительного труда.

В ходе того, как господствующие производственные отношения охватывают все большую сферу труда, рассматриваемый нами вид непроизводительного труда превращается в труд производительный. По этому поводу К. Маркс замечал: «В той же мере, в какой капитал подчиняет себе все производство,— так что все товары производятся для продажи, а не для непосредственного потребления, и соответственно этому растет производительность труда,— появляется и все более усиливается также и вещественное различие между производительными и непроизводительными работниками,

так как первые, за незначительными исключениями, будут производить только *товары*, а вторые, тоже за незначительными исключениями, будут выполнять только личные услуги» [1].

Проанализировав непроизводительный труд, выступающий в виде услуги, которая воплощается в натурально-вещественном продукте, мы можем ясно увидеть, насколько не обоснованы взгляды тех экономистов, которые рассматривают весь непроизводительный труд как труд, который ничего не создает. Именно это и служит побудительным мотивом для построения различных теоретических схем, доказывающих, будто в условиях социалистического общества, где нет эксплуататорских классов, весь труд является производительным.

Второй вид непроизводительного труда, встречающегося в виде услуги, не приобретает самостоятельной натурально-вещественной формы, а потребляется в виде непосредственной деятельности. Здесь акт оказания услуги и акт ее потребления не отделен ни в пространстве, ни во времени. Однако неотделимость актов затрат труда и потребления его результатов не является монополией услуг, не является она также и той специфической чертой, которая может их отделить от материального производства.

Действительно, в ряде отраслей промышленности имеют место процессы, где акт производства, т. е. затрат труда, и потребления эффекта этих затрат совмещается. К ним прежде всего можно отнести почти всю электроэнергетическую промышленность, холодильное производство и т. п. И хотя электроэнергию человечество научилось конденсировать и сохранять, а холод пока еще нет, это не дает основания для того, чтобы производство последнего назвать услугой. Между тем некоторые экономисты при определении отличий услуг от материального производства на первый план выдвигают именно признак неотделимости производства и потребления [2]. С нашей точки зрения, такой подход является однобоким.

Этот признак не может служить критерием определения услуг. Прежде всего, как уже было показано, ряд видов художественной деятельности, а также и других услуг воплощается в натурально-вещественной форме. Следовательно, не для всех услуг характерно совмещение акта затрат труда и потребления его результатов. Далее, здесь затраченный труд может овеществляться так же, как в любом материальном производстве. Нам могут сказать, что единство акта потребления и оказания услуг характерно лишь для второго вида услуг, услуг, не имеющих натурально-вещественной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 142.

[2] А. Л. Лифшиц утверждает, что «услуги потому получили такое название, что затраченный на них труд выступает преимущественно в виде деятельности от нее неотделимой» (Проблемы политической экономии, М., 1963, стр. 99); К. К. Вальтух считает, что «услуга в узком смысле слова... есть результат труда, неотделимый от самого труда, не принимающего обособленную вещную форму» (*К. К. Вальтух*. Общественная полезность продукции и затраты труда на ее производство. М., 1966, стр. 53).

формы. Но ведь о первом виде услуг некоторые экономисты совсем не упоминают. Более того, они его совсем не считают услугами.

Однако эти доводы также не выдерживают критики. Ведь некоторые виды непроизводительной деятельности, в самом строгом смысле этого слова, не вызывающие ни у кого из современных советских экономистов сомнения, оставляют после себя определенный результат, «продукт». Так, вряд ли кто станет возражать против того, что труд по учету результатов производства хотя и воплощается в определенных документах, но является непроизводительным трудом. Напротив, все, кто касается вопроса о производительном и непроизводительном труде, всегда приводят выдержку из «Капитала», в которой К. Маркс образно показывает, почему труд по учету результатов производства не является непроизводительным. Но это отнюдь не мешает некоторым из них относить отдельные виды человеческой деятельности, не оставляющие после себя видимых результатов, к области производительного труда.

Далее, в человеческой деятельности существует целый ряд таких профессий, как художники, писатели, журналисты, результат труда которых всегда воплощается в каком-то определенном осязаемом результате (картине, книге, статье). Маркс отмечает, что деятельность канцеляристов также воплощается в горах исписанных бумаг [1]. Если ранее было показано, что труд как целесообразная деятельность человека может быть направлен на материю и силы природы с целью приспособления предметов природы для потребления, может материализоваться (безотносительно к общественной форме), то теперь мы видим, что существуют и такие виды труда, которые оставляют после себя осязаемый результат, но последний никак нельзя назвать ни производительным, ни таким, который приспосабливает предметы природы для целей потребления.

Все это показывает нам, что даже в том случае, когда человеческий труд оставляет осязаемые результаты, то это еще не дает основания для причисления его к категории производительного. И хотя в приведенном нами примере представлены неодинаковые виды деятельности и их результат различен, но все они с точки зрения марксистской политической экономии являются непроизводительным трудом, т. е. трудом, который потребляется в виде деятельности, а не воплощен в товарном теле. Но может быть эти виды непроизводительной деятельности нельзя назвать услугами? Ведь они настолько различны между собой, что очень трудно найти в них общность.

Рассматривая этот вопрос, не следует забывать, что политическая экономия отнюдь не занимается анализом специфики конкретных видов труда. Ее интересует прежде всего социально-экономическая форма труда, его функции и результат с точки зрения того или иного способа производства. А именно эти моменты, несмотря на большое многообразие среди непроизводительных видов труда,

[1] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 148.

являются теми общими признаками, которые дают возможность их классифицировать в один род.

Прежде всего заметим, что все названные виды труда имеют своим результатом нечто отличное от товара. Это положение может вызвать возражение. Ведь картины продаются, рукописи писателя тоже продаются и статуи ваятеля не представляют исключения.

Здесь, однако, следует иметь в виду, что не всякая вещь, которая подлежит реализации, в действительности есть товар. В. И. Ленин, определяя товар как элементарную клеточку буржуазного общества, подчеркивал, что это есть самое массовое, миллионы раз встречающееся явление. Товар — это не только и не столько реально осязаемая вещь, сколько общественные отношения. В капиталистическом обществе он выражает буржуазные производственные отношения, в социалистическом — социалистические. А производственные отношения — это, как известно, прежде всего отношения по поводу собственности на средства производства. Но можно ли сказать, что продаваемая картина художника или рукопись писателя выражают производственные отношения того общества, где им приходится творить. Ответ на этот вопрос безусловно будет отрицательным. Труд этих профессий выражает совершенно иные экономические отношения, чем те, которые определяют господствующий экономический строй общества.

Следовательно, в политэкономическом смысле эти вещи, хотя они и принимают форму товара, действительным товаром назвать нельзя. Реализуя картину, художник продает свой труд как услугу, т. е. в качестве деятельности. Он вступает в отношения с покупателем его труда, который не преследует цели расширения производства. Ведь труд писателя, художника, скульптора нельзя назвать производством, т. к. последнее предполагает соединение рабочей силы со средствами производства в системе господствующих производственных отношений.

Виды человеческой деятельности, результаты которой не имеют осязаемой формы (артисты, адвокаты и т. д.), не вызывают особых трудностей при отнесении их к категории услуг. Здесь ярко выражено не только отсутствие материальных результатов труда, но и индивидуальность исполнения. Последнее подтверждает не только потребительский характер этой деятельности, но и то, что конкретная форма труда играет при этом особую роль. Эти факты говорят о том, что здесь мы имеем дело с потреблением деятельности, т. е. потреблением определенного эффекта труда. Следовательно, эти виды деятельности мы можем также отнести к услугам.

Услуги, не оставляющие после себя осязаемых результатов, подобно другим потребительным благам, в том числе и таким, которые являются результатом материального производства, предназначены для удовлетворения потребностей людей. И с этой точки зрения услуги ничем не отличаются от прочих благ, материальных и культурных. Да и существование этих услуг в обществе объясня-

ется тем, что они могут удовлетворять потребности, в противном случае общество не затрачивало бы на них труд. Однако эта способность к удовлетворению определенных человеческих потребностей не делает труд по производству этого рода услуг, как пытаются изобразить некоторые экономисты, по своей экономической сущности подобным производительному труду, затрачиваемому в материальном производстве. И вовсе не по причине второстепенной или третьестепенной значимости этих услуг в арсенале потребительских благ. Настоятельность потребностей, их степень важности различна не только по отношению к благам, удовлетворяющим духовные запросы, но и к тем, которые призваны удовлетворять материальные потребности.

Для характеристики труда, затраченного в качестве деятельности, т. е. услуги, не принимающей материально-вещественной формы, важно то, что этот труд с точки зрения общественного воспроизводства не ведет к увеличению материально-вещественного богатства общества, не может быть использован для дальнейшего расширения производства. Оплата этого труда является вычетом из дохода общества, существующего в натурально-вещественной форме. Но в прямом смысле ее нельзя назвать вычетом, поскольку здесь имеет место обмен результатами деятельности между производственной и непроизводственной сферой. Однако деятельность, затраченная на оказание услуг, не имеющих материально-вещественной формы (артисты, адвокаты и т. д.), не связана с производством. Это деятельность, где нет другой цели, кроме личного потребления.

В нашей литературе подчеркивается, что в услугах имеется в наличии акт производства в том смысле, что создается полезный эффект. В действительности же для производства материальных благ и услуг характерно то, что они немыслимы без затрат труда. Однако эти затраты отличаются своим экономическим смыслом. Затраты труда на услуги — это затраты, которые осуществляются в самой сфере потребления. Следовательно, каковы бы ни были результаты этого труда, общество не может непосредственно использовать их для дальнейшего расширения производства, для дальнейшего увеличения своего материального богатства. И с этой точки зрения деятельность по оказанию услуг, не принимающих материально-вещественной формы, никак нельзя назвать производительным трудом в политэкономическом смысле.

Общим в творческой деятельности, воплощающейся в реально осязаемых объектах, и деятельности, создающей образы лишь в нашем воображении, является то, что они содержатся на доход общества, оплачиваются из этого дохода. Значит ли это, что услуги, о которых идет речь, ничего не дают обществу? Ведь именно так пытаются изобразить позицию ряда экономистов те, кто доказывает производительный характер труда в области услуг. На этот вопрос марксистская наука всегда давала отрицательный ответ. Деятельность по оказанию услуг в одной своей части, когда речь

идет об услугах, где труд не материализуется, расширяет границы личного потребления и именно той сферы, где потребляются нематериальные блага.

В результате деятельности по оказанию услуг или непроизводительного труда, создающего материальные осязаемые вещи, также увеличиваются возможности потребления для общества, а не для наращивания производства. Этот вид труда не является той экономической формой, которая используется обществом для увеличения богатства. Короче говоря, услуги потребляются как деятельность отдельных видов труда. Потребление же и производство, как уже отмечалось, имеют различные функции в экономической жизни общества.

Таким образом, можно сказать, что услуги в области творческой деятельности, независимо от того имеют ли они своим результатом материально осязаемые вещи или только эффект духовного воздействия на личность, являются следствием труда, направленного на потребление. Эти виды труда, с одной стороны, увеличивают массу духовных потребительских благ в обществе, а с другой стороны, сами представляют объект потребления, но они не могут быть использованы в целях расширения производства. Вот почему производительные и непроизводительные виды труда не равнозначны для общества. Следовательно, их различие состоит не в том, что один из них что-то производит, а другой нет, а в той экономической роли, какую они играют в качестве основы существования данного способа производства, его развития и совершенствования.

3. Непроизводительный труд и способ производства

Марксистская политическая экономия, рассматривая общественное воспроизводство, взятое в целом, различает четыре его фазы — производство, распределение, обмен и потребление. Поскольку непроизводительные затраты труда в обществе прежде всего связаны с общественным воспроизводством, то возникает потребность детально рассмотреть его фазы. Здесь же необходимо заметить, что отмеченным четырем фазам соответствуют три сферы — производство, обмен и потребление. Это объясняется тем, что распределение не имеет самостоятельной сферы, оно протекает как в производстве, так и в обращении. Следует различать понятия сферы и фазы. Под сферой понимается определенный круг отраслей хозяйства, где совершается тот или иной процесс, например производство, обращение и т. д. Так, к производственной сфере относится множество отраслей народного хозяйства, в которых создаются материальные блага. К сфере обращения относятся отрасли хозяйства, роль которых заключается в продвижении товаров к потребителю — это торговля, заготовки, материально-техническое снабжение.

Понятие фазы подразумевает лишь стадии в процессе движения общественного продукта от начального к конечному пункту

общественного воспроизводства. Эти стадии могут протекать не в одной, а в нескольких сферах. Например, производство осуществляется не только в сфере материального производства, но и в сфере обращения. Торговля по своей сущности относится к сфере обмена, а между тем ряд операций здесь является продолжением процесса производства. Не только в своей, но и в чужих сферах могут протекать процессы, характерные для потребления.

Распределение составляет, во-первых, момент самого производства, которое определяет распределение средств производства между классами в обществе, и, во-вторых, фазу воспроизводства, осуществляя распределение произведенного в обществе совокупного общественного продукта.

Следующей фазой общественного воспроизводства является обмен, который, во-первых, также составляет момент самого производства и, во-вторых, в качестве самостоятельной фазы общественного воспроизводства выполняет роль доведения распределенного продукта производства до потребителя. В обществах, где существует товарное производство, распределение произведенных благ происходит при помощи механизма товарно-денежных отношений. Каждый из участников производства получает право на свою долю продукта при помощи денег. Следовательно, реализация денежных доходов в обмен на материальные блага и является распределением произведенных обществом материальных благ, но этот акт осуществляется в сфере обращения. И хотя здесь переплетаются обращение и распределение, однако эти фазы нельзя смешивать. В процессе общественного воспроизводства они выполняют различные функции.

Последней фазой воспроизводства является потребление, в котором процесс движения общественного продукта получает свое завершение. Потребление различают производственное и личное, но только последнее представляет самостоятельную фазу и имеет свою сферу. Некоторые экономисты выносят потребление за пределы общественного воспроизводства. Так, например, Х. Гулаханян полагает, что в результате обмена товаров на деньги завершается процесс воспроизводства [1]. С такой трактовкой места потребления согласиться нельзя. Если потребление находится вне пределов воспроизводства, то последнее становится не только бесцельным, но и невозможным. Именно эта фаза составляет заключительный акт процесса воспроизводства, только в ней товары теряют потребительную стоимость и стоимость, что и обусловливает необходимость возобновления процесса воспроизводства. Рассмотрев различные фазы воспроизводства, К. Маркс писал: «Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что они все образуют собой части, различия внутри единства» [2].

[1] См.: *Х. Гулаханян.* Производство и потребление при социализме. М., 1957, стр. 9.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 725.

Рассмотрение различных фаз воспроизводства интересует нас постольку, поскольку в них затрачивается непроизводительный труд, в одних в меньшем количестве, в других — в большем. Так, в фазе производства затраты непроизводительного труда относительно невелики, зато распределение, обмен и потребление требуют уже значительных затрат этого труда. Следовательно, сам ход общественного воспроизводства в любых общественно-экономических условиях объективно предполагает необходимость затрат непроизводительного труда. Далее, в каждом обществе существует присущая ему надстройка, т. е. совокупность юридических, политических и правовых воззрений и соответствующих им учреждений. Функционирование ее также требует затрат общественного труда, имеющего непроизводительный характер. Наконец, вызывает к жизни существование непроизводительного труда необходимость удовлетворения потребностей людей и общества в образовании, лечении, развлечениях, передвижении и т. п.

Таким образом, мы видим, что различные виды непроизводительного труда порождены неодинаковыми причинами и их роль в обществе различна. Многочисленные попытки классифицировать непроизводительный труд, в связи с тем, что они не опирались на объективные критерии, не дали положительных результатов. С нашей точки зрения, необходимо, прежде всего, выделить непроизводительный труд, обслуживающий производство и продвижение товаров к потребителю, куда входят: а) непроизводительный труд в самом производстве, б) непроизводительный труд организаций, обслуживающих производство, в) непроизводительный труд, затрачиваемый в обращении и распределении общественного продукта.

Другим видом непроизводительного труда в обществе является труд, затрачиваемый вне сферы производства и продвижения товаров к потребителю. К этому виду непроизводительного труда относятся услуги как деятельность, которая не материализуется. Как уже отмечалось, наиболее характерная черта услуг состоит в том, что они обмениваются на доход. Классифицируя этот непроизводительный труд, его можно подразделить на следующие виды: а) непроизводительный труд в области надстройки данного способа производства; б) непроизводительный труд в фазе личного потребления членов общества; в) непроизводительный труд, направленный на оказание медицинской помощи, воспитание, образование и получение квалификации. Вполне понятно, что каждый из видов непроизводительного труда, выступающего в обществе в качестве услуг, представлен многочисленными отраслями народного хозяйства. Так, непроизводительный труд в фазе личного потребления — это и труд в области пассажирского транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, в том числе бань, парикмахерских и т. п., и таких отраслей, которые занимают досуг населения. Нам представляется, что такая классификация, в отличие от ранее приведенных в нашей литературе, во-первых, имеет научное обоснование и, во-

вторых, на основе ее можно выявить влияние способа производства на развитие непроизводительных видов труда в обществе.

Отрицательной чертой имеющихся классификаций является то, что в них услуги и непроизводительный труд не разграничаются. Смешение этих категорий не позволяет найти верные тенденции в развитии тех или иных видов непроизводительного труда. Более того, это является одной из причин путаницы в науке. Так, например, Д. И. Правдин считает, что с точки зрения расширенного воспроизводства важно различать: «1) услуги производственные, 2) услуги личные и 3) услуги социальные или общественные» [1]. При этом к производственным услугам относятся и труд по совершенствованию учета, и труд по обеспечению безопасности производства, т. е. совсем не услуги — первый является просто непроизводительным трудом, а второй относится непосредственно к производству. К личным услугам он причисляет труд в пассажирском транспорте, торговле и в кредитно-страховых учреждениях, т. е. смешивает действительные услуги и непроизводительный труд. В состав социальных услуг Д. И. Правдин включает, наряду с обороной, науку, просвещение и культуру. Конечно, такая классификация не может дать представления о факторах, которые обусловливают рост затрат непроизводительного труда в обществе.

Необходимо отметить, что для анализа влияния способа производства на рост непроизводительного труда в обществе требуется детальное рассмотрение каждого вида этого труда. Поэтому анализ этих затрат при укрупненном делении, таком как деление на а) отрасли, услуги которых необходимы для развития производительных сил и всестороннего развития личности, и б) отрасли, где труд направлен на обслуживание общественной формы производства и выполнение общих, непосредственно не относящихся к производству функций [2], не может, с нашей точки зрения, дать правильных выводов.

Предлагаемая нами классификация непроизводительного труда показывает, что одни виды непроизводительного труда имеют непосредственное отношение к производству, другие далеки от него и не могут оказывать сколько-нибудь существенного влияния, а третьи, как труд в личном потреблении, влияют на производство лишь опосредствованно. Все это говорит о том, что для развития материального производства расширение различных видов непроизводительной деятельности имеет не одинаковое значение. Но расширение тех или иных видов непроизводительного труда зависит не от их общественной значимости, а определяется самим характером производства материальных благ, господствующими производственными отношениями.

Существование непроизводительного труда в фазах общественного воспроизводства, а также вне этих фаз, как уже отмечалось,

---

[1] Сфера обслуживания при социализме, стр. 58.

[2] См.: Вестник МГУ, серия VIII. Экономика, философия. 1964, № 6, стр. 48.

является объективной необходимостью. Поскольку сущность воспроизводства в отдельных общественно-экономических формациях определяется специфическими экономическими законами, то и затраты непроизводительного труда в названных фазах находятся под влиянием этих же законов. Характерной чертой затрат непроизводительного труда в антагонистических обществах является то, что они используются в целях эксплуатации трудящихся масс. Эти затраты могут быть осуществлены лишь потому, что существует эксплуатация. Но даже каждый исторически определенный общественно-экономический строй, основанный на эксплуатации, накладывает свою печать на развитие непроизводственной сферы. Рабовладельческие государства имели многочисленные армии, которые вели завоевательные войны. В эпоху феодализма непроизводительный труд помимо армии представлял собой сферу, в основном, по обслуживанию прихотей дворянства. В эту эпоху широко распространены дворовые театры, многочисленный состав крепостных был занят услужением дворянству в качестве лакеев, кучеров, поваров и т. п. Господствующий класс тратил большие средства на устройство балов и другие развлечения. Большое количество занятых использовала церковь.

Специфика непроизводительного труда в эпоху капиталистических производственных отношений проявилась прежде всего в том, что многие виды непроизводительного труда, которые не могут быть субстанцией стоимости, превратились в товары. Далее, развитие товарного производства и товарно-денежных отношений привело к быстрому росту непроизводительных видов труда, связанных с производством и продвижением товаров к потребителю. Бурными темпами в эпоху капитализма развиваются торговля, банки, страховое дело. Экспансионистский характер этого общественного строя, его устремления к захвату и подчинению чужих земель с целью их эксплуатации обусловил рост той части непроизводительного труда, которая связана с военной машиной. Усиление эксплуатации трудящихся масс потребовало расширить аппарат насилия, карательные и судебные органы, а также органы управления. Ни одно из эксплуататорских обществ не знало такого гипертрофированного развития той части непроизводственной сферы, которая совсем не связана с производством материальных благ, как это имеет место в условиях капитализма и особенно на империалистической стадии его развития.

Хотя рост производительности труда и создает условия для увеличения удельного веса непроизводительных работников в обществе, однако направление изменений в структуре занятости как в производственной, так и в непроизводственной сфере определяют господствующие общественные отношения. Конечно, та часть непроизводительного труда, которая обслуживает производство и продвижение товаров к потребителю, определяется прежде всего уровнем развития производительных сил. Однако и здесь влияние производственных отношений явно сказывается. Так, например,

по данным 1968 г., в торговле, финансах и прочих услугах предпринимательства Соединенных Штатов Америки было занято 18,9 [1] млн. человек, или более половины всех занятых в непроизводственной сфере и около одной четвертой, занятых во всем хозяйстве. Гипертрофированный рост этих отраслей вызван не потребностями развития производительных сил, а капиталистической формой производства и обращения. Именно последние обусловливают необходимость операций по расширению рекламы, хранения излишних товарных запасов, спекулятивных сделок на биржах, что требует большого количества занятых в области торговли и финансов.

В условиях социалистического общества занятость в сфере обращения тоже растет, однако этот рост обусловливается лишь увеличением производства товаров. Кроме того, плановая организация социалистического хозяйства дает возможность более эффективно расходовать труд в обращении, нежели в условиях капитализма. Об этом свидетельствует тот факт, что в нашей стране в 1968 г. в торговле, общественном питании, системе заготовок и материально-технического снабжения было занято 6,9 млн. человек, или всего 8% от общего количества занятых в народном хозяйстве [2].

Огромная и всевозрастающая масса труда, вследствие эксплуататорской сущности производственных отношений капитализма, отвлекается для работы в таких институтах, как государственный аппарат, вооруженные силы, аппарат политических партий, религиозных организаций. Например, в 1968 г. численность занятых в государственном аппарате США составляла 4852 тыс. человек, в вооруженных силах — 3565 тыс. человек и в личных услугах — 1021 тыс. человек [3].

Государственный аппарат социалистического общества представляет собой орган политической власти трудящихся масс во главе с рабочим классом. В связи с этим функции государства изменились. Это позволяет значительно сократить и затраты непроизводительного труда. В этом ярко проявляются преимущества социалистических производственных отношений в их влиянии на затраты труда в обществе. Достаточно напомнить, что по территории и по населению СССР превосходит США, а численность занятых в органах государственного и хозяйственного управления, в органах управления кооперативных и общественных организаций в 1968 г. в СССР была почти в 3 раза меньше, чем в США. При этом следует иметь в виду, что в нашей стране в руках государства сосредоточено все хозяйство, а поэтому большая часть функций его аппарата связана с управлением хозяйством.

---

[1] См.: Statistical Abstract of the United States. 1969, p. 211, 217, 218, 219.

[2] См.: Народное хозяйство СССР в 1968 г. М., 1969, стр. 548.

[3] См.: Statistical Abstract of the United States. 1969, p. 217, 219. При расчете количества занятых в государственном аппарате США сделано допущение, будто темпы роста всех категорий государственных служащих с 1960 г. оставались неизменными.

В социалистическом обществе ведется постоянная борьба за сокращение и удешевление аппарата управления. Ноябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС восстановил территориальный принцип построения партийно-советских учреждений, что позволило исправить допущенные ошибки непродуманной реорганизации управленческого аппарата и значительно сократить штат управленческих работников.

Утверждение социалистических производственных отношений привело к полной ликвидации таких видов непроизводительного труда, как труд личной прислуги господствующих паразитических классов, во многом уменьшило затраты труда в области религиозных культов, которые являются не только непроизводительными, но и вредными с точки зрения общества. Часть затрат непроизводительного труда в области социалистической надстройки порождена определенными внешними и внутренними причинами. Так, содержание армии в СССР обусловливается необходимостью охраны не только нашей Родины, но и завоеваний всего лагеря социализма. Вследствие пережитков капитализма в сознании людей приходится содержать карательные и судебные органы.

Как видно, преобладающая масса затрат непроизводительного труда в капиталистическом обществе не имеет отношения ни к развитию производства, ни к народному потреблению. Поэтому опыт капиталистических стран, на который ссылаются некоторые экономисты стран социалистического содружества, пытаясь доказать необходимость ускоренного развития непроизводственных отраслей в социалистическом обществе, не может служить образцом. Конечно, и в условиях капитализма увеличение части непроизводительного труда диктуется потребностями общественного развития. Рост сферы материального производства требует увеличения в ней непроизводительного труда, а также той его части, которая обслуживает производство. Производство ставит все новые и новые требования перед наукой, и в связи с этим количество занятых в науке вообще, и в фундаментальной науке в частности, увеличивается. Это подтверждается материалами всех стран. Условия современного производства предъявляют повышенные требования и к промышленным кадрам. Современное автоматизированное и высокомеханизированное производство увеличило потребность в инженерно-технических работниках и в квалифицированных рабочих, имеющих высокий уровень общеобразовательной и специальной подготовки. Удовлетворить эти требования, предъявляемые к рабочей силе, можно только путем увеличения затрат непроизводительного труда в области общего и специального образования.

Современные условия производства обусловливают необходимость развития и таких областей непроизводительного труда, как здравоохранение и другие услуги.

Однако, несмотря на объективную необходимость развития перечисленных видов непроизводительного труда, удельный вес этих затрат в общей массе непроизводительного труда, расходуемого в

капиталистическом обществе, невелик. Кроме того, затраты непроизводительного труда на потребление трудящихся масс здесь считаются оправданными постольку, поскольку они дают возможность извлекать прибыль. Вот почему в ряде капиталистических стран в современных условиях существуют законы о всеобщем образовании.

Нельзя представлять, как это делают некоторые экономисты, будто все затраты непроизводительного труда в капиталистическом обществе служат лишь паразитическому потреблению эксплуататорских классов. Рост доходов как отражение закона возвышения потребностей, проявляющего свое действие и в условиях буржуазного общества, способствует развитию таких видов непроизводственной деятельности, которые становятся объектом потребления широких масс населения. Само же это развитие обусловливается рядом факторов и в частности урбанизацией, порождающей необходимость организации пассажирского транспорта и разветвленной сети услуг коммунального хозяйства. Повышение образовательного уровня населения расширяет потребность в такой непроизводительной деятельности, потребляющейся в качестве нематериализующегося труда, как теле- и радиопередачи, посещение кино и театров, выставок, чтение художественной литературы и т. д. Отличительной чертой непроизводительной деятельности, потребляемой трудящимися массами при капитализме, является то, что она подчинена капиталистической организации труда, а следовательно, и исполнители и потребители этой деятельности используются в целях наживы предпринимателей-капиталистов. Сами же эксплуататорские классы для своего непроизводительного паразитического потребления используют труд личной прислуги.

Капитализм организовал не только крупные транспортные компании, компании по использованию жилья, но и так называемую индустрию развлечений, фешенебельные курорты, туристские бюро и др., т. е. такие заведения, которыми могут пользоваться только имущие классы. Это позволяет одним представителям эксплуататорского класса использовать награбленные деньги в качестве дохода, а другим — приобретать капитал, иными словами, произвести дележ прибавочной стоимости. Предметом капиталистического бизнеса становятся лечебные учреждения, в предпринимательское дело превращена средняя и высшая школа. Таким образом, в буржуазном обществе пользование самыми необходимыми благами поставлено в зависимость от наличия у человека денег. Следовательно, дифференциация в потреблении сказывается не только в области материальных благ, но и услуг.

Влияние способа производства на затраты непроизводительного труда в обществе особенно наглядно проявляется в структуре занятости непроизводственных отраслей народного хозяйства. В условиях социализма затраты непроизводительного труда подчинены действию экономических законов этого общества и в первую очередь основному экономическому закону и закону планомерного,

пропорционального развития. Как в сфере материального производства, так и в отраслях непроизводственной деятельности затраты непроизводительного труда имеют своей целью все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей членов общества. Значит, рост затрат непроизводительного труда в условиях социалистического общества отражает иные процессы, чем при капитализме. Поэтому нельзя согласиться с теми экономистами, которые считают, будто соотношение занятых в материальном производстве и непроизводственных отраслях определяется уровнем развития непроизводительных сил вне зависимости от общественного строя.

О росте затрат непроизводительного труда, темпах и направлениях развития непроизводственной сферы при социализме можно судить на основе данных занятости в непроизводственных отраслях нашей страны (табл. 2).

Анализ темпов роста занятости в отраслях непроизводственной сферы показывает, что наиболее быстро увеличивалась занятость в науке и научном обслуживании, здравоохранении и просвещении.

Таблица 2

Рост занятости в непроизводственной сфере СССР[1]
(в разах)

Непроизводственные отрасли	Годы					
	1928	1940	1945	1960	1965	1968
Торговля, общественное питание, заготовки, материально-техническое снабжение	1	5,5	4,7	7,7	10,3	11,5
Жилищно-коммунальное хозяйство . .	1	почти в 10 раз	6,6	12,2	15,8	17,7
Просвещение и культура	1	3,7	3,2	6,6	9,5	10,3
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение .	1	3,8	3,6	8,7	11,1	11,9
Наука и научное обслуживание	1	4,4	3,5	21,5	30,1	36,5
Кредитные и страховые учреждения . .	1	2,8	2,1	2,8	3,3	3,6
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	1	1,8	1,6	1,2	1,5	1,7

[1] Страна Советов за 50 лет. М., 1967, стр. 219; Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. М., 1969, стр. 548, 549.

Так, за период с 1928 по 1968 г. численность работников науки и научного обслуживания увеличилась на 2,9 млн. чел., т. е. почти в 35 раз, в просвещении и культуре — почти на 7 млн. чел., или в 10 раз, в здравоохранении — на 4,3 млн. чел., или почти в 12 раз. За этот же период аппарат органов государственного управления, управления кооперативных и общественных организаций увеличился лишь в 1,7 раза. Приведенные данные свидетельствуют об ошибочности представлений тех советских экономистов, которые утверждают, будто в условиях построения социализма темпы роста отраслей непроизводственной сферы были низкими. Именно в годы Советской власти наша страна смогла не только догнать, но и перегнать ряд капиталистических стран в таких областях, как образование, здравоохранение, наука и научное обслуживание. Основой этого были высокие темпы роста занятости в отраслях социально-культурного обслуживания.

Уничтожение эксплуататорских классов ведет к ликвидации паразитического потребления и экономии общественных затрат непроизводительного труда. Благодаря этому общество получает возможность использовать больше средств на развитие тех отраслей, которые являются жизненно необходимыми для народного потребления. Используя непроизводительный труд в целях более полного удовлетворения запросов трудящихся, социалистическое общество развивает те виды этого труда, которые прежде всего приносят благо народу. Это отразилось в преобладающих темпах роста занятости в отраслях просвещения, здравоохранения, культуры. Даже в такие трудные годы развития нашей страны, как период индустриализации, когда все силы и средства направлялись на создание тяжелой промышленности, темпы развития этих отраслей непроизводственной сферы были очень высокими. По сравнению с 1928 г. в 1940 г. количество работников просвещения и культуры увеличилось в 3,7 раза, здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения — в 3,8 раза, науки и научного обслуживания — в 4,4 раза.

В условиях социализма нет антагонистических противоречий между производством и потреблением, пределом последнего является лишь достигнутый уровень развития производительных сил на том или ином этапе общественного прогресса. Следовательно, и затраты тех видов непроизводительного труда, которые используются в целях личного потребления, с развитием производительных сил также расширяются. Это дает возможность совершенствовать структуру потребления трудящихся масс, повышать их жизненный уровень. Рост производительности общественного труда ведет к сокращению продолжительности рабочего дня и увеличению внерабочего времени. Это ставит социалистическое общество перед необходимостью расширения непроизводительной деятельности, занимающей досуг трудящихся. Со своей стороны, те виды непроизводительного труда, которые используются для личного потребления, не только способствуют расширенному воспроизводству рабочей

силы, но и являются одним из условий, активно воздействующих на него, а следовательно, и на рост общественной производительности труда. Таким образом, сама структура затрат непроизводительного труда при социализме, с одной стороны, направлена на обеспечение народного благосостояния, а с другой — на рост общественного богатства. В этом и проявляется одно из преимуществ социалистической системы, где затраты труда во всех сферах народного хозяйства в основном носят рациональный, общественно полезный характер.

В условиях социалистического общества увеличение занятости в непроизводственной сфере и формирование ее структуры происходит не под влиянием анархичного действия стихийных экономических законов, как это имеет место при капитализме, а на основе сознательного использования экономических законов социализма. Рост непроизводительного труда в социалистическом народном хозяйстве осуществляется в плановом порядке с учетом реальных возможностей общества на каждом этапе его развития. Он способствует развитию общественного производства и поднятию народного благосостояния.

Глава III. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Критерии разграничения производственной и непроизводственной сфер

Развитие общественного разделения труда ведет к отпочковыванию отдельных видов человеческой деятельности. С точки зрения экономической роли в обществе вся человеческая деятельность делится на два рода: производственную и непроизводственную. Совокупность отраслей народного хозяйства, имеющих своим назначением производство материальных благ, т. е. отраслей, в которых преобладает производственная деятельность, составляет сферу материального производства, производственную сферу. Совокупность отраслей народного хозяйства, функцией которых является обращение и распределение произведенного продукта, а также создание условий для потребления его, и других видов человеческой деятельности, не связанных непосредственно с производством материальных благ, образуют непроизводственную сферу. В первой сфере применяется преимущественно такой труд, который создает материальные блага, а во второй — труд, в основном не создающий их.

На современном этапе развития производительных сил общественное разделение труда еще не дошло, да и не может дойти, до той ступени, когда бы в производственной сфере совсем отсутствовал труд, не создающий материальные блага, а в непроизводственной сфере не было бы труда, создающего материальные блага. В связи с этим обстоятельством, с научной точки зрения, да и с позиций практических интересов, следует рассматривать не границы материального производства, а границы производственной сферы. Рационально анализировать сферу непроизводственной деятельности, а не границы труда, не создающего материальный продукт.

Как уже было показано, в условиях современного производства есть виды деятельности, не предусматривающие создание материального продукта. В свою очередь, в непроизводственной сфере имеются такие виды деятельности, которые производят материальный продукт. Однако определяется лицо той или иной сферы ее специфической функцией, ее местом в процессе общественного воспроизводства.

Попытка определить весь объем материального производства или всю численность занятых производством материальных благ, несмотря на то что границы материального производства определены марксистской политической экономией теоретически довольно точно, не может увенчаться успехом. Для практических целей

достаточно определить границы производственной и непроизводственной сфер. Более того, это даст нам представление о всем количестве труда, поглощаемого каждой из этих сфер, и таким образом покажет затраты общества на производство материальных благ и на другие виды человеческой деятельности. Ведь суть проблемы исчисления общественных затрат в производственной и непроизводственной сфере не в том, чтобы дать точный подсчет того, сколько людей занято производством материальных благ и сколько другой деятельностью, а в том, чтобы подсчитать, сколько всего затрачено труда на последнюю. Поэтому, с нашей точки зрения, нельзя считать правомерным поиск критерия для практического определения границ материального производства [1].

Нельзя, как это делают некоторые экономисты, смешивать такие понятия, как границы материального производства и границы производственной сферы [2]. Материальное производство, как известно, осуществляется в сфере производства, но его продолжением может быть и сфера обращения. Однако отрасли, в которых происходит обращение товаров, не относятся к производственной сфере. Производство материальных благ имеет место и в ряде отраслей непроизводственной сферы. Так, при театрах существуют мастерские по изготовлению декораций, костюмов. Следовательно, границы производственной сферы у́же производства материальных благ. Кроме того, само материальное производство в чистом виде, т. е. без непроизводственной деятельности, как уже отмечалось, существовать не может.

Разграничение сферы деятельности на производственную и непроизводственную представляет не только теоретический, но и практический интерес. Определение границ производственной и непроизводственной сферы дает возможность установить, какая часть народного хозяйства производит материальные блага и какая не производит, а только потребляет. Это имеет большое значение для определения оптимальных народнохозяйственных пропорций, распределения материальных и трудовых ресурсов в обществе, выявления тенденций в развитии обеих сфер и направления этих тенденций в нужное с точки зрения развития общества русло. Без разграничения сфер приложения труда нельзя изучать процессы образования, распределения и перераспределения национального дохода. Установив разграничение на производственную и непроизводственную сферу, мы тем самым создадим фундамент для правильной классификации отраслей народного хозяйства. Эту проблему следует рассматривать с точки зрения продукта труда и с позиций круга затрат.

---

[1] Я. Б. Кваша считает, что такая задача правомерна и поэтому озаглавил свою статью «О границах материального производства» (См.: Ученые записки по статистике, том IV, М., 1961, стр. 141).

[2] См.: *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 11, 15 и др.

Советская экономическая наука, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, проделала большую работу в области классификации отраслей народного хозяйства, разграничения их на сферы производства материальных благ и непроизводственной деятельности. В практике статистики и планирования уже давно применяются классификации, определяющие границы производственной и непроизводственной сфер. Признавая положительную роль проведенной работы в этой области нашими учеными и практическими работниками плановых и статистических органов, следует отметить, что в этой проблеме есть еще ряд спорных, нерешенных вопросов, вокруг которых ведется оживленная дискуссия. Решение этих вопросов, по нашему мнению, должно помочь совершенствованию классификации отраслей народного хозяйства и труда. С этой целью необходимо проанализировать прежде всего методологические принципы, которые положены в основу общей схемы классификации, а также позиции ученых по дальнейшему совершенствованию ее.

Общая схема классификации отраслей народного хозяйства по сферам, принятая официальными статистическими органами, фактически выделяет один признак в качестве критерия для отнесения той или иной отрасли народного хозяйства к материальному производству или непроизводственной сфере. Сущность его состоит в способности труда воплощаться в материальном продукте, участвовать в создании совокупного общественного продукта и национального дохода. Поэтому к сфере материального производства по этой схеме относятся отрасли народного хозяйства, в которых результаты труда овеществляются в материальной продукции. Такими отраслями являются промышленность, строительство, сельское хозяйство, лесное хозяйство, грузовой транспорт, связь по обслуживанию предприятий производственной сферы, материально-техническое снабжение и сбыт, торговля и общественное питание, заготовки, а также прочие виды деятельности сферы материального производства.

В непроизводственную сферу по этой классификации включаются жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения, пассажирский транспорт, связь по обслуживанию организаций непроизводственной сферы деятельности и населения, здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение, просвещение и культура, искусство, наука и научное обслуживание, кредитование, государственное страхование, управление, партийные и общественные организации [1].

Такая классификация отраслей народного хозяйства имеет определенную направленность — учет производства национального дохода. С этих позиций она, безусловно, имеет логику. Однако, когда ставится вопрос о разграничении производственной и непро-

[1] См.: Классификация отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности. М., 1967, стр. 5.

изводственной сфер с точки зрения продукта труда, то следует исходить из функционального назначения каждой отрасли народного хозяйства [1]. Лишь в этом случае разделение хозяйства на две сферы деятельности может быть полноценной основой для анализа и планирования пропорций в народном хозяйстве. Кроме того, учитывая функциональную роль каждой отрасли, ее место в народном хозяйстве, мы сможем с большей точностью исчислить и показатель произведенного совокупного общественного продукта и национального дохода.

Методологические принципы, на основе которых можно было бы решать вопрос о принадлежности той или иной отрасли к одной из сфер человеческой деятельности, до сих пор не разработаны. Преобладающая часть экономистов, рассматривающих эту проблему, считает необходимым уточнить понятие категории материального производства. Это, по их мнению, даст возможность безошибочно отграничить производство от потребления [2]. Одно из таких определений дал Я. А. Кронрод. Однако оно подвергалось основательной критике в статье Я. Б. Кваши [3], с которой, по нашему мнению, можно согласиться. Точное определение производства могло бы служить основой для детального обозначения границ материального производства. Но, во-первых, как уже отмечалось, в интересах практики этого делать не нужно, а, во-вторых, существующие в литературе определения, как будет показано ниже, дают возможность под категорию производства подвести довольно много видов деятельности. Для того чтобы решить вопрос об определении производства, а стало быть и классификации отраслей и видов человеческой деятельности с марксистских позиций, многие авторы вводят дополнительные признаки. Так, Я. А. Кронрод свою трактовку производства дополняет тем, что в случае, когда при посредстве материи осуществляется процесс духовного творчества, то здесь воздействие на материю является лишь сопутствующим моментом [4].

Для М. В. Колганова основой разграничения деятельности служит воспроизводимость материального продукта. «Воспроизводство материального продукта,— пишет он,— может быть положено в основу деления всех отраслей на материальные и нематериальные. Первые из этих отраслей создают национальный доход, вторые — нет» [5]. Эти, как и другие, критерии отграничения сферы материального производства от непроизводственной сферы фактически основаны на признаке, который был выдвинут И. М. Москвиным. Согласно его точке зрения, «к сфере материального производства

---

[1] См.: *Т. В. Рябушкин.* Проблемы экономической статистики. М., 1958, стр. 14.

[2] См.: Всесоюзное совещание статистиков 4—8 июня 1958 г. Стенографический отчет. М., 1959, стр. 540.

[3] См.: Ученые записки по статистике, т. VI. М., 1961, стр. 148.

[4] См.: *Я. А. Кронрод.* Общественный продукт и его структура при социализме, стр. 10—11.

[5] *М. В. Колганов.* Национальный доход. М., 1959, стр. 90.

относятся отрасли, отличительной чертой которых является то, что труд, занятый в этих отраслях, овеществляется в потребительных стоимостях, в вещах, являющихся или предметом потребления или средствами производства» [1]. По нашему мнению, это определение по сравнению с другими ближе подходит к существу проблемы. Однако и оно не является вполне удовлетворительным. Если бы мы даже уточнили это определение, заменив слово «овеществляется» словом «материализуется», то и это не оградило бы его определение от упреков в неточности. Действительно, часть труда в торговле материализуется, а между тем с позиций марксистской политэкономии эту отрасль нельзя отнести к сфере материального производства.

С несколько иных позиций подходит к решению разграничения деятельности Т. В. Рябушкин. Он ищет границы не производства, а производственной сферы и это, по нашему мнению, абсолютно правильно. С его точки зрения, главным отличительным признаком производственной сферы является «процесс производства продукции» [2]. Но это определение ему приходится дополнять еще двумя моментами, которые рассматриваются как отличительные признаки продукции и услуг. Сущность этих признаков состоит в том, что, во-первых, в производстве услуг не создается «вещественной» продукции, а, во-вторых, производство услуги совпадает с ее потреблением.

При решении проблемы разграничения сфер признать достаточность этих различий никак нельзя. Нами уже было показано, что труд в области услуг может материализоваться, т. е. создавать продукцию в полном смысле этого слова. С другой стороны, в производственной сфере некоторые виды труда не создают вещной продукции, хотя и материализуются. Далее, совпадение во времени акта затраты труда и потребления его результатов, как уже отмечалось, не является монополией услуг. Следовательно, этот дополнительный признак нельзя признать достаточным для определения границ производственной сферы.

Следует обратить внимание и на то, что некоторые авторы пытаются для отграничения производственной сферы от непроизводственной использовать различия между производительным и непроизводительным трудом. При этом, в их понимании, производительный труд — это категория, характерная только для материального производства. Так, Я. А. Кронрод пишет: «Понятие производительного труда или труда, непосредственно направленного на создание продукта, является при социализме предпосылкой рассмотрения всего процесса расширенного воспроизводства общественного продукта, лежит в основе анализа социалистического распределения и перераспределения национального дохода... Общественный продукт есть результат материального производства, ре-

[1] *П. М. Москвин.* Вопросы статистики национального дохода СССР, М., 1955, стр. 19.

[2] *Т. В. Рябушкин.* Проблемы экономической статистики, стр. 8.

зультат производительного труда» [1]. А. Д. Кузнецов считает, что распределение отраслей труда на производственные и непроизводственные — это лишь первая ступень научного познания границ материального производства. «Второй такой ступенью,— говорит он,— является теория производительного труда в системе того или иного способа производства» [2].

Указанные критерии также не могут служить основой для разграничения производственной и непроизводственной сфер. Ведь ряд видов труда в материальном производстве с точки зрения социалистического способа производства не является производительным, а между тем результатом этих видов труда выступает материальная продукция, входящая в совокупный общественный продукт и национальный доход. Это труд в единоличных хозяйствах на селе, труд кустарей, труд в частных и концессионных предприятиях, которые имеют место в некоторых странах социалистического лагеря.

Следовательно, если говорить о производительном характере труда как критерии разграничения деятельности на производственную и непроизводственную, то необходимо уточнить, что понимается под категорией производительного труда. Далее, рассматривая категорию производительного труда как труда, дающего возможность вести расширенное воспроизводство, в качестве основы деления сфер, мы не сможем учесть те виды производства, которые дают возможность осуществить лишь простое воспроизводство. Критерий определения производительного характера труда с точки зрения простого процесса труда, фактически возвратит нас снова к необходимости выяснять, что представляет собой производство материальных благ. А это, как уже было показано, не дает возможности разграничить производственную и непроизводственную сферы.

Для разграничения сфер деятельности производство не может служить в качестве критерия потому, что существующие определения этой категории совпадают с определением процесса труда. Последний же имеет место не только в сфере производства, но и во всех других сферах общественного воспроизводства, а также вне их, т. е. там, где осуществляется деятельность человека. Без затрат труда невозможна никакая деятельность в обществе.

Наконец, рассмотрим еще одну точку зрения, с помощью которой отдельные экономисты пытаются найти критерий разграничения производственной и непроизводственной сферы. Впервые в экономической литературе она была высказана Я. Б. Квашей [3], а затем Л. Н. Гольцман [4]. Суть этой точки зрения сводится к тому, что

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Социалистическое воспроизводство, стр. 146.

[2] *А. Д. Кузнецов.* Развитие производственной и непроизводственной сфер в СССР, стр. 41.

[3] См.: Ученые записки по статистике, т. VI, М., 1961, стр. 153—154.

[4] *Л. Н. Гольцман.* Экономика коммунального хозяйства, услуги, тарифы, М., 1966, стр. 22.

виды деятельности, отпочковавшиеся от домашнего хозяйства и ведущиеся индустриальным методом, следует причислять к непроизводственной сфере. На основе этого признака Я. Б. Кваша и Л. Н. Гольцман относят к производству все коммунальное хозяйство. Эти авторы упускают из виду то, что одни и те же виды продуктов могут выступать как в качестве средств производства, так и использоваться в целях личного потребления. Причем это относится не только к пищевым продуктам, где двоякое использование продуктов вполне очевидно. Автомашина с мощностью мотора в 100 и более лошадиных сил также может быть употреблена и в качестве средства производства и в целях личного потребления. Следовательно, характер вооруженности труда, его индустриализация не могут служить основанием для отнесения деятельности к производственной или непроизводственной.

В непроизводственной сфере существует целый ряд видов деятельности, который по своему профессиональному составу и характеру использования средств и орудий труда ничем не отличается от работников материального производства. Так, в коммунальном хозяйстве довольно широко используется труд таких профессий, как слесарь, электрик, водитель транспортных машин. Эти же профессии можно встретить и на любом заводе. Но конкретные виды деятельности, а также их результаты нельзя положить в основу отделения производственной сферы от непроизводственной [1]. Для правильного решения этого вопроса следует рассматривать отрасль хозяйства в целом, а не конкретные виды деятельности занятых в ней людей, и результаты их деятельности. Поэтому нельзя согласиться и с Г. Я. Киперманом, который утверждает, будто «разграничение отдельных видов производственной и непроизводственной деятельности определяется содержанием выполняемых ими процессов» [2]. Совершенно правильно по этому поводу замечает Т. В. Рябушкин, что ни однородность технологических процессов, ни общность натуральных признаков продукции не являются достаточным свидетельством принадлежности к производственной или непроизводственной сфере [3]. При решении этого вопроса надо рассматривать отрасль в целом, а не отдельные трудовые процессы. Перевозка лифтом пассажиров не представляет собой работу транспортной отрасли хозяйства, а является составной частью услуг, оказываемых жилищно-коммунальным хозяйством как отраслью непроизводственной сферы.

---

[1] Л. Н. Гольцман считает, что поскольку «большинство персонала, обслуживающего сложную технику коммунальных предприятий, составляют работники чисто производственных профессий, наиболее типичных для промышленности», то это само по себе уже является свидетельством материально-производственной деятельности в этой отрасли. (*Л. Н. Гольцман.* Экономика коммунального хозяйства, услуги, тарифы, М., 1966, стр. 22).

[2] *Г. Я. Киперман.* Классификация отраслей народного хозяйства СССР, М., 1964, стр. 10.

[3] См.: *Т. В. Рябушкин.* Проблемы экономической статистики, стр. 34—35.

В. И. Ленин, давая определение сущности материального производства, подчеркивал, что «при всяком общественном строе производство состоит в «воздействии» рабочего на материю и ее силы» [1]. Именно благодаря этому воздействию человек приобретает материальные блага для удовлетворения своих потребностей. Поскольку труд затрачивается не только в процессе производства, но и в других фазах общественного воспроизводства, то это и порождает внешнюю видимость, будто производство имеет место и в этих фазах. Действительно задача труда, например, кочегара на ТЭЦ состоит в том, чтобы путем сжигания угля доставлять электроэнергию и тепло в жилые и административные здания. Когда отдельное лицо отапливает свое жилище, то оно выполняет те же задачи, что и кочегар в упоминаемой ТЭЦ. Однако в первом случае мы имеем дело с процессом общественного материального производства, а во втором — с потреблением ранее произведенных обществом материальных благ.

Для разграничения отраслей народного хозяйства процесс общественного производства необходимо рассматривать не только с технической стороны, т. е. со стороны технологии его осуществления, а также со стороны общественных отношений.

Для того чтобы отнести деятельность к сфере общественного производства, такие признаки, как материализация труда, производство вещественного продукта, хотя и являются необходимыми, но недостаточными. Об общественном производстве может идти речь в том случае, когда имеют место экономические отношения по поводу производства. Именно это обстоятельство и является наиболее верным признаком, помогающим определить наличие процесса производства в совокупности фаз и сфер общественного воспроизводства, т. е. там, где действительно существуют трудности в отграничении непроизводственной деятельности. Доказать, что труд в отраслях, не входящих в фазы общественного воспроизводства, не является процессом производства материальных благ, не сложно.

Трудности возникают при определении труда в такой фазе, как потребление. В сфере потребления создается наибольшая иллюзия, будто процесс труда является составной частью процесса производства. Вообще дискуссия о разграничении производственной и непроизводственной сфер ведется в основном в разрезе отдельных отраслей народного хозяйства, обслуживающих потребление. Это объясняется тем, что в наше время в этих отраслях используются такие материальные и трудовые ресурсы, которые мало чем, а иногда и ничем не отличаются от материальных и личных факторов производства, что и создает видимость процесса производства в сфере потребления.

Для осуществления процесса производства материальных благ, как известно, необходимо наличие следующих элементов: труда человека, предмета труда и средств труда. Соединение этих эле-

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 209.

ментов в процессе производства имеет в виду создание продукта, готового к личному или производственному потреблению. Отношения по поводу производства заканчиваются там, где заканчивается изготовление продукта, предназначенного для личного потребления. Но постольку, поскольку редко какой продукт нельзя использовать для производства, то одни только отношения по поводу производства и могут быть свидетельством наличия или отсутствия процесса общественного производства материальных благ.

Продажа населению продовольственных товаров в магазинах указывает на тот факт, что процесс общественного производства их закончен. Но для того чтобы эти товары потребить, домохозяйке нужно еще затратить определенное количество труда. Однако это вовсе не означает, что она осуществляет процесс производства и не только общественного, но и индивидуального. Отношения по поводу производства предполагают не только определенную форму собственности на предметы потребления, но и на средства производства. Эти отношения предполагают также определенный способ соединения рабочей силы со средствами производства, а также определенное использование произведенного продукта как в целях личного, так и производственного потребления.

Если рассмотреть приведенный нами пример с точки зрения отношений по поводу производства, то легко убедиться, что здесь эти отношения отсутствуют. Во-первых, все те предметы, при помощи которых хозяйка приготовляет для семьи пищу, никак нельзя назвать средствами производства. Осуществляемый ею процесс труда порождает иллюзорное впечатление, будто в нем принимают участие средства производства, т. е. совокупность предметов и средств труда. Фактически же они представляют лишь предметы личного потребления. Одни из них потребляются сразу, а другие постепенно. Продолжительность использования того или иного предмета не может являться свидетельством его принадлежности к средствам производства. «Продолжительность потребления,— указывает К. Маркс,— зависит от его собственной природы и от природы предмета» [1]. Во-вторых, трудовой процесс домашней хозяйки имеет своей целью не производство, а потребление. Только соединение средств производства с рабочей силой дает возможность труду материализоваться и использовать его результаты на личное потребление и накопление. Отсутствие в сфере потребления категории средств производства обусловливает личное потребление самого труда в качестве деятельности, а также материальных благ, что и свидетельствует о том, что в этом процессе отношений по производству нет. Труд в сфере потребления не увеличивает материальное богатство общества, т. к. он потребляется в качестве непосредственной деятельности. И не случайно наша статистика в национальном доходе учитывает лишь ту деятельность в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 294.

домашнем хозяйстве, которая связана с увеличением дохода семьи (заготовка населением дров, грибов, ягод, охота, рыболовство).

Трудности при определении границ сферы производства и сферы потребления зачастую вызываются тем, что в этих фазах, наряду с однородными по содержанию процессами труда, используются и одинаковые материальные блага. Так, процесс приготовления пищи на предприятиях общественного питания и в домашних условиях предполагает одинаковый технологический процесс, а также использование идентичных продуктов. Почему же в первом случае осуществляется процесс производства, а во втором этого процесса нет? Эти затруднения легко преодолеть, если сферу производства определять по признаку наличия в них отношений по производству.

В нашем примере на предприятиях общественного питания эти отношения, безусловно, имеют место, и не только потому, что здесь производится материальный продукт, но и потому, что рабочая сила соединяется со средствами производства особым образом, а результаты труда используются как для личного потребления, так и для накопления. При приготовлении пищи в домашних условиях эти обстоятельства отсутствуют, что и является свидетельством принадлежности процесса труда к сфере потребления. Между хозяйкой, занятой приготовлением пищи и членами ее семьи, возникают семейные, а не производственные отношения. Чем меньше развиты производительные силы общества, тем дороже ему обходится потребление, т. к. в этой сфере затрачивается много труда. Обобществление труда, функционирующего в сфере потребления, сокращает его затраты в обществе. Уменьшение затрат труда в сфере потребления свидетельствует о прогрессивном развитии общества. Оно дает возможность сократить затраты малоэффективного труда в личном потреблении и рациональнее использовать трудовые ресурсы.

Сторонники теории, согласно которой в услугах производятся потребительные стоимости, не имеющие материальной формы, доказывают наличие процесса производства в услугах, ссылаясь на то, что кругооборот средств здесь подобен тому, который имеет место в транспортной промышленности: $Д—Т\begin{matrix}/СП\\\backslash РС\end{matrix}\ldots П'—Д$. Этот довод был впервые выдвинут Д. Розенбергом в 1929 году [1], а в наше время его использовал в своих работах В. К. Ковыженко, Э. М. Агабабьян и В. М. Медведев. Поскольку этот довод используется для доказательства идентичности процесса производства в услугах и в сфере создания материальных благ, то его следует рассмотреть подробно.

Неправомерное, с нашей точки зрения, сравнение кругооборота средств в услугах и в транспортной промышленности основано на внешнем подобии, которое, как полагают сторонники этого взгляда, проявляется в отсутствии самостоятельной материализации в

[1] «Проблемы экономики», 1929, № 12, стр. 90.

рассматриваемых сферах человеческой деятельности. При более внимательном изучении этого факта мы придем к выводу, что, во-первых, далеко не все услуги не имеют осязаемой материальной формы. Следовательно, для услуг, принимающих материальное содержание, должна быть иная, чем в транспорте, формула кругооборота средств. Во-вторых, тогда возникает новый вопрос — почему же в услугах существует не одна, а две формулы кругооборота средств. Уже сами по себе эти обстоятельства вызывают законное сомнение в правомерности сопоставления кругооборота средств в транспортной промышленности и в услугах.

Дело вовсе не в том, что в части услуг не возникает новая потребительная стоимость. Действительно, новая материально осязаемая потребительная стоимость не возникает в транспортной промышленности и в деятельности, сохраняющей произведенные материальные блага, т. е. когда ведется производство. Однако во всех этих случаях имеются в наличии средства труда, предметы труда и сам труд, в результате чего последний хотя и не создает новые материальные блага, но входит в состав стоимости ранее созданных продуктов. К. Маркс отмечал, что «издержки, вызываемые сохранением запаса, следовательно, издержки по образованию запаса, т. е. употребляемый с этой целью овеществленный или живой труд, являются просто транспонированными издержками по сохранению общественного производственного фонда или общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара, вызываемого ими, только распределяет эти издержки pro rata * между различными товарами, так как они различны для различных видов товаров» [1].

Желание доказать, что оказание услуг есть производство, видимо, обусловлено тем, что труд в этой области является полезным и признается необходимым. Однако оказание услуг и процесс материального производства даже при поверхностном сравнении оказываются весьма различными и поэтому приходится находить своеобразие, особенности «процесса производства» в услугах. Сторонники указанной теории своеобразие в этом процессе видят в том, что здесь нет предмета труда [2]. Этот довод, по нашему мнению, основан на заблуждении. Во-первых, там, где нет предмета труда, там нет места процессу производства. Во-вторых, услуги, где результаты труда воплощаются в материальных благах, дают основание говорить о наличии предмета труда, но, как уже было показано, этого еще недостаточно, чтобы процесс труда превратился в процесс общественного производства материальных благ.

Отражая реальный процесс общественной жизни, К. Маркс показал, что применение труда не преследует цели создания матери-

---

* Пропорционально.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 167.

[2] См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 8, стр. 101.

альных благ не только в фазе потребления, но и распределения и собственно обращения. Вместе с тем процесс производства осуществляется в сфере обращения. Следовательно, в самом процессе воспроизводства, по крайнем мере в одной из его фаз, процесс производства материальных благ соединяется с непосредственной деятельностью. Это обстоятельство усложняет определение места отрасли в составе двух сфер человеческой деятельности. Применение критерия отношений по поводу производства не может дать положительного ответа при решении этого вопроса, поскольку в таких отраслях как торговля, материально-техническое снабжение, действительно имеются такие отношения, но функциональное назначение этих отраслей отличается от производства. Поэтому, с нашей точки зрения, при разграничении сфер человеческой деятельности следует учитывать не только вышерассмотренный критерий, но и функциональную роль отрасли в системе общественного разделения труда.

Таким образом, при разграничении производственной и непроизводственной сфер необходимо исходить, во-первых, из наличия экономических отношений по поводу производства, а во-вторых, из функциональной роли отрасли хозяйства в системе фаз общественного воспроизводства. На основании этих критериев в § 3 настоящей главы мы попытаемся решить наиболее сложные дискуссионные вопросы по определению места ряда отраслей народного хозяйства в общей системе классификации сфер на производственную и непроизводственную.

Более четкое определение границ отдельных отраслей материального производства в целях определения совокупных трудовых затрат на производство продукции возможно только в связи с определением политэкономической категории совокупного рабочего. В формах производства, которые не свойственны данному способу производства и к тому же носят неразвитый характер, отделить производственную деятельность от непроизводственной относительно нетрудно. В тех же формах материального производства, в которых труд организован на принципах, присущих данному способу производства и является с точки зрения последнего производительным, весь вопрос об отраслевой группировке и учете круга затрат труда, создающего материальные блага и национальный доход, состоит в определении состава совокупного рабочего.

2. Совокупный рабочий

Процесс всей трудовой деятельности осуществляется на основе разделения труда. Совокупность всех отдельных специализированных видов труда, объединяющихся посредством обмена деятельностью, марксистская наука называет общественным разделением труда. Общественное разделение труда в процессе своего развития приобретает различные формы. Одной из них является единичное разделение труда, которое свойственно каждому предприятию.

Предприятие представляет собой хозяйственную единицу, деятельность которой направлена на производство потребительных стоимостей. Для наиболее эффективного ведения производства на предприятиях создаются отдельные участки, специализирующиеся на определенных производственных процессах. В процессе производства осуществляется и профессиональное разделение труда как результат специализации отдельных работников по родам человеческой деятельности. Единичное разделение труда появляется лишь на определенном этапе развития производительных сил, когда сам труд приобретает кооперативных характер. Появившись лишь в условиях господства капиталистических производственных отношений единичное разделение труда продолжает развиваться, меняя свою форму и сущность.

Современное материальное производство является результатом кооперации трудовой деятельности людей многих специальностей и профессий как физического, так и умственного труда. И если результаты их труда входят составным элементом в стоимость произведенного продукта, то их труд следует считать затраченным на производство материальных благ. «Пока процесс труда является чисто индивидуальным,— писал К. Маркс,— один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются... Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда» [1]. И в реальной действительности в процессе материального производства одна категория работников оказывает своим трудом непосредственное воздействие на предмет труда, другая выполняет подсобные операции, третья осуществляет функции по организации технологического обеспечения производства и т. п. Но в данном случае важно то, что труд всей совокупности работников направлен на создание материальных благ.

Деление труда на умственный и физический не может служить критерием определения производительного или непроизводительного характера труда, а также труда, занятого в производственной или непроизводственной сфере. И умственный и физический труд может принимать, либо не принимать участия в создании материальных благ, выступать основой материализации основного производственного отношения данного способа производства и не являться таковым. Так, труд инженеров, техников на промышленном предприятии, агрономов, зоотехников в сельскохозяйственных предприятиях сам по себе является умственным трудом, но он направлен на производство материальных благ и его результаты в них материализуются, т. е. входят в состав созданной стоимости. «Как в самой природе, — писал К. Маркс, — голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соеди-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 516—517.

няются умственный и физический труд» [1]. Мы видим, что процесс производства потребительных стоимостей слагается из затрат как физического, так и умственного труда.

Следовательно, экономическую роль работников нельзя определять в зависимости от степени их непосредственного воздействия на предметы труда в процессе производства потребительных стоимостей, являющихся материальным продуктом. И дело вовсе не в том, как полагают некоторые экономисты, что деятельность различных производственных участков необходима для производства, т. к. оно без них немыслимо [2]. Современное производство немыслимо и без деятельности работников, труд которых непосредственно не связан с производством материальных благ. Но этого еще недостаточно, чтобы последних отнести к составу работников, выполняющих производственные функции.

Труд, направленный на производство материальных благ в обществе с развитым разделением труда, выступает функцией совокупного рабочего. Совокупный рабочий при социализме представляет собой широко разветвленную кооперацию многих людей, деятельность которых направлена на производство национального дохода. В результате развития производительных сил происходит углубление общественного разделения труда в материальном производстве, а это обусловливает расширение рамок совокупного рабочего.

Понятие сферы труда не совпадает с понятием сферы производства материальных благ. В последней на основе разделения и кооперации труда ряд функций выделилось в самостоятельные области человеческой деятельности. Однако «выделение какой-либо функции в самостоятельную,— подчеркивал К. Маркс,— еще не делает ее функцией, производящей продукт и стоимость, если она не была таковой сама по себе, т. е. еще до выделения ее в самостоятельную функцию» [3]. Если в простом товарном производстве непосредственный производитель материальных благ сам осуществлял все функции снабжения, производства, учета и реализации, то в последующем эти функции выделяются в самостоятельные сферы деятельности. Однако только совокупность этой разнородной деятельности позволяет осуществлять производственный процесс, но это вовсе не означает, что все его участники изготовляют материальные блага.

Когда непосредственный производитель сам закупал сырье, реализовывал свою продукцию, то он выполнял операции, без которых процесс производства невозможен. Однако время, потраченное на эти непроизводственные функции, выпадало из процесса производства. К. Маркс отмечал, что у древних народностей процесс реализации материальных благ приурочивался к праздничным дням.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 516.
[2] См.: Проблемы политической экономии социализма. М., 1963, стр. 94.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 153.

В этом проявлялось смутное сознание непроизводительного характера затрат на реализацию, а поэтому они и осуществлялись в тот период, когда время не использовалось для производства. Таким образом, мы видим, что труд отдельных категорий работников может быть необходимым для производства, несмотря на то, что он не принимает участия в создании материальных благ. Концентрация работ создает условия для обособления и выделения непроизводственных функций. Смысл этого процесса заключается в том, что он сберегает труд производительных работников, освобождая их от непроизводительных, но общественно необходимых функций. Экономический эффект при этом выражается в уменьшении затрат непроизводительного труда при производстве материальных благ.

Процесс разделения труда в сфере материального производства приводит к расчленению производственного процесса на отдельные операции. При этом разделяются не только операции по воздействию на предмет труда, но и функции умственного труда. Кроме того, сама концентрация работ ведет к выделению функций по технологическому управлению производством на его отдельных участках и в масштабах всего предприятия. В условиях развитого разделения труда для того, чтобы труд выступал в качестве составной части процесса материального производства, нет необходимости непосредственно воздействовать на предмет труда. В современном обществе в производстве материальных благ выступает труд совокупного рабочего, труд социальнокомбинированной рабочей силы. Поэтому К. Маркс и говорит, что «первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности» [1].

При рассмотрении категории совокупного рабочего следует отметить, что круг трудящихся, относимых к категории совокупного рабочего, нельзя замкнуть пределами предприятия, как это предлагают некоторые экономисты. Так, Г. Я. Киперман считает, что совокупным рабочим является предприятие, поскольку ему свойственны все функции отдельного индивидуального рабочего, «но каждую из них выполняют специальные люди, работники предприятия» [2]. Однобокость такой постановки вопроса, с нашей точки зрения, объясняется тем, что, во-первых, не все работники предприятия материального производства, как уже было показано выше, участвуют в создании материальных благ, а во-вторых, в последнем могут принимать участие не только работники этого предприятия. Достаточно привести пример, когда конструкторское бюро, не входящее в состав того или иного предприятия, выдает

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 517.

[2] *Г. Я. Киперман*. Классификация отраслей народного хозяйства СССР, стр. 11.

ему чертежи на производство продукции. Далее, если ученые разработали какой-либо технологический процесс и внедряют его на предприятии, то они тоже принимают такое же непосредственное участие в производстве материальных благ, как и работники этого предприятия, а следовательно, входят в состав совокупного рабочего.

Приведенные факты являются повсеместными в реальной действительности. Они свидетельствуют о том, что функции совокупного рабочего нельзя определять степенью территориальной близости или отдаленности участников материального производства. Ученые вузов и академических учреждений наряду с исследованием вопросов фундаментальной науки, разрабатывают множество тем, имеющих прикладной характер и внедряют результаты своих исследований в производство. Разработка же и внедрение этих результатов имеет самое непосредственное отношение к производству материальных благ. Следовательно, и часть труда ученых должна входить в состав совокупного рабочего. Однако не все категории научных работников имеют непосредственную связь с производством. Кроме того, эта связь может носить эпизодический характер, что нисколько не умаляет роли науки в развитии производства. Поэтому труд ученых может входить в состав труда совокупного рабочего постольку, поскольку он непосредственно принимает участие в создании национального дохода.

Социализм как самое рациональное человеческое общество в современном мире заинтересован в наиболее эффективном расходовании труда. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в учете последнего. Эффективность затрат труда проявляется в его производительности, которая выражается количеством произведенной продукции в единицу времени. Эффективность затрат труда всего общества выразится в отношении суммы национального дохода к количеству времени, затраченного на его производство. На отдельном предприятии она будет представлена отношением суммы вновь созданной стоимости к количеству работников или затраченного времени на ее производство.

Поскольку современное состояние учета позволяет учесть лишь затраты труда определенного круга, то показатель производительности труда неполностью отражает действительное положение дел. Так, при исчислении этого показателя не учитываются затраты труда отдельных специализированных конструкторских бюро и институтов, разрабатывающих вопросы совершенствования производства. Конечно, учесть эти затраты на каждом конкретном предприятии очень трудно, поскольку такие организации выполняют работу для многих предприятий. Однако при исчислении среднеотраслевой производительности труда их учитывать можно и нужно.

Сложнее обстоит дело с учетом затрат труда ученых, которые участвуют в процессе материального производства эпизодически. Сейчас еще нет методики такого учета и трудно предвидеть, что она будет создана в ближайшем будущем. Это объясняется слож-

ным переплетением чисто прикладных и фундаментальных разработок в области научных открытий. Тем не менее для практических целей все затраты труда на производство материальных благ можно исчислять, допуская известные условности. Учет производительности труда, который ведется статистикой, в настоящее время нельзя признать точным, так как при этом не учитывается труд значительной категории работников, которые хотя и не входят в состав отдельных предприятий, но принимают участие в производстве материальных благ (НИИ, СКБ и т. д.).

Таким образом, совокупный рабочий — это категория, в которую включается тот труд, который затрачен в производстве и на производство материальных благ и национального дохода.

Весь труд, затраченный на производство национального дохода, выделить не всегда представляется возможным. Для решения практических задач можно ограничиться рамками предприятия, выделив в нем часть персонала, непосредственно участвующего в производстве материальных благ. По существующей классификации в промышленно-производственный персонал включаются: рабочие, инженерно-технические работники, служащие, ученики, младший обслуживающий персонал. Хотя труд всех этих категорий связан с производственной деятельностью предприятия, однако по отношению к созданию продукции труд отдельных категорий имеет неодинаковое отношение. Служащие, младший обслуживающий персонал и охрана выполняют функции обслуживания производства и хотя без них процесс производства невозможен, затраченный ими труд непосредственно не влияет на количество произведенной продукции.

Труд учеников направлен непосредственно на создание материальных благ, но и их нельзя отнести к категории совокупного рабочего. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что время, затрачиваемое учениками на производство материальных благ, вряд ли компенсирует те затраты, которые приходится терять мастеру на их обучение. Кроме того, удельный вес учеников в современном производстве невелик.

Все это дает нам основание ограничивать совокупного рабочего предприятий такими категориями, как рабочие (основные и вспомогательные) и инженерно-технические работники. Между совокупным рабочим предприятия и персоналом, обслуживающим процесс производства, должна быть оптимальная пропорциональность, позволяющая наиболее эффективно осуществлять процесс производства материальных благ.

Однако это условие не дает основания считать труд по обслуживанию производства равнозначным труду в материальном производстве. Сам процесс разделения труда, способствующий выделению непроизводственных функций и повышению эффективности производительного труда, указывает на необходимость разграничивать эти виды человеческой деятельности. Только таким путем можно получить правильное представление об эффективности тру-

да, затраченного непосредственно в материальном производстве, и о соотношении между ним и трудом по обслуживанию этого производства непосредственно на предприятии.

Рассматривая труд в процессе создания материальных благ как труд совокупного рабочего, необходимо отметить, что эта категория политической экономии в нашей экономической литературе не подвергалась всестороннему анализу, а потому разработана еще недостаточно. Некоторые экономисты трактуют совокупного рабочего слишком широко. Так, В. Д. Патрушев пишет: «К совокупному рабочему общества следует относить и часть работников управления производством не только на предприятии, но и вне его — аппарат министерств, госпланов и т. д., по крайней мере, часть этого аппарата управления, ибо результат деятельности совокупного рабочего в немалой степени зависит и от деятельности работников административно-управленческого персонала, хотя труд значительной части их не является производительным» [1].

В этом рассуждении, как нам кажется, нельзя согласиться по меньшей мере с двумя моментами. Во-первых, результаты деятельности совокупного рабочего хотя и зависят от труда непроизводительных работников, но эта зависимость не является основанием для отождествления этих категорий. К. Маркс называл труд, косвенно способствующий производству материальных благ, непроизводительным трудом [2]. Во-вторых, расширяя подобным образом понятие совокупного рабочего, можно пойти и дальше. Ведь и партийный аппарат, и органы советской власти контролируют производство, способствуют улучшению деятельности совокупного рабочего, значит, следуя за В. Д. Патрушевым, их тоже можно отнести к совокупному рабочему. Но при таком подходе понятие совокупного рабочего расширится до таких пределов, что будет включать в производительный труд все виды деятельности.

Как уже отмечалось, рамки труда, относимого к совокупному рабочему, нельзя ограничивать предприятием. Это можно делать лишь для удобства учета и анализа эффективности затрат труда на предприятии. Однако при более обстоятельном рассмотрении категории совокупного рабочего в его состав следует включать труд не по признаку того, способствует ли он производству или нет, а исходя из того, принимает ли он непосредственное участие в создании материальных благ. Труд же по общему управлению производством, возникает не в результате разделения труда, производящего материальные блага, а как следствие концентрации общественного производства.

Процесс обобществления производства порождает в своем развитии необходимость не только учета производства, но и управления им. Последнее становится весьма важной народнохозяйственной функцией, поскольку без управления и планирования невоз-

[1] *В. Д. Патрушев.* Время как экономическая категория, М., 1966, стр. 51.
[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 289.

можно ведение ни одного крупного хозяйства и тем более социалистического. Однако в связи с тем, что эти функции возникают лишь в результате обобществления производства, общественных процессов, труд, затраченный на их выполнение, по нашему мнению, нельзя относить к труду совокупного рабочего.

Некоторые экономисты, рассматривая категорию совокупного рабочего, вводят новые понятия «совокупный рабочий предприятия», «совокупный рабочий общества» [1]. С нашей точки зрения, такие нововведения лишены смысла. Под совокупным работником предприятия подразумевается промышленно-производственный персонал, но стоит ли переименовывать уже сложившееся понятие? По нашему мнению, это мало что дает для познания явлений. Введение понятия «совокупный рабочий общества» также имеет мало смысла, так как для анализа производительного труда в обществе эта категория слишком расплывчата. Кроме того, производство продукции осуществляется непосредственно на предприятии, следовательно, производительные затраты вне предприятия все равно будут воплощаться в продукции предприятий. Для более точного учета затрат труда на материальное производство при исчислении среднеотраслевой производительности труда следовало бы учитывать труд в научно-исследовательских и конструкторских организациях, обслуживающих отрасль в целом. Конечно, при этом мы учтем не все затраты, в частности труд ученых вузов и академических институтов, разрабатывающих насущные проблемы производства. Но здесь следует иметь в виду, что труд ученых, занятых разработкой фундаментальной науки, получает свою оценку в показателях, отличающихся от измерения производительности труда. Поэтому результаты их деятельности нельзя оценивать лишь по по труду, затраченному на решение прикладных производственных вопросов.

Что же касается категории «совокупный рабочий общества», в которую включается труд, затраченный обществом во всех сферах народного хозяйства, то категория совокупной рабочей силы, введенная в научный оборот академиком А. М. Румянцевым, по нашему мнению, гораздо точнее. «Каждый трудоспособный член общества,— пишет он,— непосредственно участвует в общем труде как в едином общественном процессе товарищеского сотрудничества и взаимной помощи ассоциированных производителей. В этом процессе рабочая сила всех членов общества составляет его единую *совокупную рабочую силу*» [2].

Рассмотрение категории совокупного рабочего приводит нас к признанию того факта, что к сфере материального производства следует относить все те отрасли труда, в которых по своей эконо-

---

[1] См.: Ученые записки кафедры общественных наук вузов Ленинграда, вып. II. Л., 1969, стр. 48—66.

[2] *А. М. Румянцев.* О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., 1966, стр. 100.

мической функции преследуется цель создания материальных благ.

Выяснив критерии разграничения производственной и непроизводственной сферы с точки зрения продукта труда и круга затрат, перейдем к рассмотрению спорных вопросов классификации отраслей народного хозяйства.

3. Некоторые вопросы классификации отраслей народного хозяйства

В последнее время классификация отраслей народного хозяйства, принятая нашей статистикой, постоянно подвергается критике. Эта критика ведется в двух направлениях. Первое направление, в принципе соглашаясь с этой классификацией, пытается лишь уточнить ее путем отнесения тех или иных отраслей к сфере материального производства. Сторонники второго направления конструируют свои классификации народного хозяйства, коренным образом отличающиеся от существующей официальной классификации ЦСУ.

Прежде всего отметим, что классификация нашей официальной статистики имеет несомненные преимущества перед теми, которые в противовес ей приводятся в экономической литературе. Достоинством ее является четкое направление на разграничение сфер материального производства и непроизводственной деятельности, которое опирается на марксистское положение о производстве и потреблении. Далее, в этой классификации отсутствует смешение процесса производства и потребления материальных благ. И, наконец, с точки зрения пригодности ее для подсчета произведенного национального дохода она более последовательна, чем предлагаемые классификации.

Рассмотрим принципиально новую классификацию отраслей народного хозяйства, данную В. С. Семеновым в работе «Сфера обслуживания и ее работники». По его мнению, отрасли народного хозяйства следует классифицировать, исходя из фаз общественного воспроизводства: производства, распределения, обмена и потребления. Однако сам автор не замечает, что ошибочный критерий, взятый в основу классификации, приводит его к курьезам. Так, согласно приведенной им схеме, помимо сферы материального производства следует выделить сферу духовного производства, сферу обслуживания и сферу управления [1].

При такой классификации человеческая деятельность в области финансово-кредитных учреждений, материально-технического снабжения, заготовок не находит места в народнохозяйственном комплексе. И напрасно автор пытается доказать, что они являются лишь средством и рычагами управления и поэтому входят в него. По мнению В. С. Семенова, сфера управления «не поставляет ценностей и благ потребителям» [2], а между тем в заготовках и мате-

[1] См.: *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники, стр. 22.
[2] *Там же,* стр. 23.

риально-техническом снабжении, согласно марксистской политической экономии, создается и общественный продукт и национальный доход. Так, доля торговли, заготовок и материально-технического снабжения в валовом общественном продукте СССР в 1968 г. составляла 6,0%, а в национальном доходе — 11,1% [1].

Порочность схемы классификации отраслей народного хозяйства, приведенной В. С. Семеновым, с нашей точки зрения, состоит в том, что она отрицает необходимость разграничения производства и потребления общественного продукта, а поэтому и объединяет такие разнородные виды человеческой деятельности, как управление и материально-техническое снабжение. Кроме того, эта классификация неприменима для решения практических вопросов. Ведь оценка деятельности таких разнородных отраслей, как управление, материально-техническое снабжение, заготовки, финансово-кредитная деятельность, которые В. С. Семенов относит к одному роду, не может иметь общего показателя.

Поэтому надежды на то, что в предложенной им схеме «одновременно находят выражение идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о делении общественного хозяйства по вещественному характеру труда, и по трем сферам воспроизводства, и на производительный и непроизводительный труд» [2], являются лишь стремлением совместить несовместимое.

Разделение многочисленных видов человеческой деятельности на две большие группы: сферу материального производства и непроизводственную сферу, объективно необходимо. Только отграничение материального производства от непроизводственной деятельности дает возможность с научных позиций выяснить реальные взаимосвязи в обществе и дать их анализ. Действующая классификация дает, во всяком случае, представление о том, в каких отраслях создается общественный продукт и национальный доход, а схема В. С. Семенова этого не дает и не может дать. Она игнорирует не только функциональную роль различных отраслей народного хозяйства в сложившейся системе разделения труда, но и степень их участия в создании общественного богатства.

Те, кто в принципе разделяет официально принятую классификацию, но считают необходимым уточнить ее, довольно длительное время спорят между собой о том, следует ли относить торговлю, связь и пассажирский транспорт к сфере материального производства. В зависимости от того или иного решения этого вопроса они предлагают свои схемы классификации отраслей народного хозяйства.

Статистические органы в основу разграничения производственной и непроизводственной сфер кладут признак создания материальной продукции, участие отрасли в производстве совокупного общественного продукта и национального дохода. И с этой точки зрения отнесение к сфере материального производства торговли,

---

[1] Народное хозяйство СССР в 1968 г. М., 1969, стр. 48, 570.
[2] *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники, стр. 23.

заготовок, материально-технического снабжения является последовательным. Ведь вследствие неразвитости разделения труда в этих отраслях осуществляются производственные процессы, а поэтому создается и совокупный общественный продукт и национальный доход.

Особенно острой критике подвергается схема разграничения отраслей народного хозяйства ЦСУ за расчленение транспорта на части, входящие в сферу материального производства и в непроизводственную сферу. Не будучи в целом сторонниками схемы ЦСУ, критика которой будет дана ниже, мы постараемся показать, что в указанном расчленении эта схема опирается на позиции марксистской политической экономии. Она только слабо аргументируется работниками статистических органов. Это проявилось в спорах на Всесоюзном совещании статистиков в 1957 г. Выступая от имени работников ЦСУ против тех, кто пытался доказать, будто пассажирский транспорт подобно грузовому производит продукцию, а следовательно, является материальным производством, В. А. Соболь фактически вел речь лишь о необходимости различения производства, создающего и не создающего материальные блага. «Нельзя,— говорил он,— отождествлять переработку вещества природы, использование сил природы с отношениями, которые существуют между самими людьми и представляют только услуги. Нужно различать переработку вещества природы, которая увеличивает материальные блага человеческого общества и такие виды производства, которые не могут увеличивать материальных благ» [1]. В этой аргументации наряду с рациональным зерном есть ряд слабых положений, которыми и постарались воспользоваться оппоненты. Прежде всего нужно заметить, что нет беспредметных процессов производства. Отношения между людьми в процессе производства составляют лишь другую, общественную сторону производства, поэтому нет смысла исключать их из анализа при выяснении вопроса о том, что следует подразумевать под материальным производством.

Спор в среде советских экономистов и статистиков об отнесении пассажирского транспорта к сфере материального производства возник еще в конце 20-х годов и продолжается в настоящее время. Вопрос об отнесении пассажирского транспорта к одной из двух сфер народного хозяйства имеет принципиальный методологический характер. С точки зрения практики решение его сейчас не может оказать существенного влияния на подсчет национального дохода [2]. Решение вопроса об отнесении пассажирского транспорта к производственной или непроизводственной сфере имеет большое методологическое значение, так как оно дает ключ к определению места многих других отраслей народного хозяйства в этой схеме.

---

[1] Всесоюзное совещание статистиков 4—8 июля 1957 г. Стенографический отчет, стр. 528.

[2] См.: «Вопросы экономики», 1961, № 5, стр. 45.

Сторонники взгляда, согласно которому пассажирский транспорт подобно грузовому является отраслью материального производства, пытаются подтвердить свою точку зрения ссылкой на авторитет К. Маркса и используют высказывание его из «Теорий прибавочной стоимости». Характерно, что их оппоненты для подтверждения того, что пассажирский транспорт является услугой, а не материальным производством, пользуются этим же высказыванием. Одни используют первую, а другие — вторую часть цитаты, приведенной на одной и той же странице. Это еще раз свидетельствует о том, что усилия нужно направлять не на трактовку высказываний, а на рассмотрение самой сути исследуемой проблемы. Лишь такой подход может не только установить истину в споре, но и выяснить, что имеет в виду К. Маркс, рассматривая данную проблему. В этой связи и попытки определить точность перевода на русский язык отдельных терминов [1], употребляемых К. Марксом, также нельзя считать плодотворными.

На вопросе о месте пассажирского транспорта в системе классификации отраслей народного хозяйства следует остановиться более подробно, так как даже сторонники отнесения этой отрасли к непроизводственной сфере, не могут достаточно уверенно и твердо доказать правоту своей точки зрения. Так, В. А. Соболь, выступая основным докладчиком на Всесоюзном совещании статистиков, в подтверждение довода о том, что пассажирский транспорт не входит в производственную сферу, говорил: «Надо иметь в виду, что включение пассажирского транспорта в сферу материального производства повлечет за собой включение в материальное производство и других отраслей, производящих услуги» [2]. Т. В. Рябушкин также высказывает опасение о том, как бы включение пассажирского транспорта в сферу материального производства не привело к включению и других отраслей, оказывающих услуги, в состав этой сферы, и тогда границы между производством и сферой услуг стали бы совершенно условными.

Аргументация в этих высказываниях довольно слабая. Прежде чем перейти к анализу вопроса о месте пассажирского транспорта в классификации отраслей народного хозяйства, рассмотрим вначале высказывания К. Маркса о транспорте, но в системе его взглядов, а не оторванно. В цитируемом многими экономистами месте из «Теорий прибавочной стоимости» К. Маркс указывал: «Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая сфера материального производства, которая в своем развитии тоже проходит различные ступени производства: ремесленную, мануфактурную и машинную. Это — *транспортная промышленность,* все равно, перевозит ли она

---

[1] См.: «Экономические науки», 1967, № 9, стр. 113—114.

[2] Всесоюзное совещание статистиков 4—8 июля 1957 г. Стенографический отчет, стр. 445.

людей или товары. Отношение *производительного труда,* т. е. наемного рабочего, к капиталисту здесь совершенно такое же, как и в других сферах материального производства. Далее, здесь предмет труда подвергается известному материальному изменению — в смысле *пространственной* перемены, перемены места. Когда речь идет о перевозке людей, эта перемена места является только *услугой,* выполняемой для них предпринимателем...

Если же рассматривать этот процесс по отношению к товарам, то ...здесь в процессе труда предмет труда, *товар* действительно претерпевает известное изменение» [1]. Мы видим, что К. Маркс подчеркивает здесь отличие услуги от процесса производства товаров. Видимо, у него было основание проводить такое различие между ними, несмотря на то, что он же неоднократно упоминает о товарной форме услуг.

Не менее характерно и следующее высказывание К. Маркса: «Часть средств производства может служить в качестве того или иного предмета непосредственного потребления в зависимости от применения: например, лошадь, телега и т. д. Часть предметов непосредственного потребления может служить в качестве средств производства, как, например, хлеб для производства водки, пшеница в качестве семян и т. д.» [2] Здесь К. Маркс как раз и отмечает то, что средства транспорта могут служить в качестве предметов личного потребления. Но мы уже знаем, что деятельность, связанная с личным потреблением, существенно отличается от производства, т. е. производительного потребления. Поэтому приведенное высказывание К. Маркса для нас ценно тем, что оно доказывает неправомерность ссылок на его авторитет тех экономистов, которые относят пассажирский транспорт к материальному производству.

В целях выяснения сущности вопроса охарактеризуем и другие аргументы сторонников этого взгляда. Обосновывая свою позицию, они исходят из следующих доводов: 1) организационного единства пассажирского и грузового транспорта; 2) роли пассажирского транспорта в общественном воспроизводстве и 3) рассмотрения пассажирского транспорта как крупнейшего производителя энергии в системе народного хозяйства. Эта аргументация подверглась серьезной критике Т. В. Рябушкиным в его монографии «Проблемы экономической статистики», но не со всеми высказанными им положениями можно согласиться. Однако прежде чем говорить о деталях дискуссии, следует отметить, что дискутирующие стороны упускают из вида главные критерии, позволяющие правильно определить место той или иной отрасли в народном хозяйстве. Как уже отмечалось, такими критериями являются отношения по поводу производства материальных благ и функциональное назначение отрасли, ее роль в системе общественного воспроизводства.

Рассматривая пассажирский транспорт, мы не должны забывать о том, что в личное потребление могут входить и такие пред-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 422—423.
[2] *Там же,* стр. 225.

меты, которые служат средствами производства. Техническое совершенство не может быть помехой того, чтобы предмет стал объектом личного потребления. Современный радиоприемник на транзисторах, безусловно, является очень сложным техническим механизмом, который не идет ни в какое сравнение с простотой слесарного молотка. Однако широковолновый радиоприемник никак нельзя применить для производственного потребления, для изготовления материальных благ. Он может использоваться в целях личного потребления. А слесарный молоток выступает в качестве орудия труда, является элементом процесса создания материальных благ.

Трудности в решении вопроса о роли пассажирского транспорта, с нашей точки зрения, возникают вследствие двух причин: во-первых, потому, что многие процессы перевозки грузов и пассажиров однотипны, во-вторых, вследствие того, что пассажирский транспорт обслуживают рабочие, процесс труда которых, взятый сам по себе, создает иллюзию существования материального производства. Если же вникнуть в самую суть вопроса, то окажется, что мы имеем перед собой не процесс производства, а личное потребление.

Среди экономистов редко кто станет утверждать, что использование жилых построек представляет собой процесс материального производства. А между тем почему-то по отношению к общественному транспорту, перевозящему людей, некоторые экономисты, ряды которых за последнее время начинают пополняться, относятся не как к предметам потребления, а как к средствам производства.

Известно, что марксистская политическая экономия различает товары длительного и краткосрочного потребления. Ф. Энгельс писал: «Продажа товара состоит, как известно, в том, что владелец отдает его потребительную стоимость и получает его меновую стоимость. Потребительные стоимости товаров различаются друг от друга, между прочим, и тем, что их потребление осуществляется в различные сроки. Каравай хлеба съедается в один день, пара брюк изнашивается в один год, дом, скажем,— в сто лет. По отношению к товарам с длительным периодом изнашивания представляется, стало быть, возможность продавать их потребительную стоимость по частям, каждый раз на определенный срок, то есть *отдавать ее в наем*» [1]. Если можно снимать в наем дом, то почему нельзя этого сделать, скажем, с пассажирским поездом, морским или воздушным лайнером? Современные многоэтажные дома снимаются в наем совместно, точно так же можно предположить, что и средства транспорта снимаются в наем совместно несколькими сотнями людей для того, чтобы переместиться с одного места в другое. В первом случае потребляется материальное благо, произведенное в строительной индустрии, а во втором — в различных отраслях транспортного машиностроения.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 266.

Никто из советских экономистов пока еще не утверждал, что поездка человека на собственной автомашине является производством продукции. Что же касается транспорта общественного пользования, то целый ряд экономистов изобретают различные доводы с единственным намерением доказать наличие в этой отрасли производственного процесса, материальность последнего, а следовательно, и производства материальной продукции. Но если придерживаться доводов, используемых для отнесения пассажирского транспорта к сфере материального производства, и быть логичным до конца, то необходимо будет признать, что владельцы собственных автомашин и лошадиных упряжек, используемых для прогулок, производят продукцию для народного хозяйства. Более того, и естественное передвижение самих людей в таком случае тоже следует признать продукцией.

Нам могут возразить, что затраченный труд на личном транспорте не включается в систему общественного труда. Однако этот довод нельзя принимать всерьез. Те сферы человеческой деятельности, которые не включены в систему общественного труда, подчас составляют значительный удельный вес в народном хозяйстве страны. Это обусловливает необходимость учитывать создаваемую ими продукцию. Так, советская статистика учитывает продукцию, произведенную в личном подсобном хозяйстве колхозников. Ведь продукция, произведенная в этих хозяйствах, играет определенную роль в продовольственном балансе страны. Но труд, затраченный в домашнем хозяйстве, как утверждают наши статистики, «не включается в систему общественного труда, и само домашнее хозяйство лежит как бы за пределами хозяйства» [1]. Статистика же, по-видимому, в целях более точного исчисления национального дохода и совокупного общественного продукта, а также учета продовольственного баланса страны отбрасывает указанный довод. Следовательно, сторонники включения транспорта в сферу материального производства согласно своей логике должны сюда же причислить и «продукцию» личного транспорта. Но вряд ли найдутся смельчаки, способные на такой шаг.

Вернемся к роли транспорта в общественном воспроизводстве. Рассмотрим более подробно доводы тех, кто считает необходимым включение пассажирского транспорта в сферу материального производства. Первый довод — организационное единство грузового и пассажирского транспорта, нельзя признать серьезным аргументом для указанной цели. И в этом мы не согласны с Т. В. Рябушкиным, который полагает, будто этот довод можно считать убедительным. Дело не только в том, что общественное разделение труда на современном этапе еще не достигло такой степени, при которой можно было бы точно разграничить хозяйственную организацию грузового и пассажирского транспорта.

---

[1] *Т. В. Рябушкин.* Проблемы экономической статистики, стр. 6—7.

В настоящее время процесс специализации транспорта достиг уже довольно высокого уровня, хотя полностью еще не завершен. Так, в автомобильном транспорте предприятия, обслуживающие пассажиров, представлены автобусными и таксомоторными парками, организациями городского электротранспорта. Специфической отраслью пассажирских перевозок выступает воздушный транспорт, в котором тоже намечается отделение функций по перевозке грузов. Идет специализация и в морском транспорте. Выражением ее является создание специализированных флотов. Например, нефтеналивной флот нельзя использовать под пассажирские перевозки; также обстоит дело и с сухогрузными судами. Даже на железнодорожном транспорте специализация становится вполне очевидной. Об этом свидетельствует тот факт, что на всех железных дорогах существуют самостоятельные отделы пассажирских и грузовых перевозок.

Невысокий уровень разделения труда на транспорте, безусловно, усложняет выяснение места пассажирского транспорта в процессе общественного воспроизводства. В прошлом веке уровень хозяйственной и функциональной специализации, как можно априорно предполагать, был значительно ниже того, который существует в настоящее время. Надо полагать, именно в связи с этим обстоятельством К. Маркс и рассматривал транспортную промышленность как единую отрасль хозяйства. Однако это не мешало ему тут же указать, что средства транспорта могут использоваться как для производительного, так и для личного потребления, т. е. разграничивать роль этих средств в процессе общественного воспроизводства. В первом случае, т. е. при перевозке товаров, увеличивается меновая стоимость транспортируемых товаров на величину потребленного постоянного капитала и на сумму живого труда, затраченного в процессе перемещения. Во втором случае, т. е. при перевозке пассажиров, оказывается услуга, иначе говоря, здесь совершается не процесс производства, а потребление ранее произведенных средств и живого труда.

Следовательно, ни неразвитость разделения труда, ни организационное единство транспортного хозяйства не могут служить помехой для выделения в этой отрасли производственных процессов и процессов потребления. Не могут быть препятствием в разграничении производства и потребления и однотипность функций конкретного труда и используемых материальных факторов. «Одна и та же вещь,— писал К. Маркс,— может то функционировать как составная часть производительного капитала, то входить в фонд непосредственного потребления. Например, дом, функционируя как помещение для работы, есть основная часть производительного капитала; функционируя в качестве жилого дома, *он вовсе не имеет формы капитала* (подчеркнуто мной.— *В. К.*), а является просто жилым домом. Одни и те же средства могут во многих случаях

функционировать то как средства производства, то как предметы потребления» [1].

Видимо, под влиянием сторонников отнесения пассажирского транспорта к сфере материального производства, а также исходя из хозяйственного единства транспорта и связи в переписи населения 1959 г. все лица, работающие на транспорте и в связи, были включены в сферу материального производства. Таким образом, органы официальной статистики этим шагом не только отошли от ранее верно занятой позиции, но и дали дополнительный аргумент тем экономистам, которые считают пассажирский транспорт отраслью материального производства, но не могут это научно обосновать [2].

Смысл второго довода сторонников материальности процессов в пассажирском транспорте сводится к тому, что перевозка пассажиров выполняет такую же экономическую роль в процессе материального производства, как и грузовой транспорт. Грузовой транспорт доставляет производству предметы и орудия труда, а пассажирский — людей, а осуществление производства как без того, так и без другого в равной степени невозможно. На это следует ответить, что при таком сравнении допускается смешение производительного и личного потребления. Как уже было показано, пользование пассажирским транспортом является не производственным, а личным потреблением. Однако последнее, несмотря на его важность, нельзя относить к производственному процессу. В противном случае можно утверждать, что, поскольку в личное потребление рабочего входят и пищевые продукты, и средства передвижения, а рабочая сила является элементом производства, то потребление как первого, так и второго вида есть не что иное, как процесс производства. Но это абсурд.

Не может быть доводом для вывода о производительном характере труда пассажирского транспорта и тот факт, что он обслуживает производство, подобно другим отраслям хозяйства [3]. Во-первых, само понятие «обслуживание производства» расплывчато, под ним можно подразумевать вспомогательные производственные процессы. Во-вторых, в этой аргументации единство экономической роли подменяется единством технологического процесса. Об этом свидетельствует то, что некоторым экономистам представляется достаточным для признания идентичности всякого пассажирского транспорта с производством факта выполнения одной и той же работы — перевозки. Так, в литературе отмечается отсутствие разницы между работой транспорта, подвозящего людей к шахте, и внутришахтного транспорта. А между тем, если подойти к этому

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 228.

[2] См.: Сфера обслуживания при социализме, стр. 33.

[3] Т. В. Рябушкин резонно заметил по этому поводу, что торговля также обслуживает производство, но ее никто не считает производством. (См.: *Т. В. Рябушкин*. Проблемы экономической статистики, стр. 30).

вопросу с позиций различия производственного и личного потребления, то она здесь обнаруживается довольно просто и ярко.

Доставка шахтеров к забою представляет собой непосредственный процесс производства, а не просто поездку пассажиров. Шахтным транспортом пользуется только определенный контингент лиц, имеющих непосредственное отношение к процессу материального производства. Передвижение на транспортных средствах в забое — это такой же производственный процесс, как и доставка на строительную площадку башенным краном сырья и материалов или же перемещение крупных деталей в цехе. Разница лишь в том, что в силу специфики производства приходится доставлять не предмет труда к месту работы, а приближать к нему самого производителя. Таким образом, это процесс производительного потребления, процесс создания материальных благ, а не перевозка пассажиров. Точно так же плаванье команды танкера нельзя представлять как перемещение людей. Последнее хотя и имеет место, но оно является составной частью передвижения груза, т. е. производственного процесса. Следовательно, только наличие отношений по поводу производства может помочь в разграничении сфер человеческой деятельности.

Сторонники включения пассажирского транспорта в сферу материального производства ссылаются на то, что продукцией транспорта есть полезный эффект — перемещение, которое может потребляться производительно — при перевозке грузов и лично — при перевозке пассажиров. Хотя действительно в результате работы транспорта осуществляется перемещение, т. е. преодоление пространства, которое само по себе материально, но это еще совсем не является достаточным основанием для утверждения о том, что данный процесс является производством материальных благ. При потреблении ведь тоже производится определенная работа и используются материальные блага. Производство материальных благ предполагает предмет труда, средства труда и сам труд, в результате которого либо производится новая потребительная стоимость, либо результаты труда воплощаются в уже существующей потребительной стоимости.

Когда происходит перевозка грузов, то предметом труда выступает сам груз, в котором воплощается труд рабочих транспорта, а также потребленные в этом процессе средства производства, т. е. сам транспорт. В процессе перевозки пассажиров нет предмета труда. Если даже согласиться со сторонниками включения транспорта в производственную сферу, что материалом здесь являются средства производства: тепловозы, электровозы, вагоны, топливо, электроэнергия [1], то возникает законный вопрос: почему же на грузовом транспорте предметом труда выступает груз, а не эти элементы? Кроме того, эти элементы выступают на грузовом тран-

[1] См.: *Я. А. Кронрод.* Общественный продукт и его структура при социализме, стр. 66.

спорте средствами труда. Как же так, предметы труда разные, а продукт, полезный эффект — перемещение, один и тот же?! Наконец, если признать доводы о том, что предметами труда на пассажирском транспорте являются названные элементы, то необходимо будет согласиться с тем, что при передвижении поезда без пассажиров и без груза производится продукция. Ведь в этом случае будут присутствовать все компоненты, которыми характеризуется материальное производство — предмет труда, средства труда и даже «готовая продукция» — перемещение. Конечно, это гипербола, но она показывает, что доводы о признании пассажирского транспорта отраслью материального производства нельзя признать основательными. В процессе перевозки людей предмет труда отсутствует, уже одно это не позволяет относить пассажирский транспорт к производственной сфере. Процесс перевозки пассажиров есть потребление последними средств транспорта и живого труда, людей, которые обслуживают этот транспорт.

Заслуживает внимания и такой аргумент, как рассмотрение пассажирского транспорта в качестве крупного производителя энергии. Действительно, энергия на транспорте не только потребляется, но и производится. Однако последнее не является характерной, главной чертой транспорта. Ведь производство энергии на транспорте не самоцель, а средство для осуществления перевозок. Транспорт как отрасль народного хозяйства предназначен не для производства энергии, а для пространственного перемещения грузов и людей. Ни пассажиров автобуса, ни владельца автомашины не интересует процесс производства энергии автомотором, для них важна потребительная стоимость машины, состоящая в возможности быстро менять свое пространственное положение. Значит, для характеристики той или иной отрасли народного хозяйства надо брать не вспомогательный процесс, а основной, определяющий функциональное назначение отрасли в системе общественного воспроизводства.

В хозяйственной практике сочетание основных и побочных процессов производства является повсеместным явлением, но только на основе первых относят предприятие к той или иной отрасли хозяйства. Так, каждое сколько-нибудь крупное промышленное предприятие имеет внутризаводской транспорт, но здесь он является неотъемлемой частью производственного цикла и поэтому считается уже не транспортом, а составной частью тех средств производства, которые необходимы для изготовления продукции.

Если побочный процесс, входивший ранее в потребление, выделяется в самостоятельную отрасль по производству материальных благ, то это лишь свидетельствует о дальнейшем совершенствовании самого процесса потребления. Сжигание угля в топках паровозов для производства двигательной энергии является огромным расточительством в сравнении с производством электроэнергии для железных дорог на современных тепловых электростанциях. Отопление коммунальных домов от теплоцентралей, выделившееся в са-

мостоятельную отрасль по производству тепла, значительно экономичнее, чем расходование топлива или мазута в индивидуальных котельнях.

Когда транспорт еще не пользовался электротягой, то плановые органы, учитывая потребности общества, планировали потребление угля транспортом. С переходом последнего на электротягу появляется новый показатель — потребление электроэнергии транспортом. А с переводом коммунального хозяйства на отопление от теплоцентралей введен такой показатель, как производство тепла. Следовательно, использование энергоносителей в сфере потребления вызывает лишь необходимость в дополнительных трудовых затратах на процесс потребления. Выделение же этих процессов и превращение их в самостоятельные отрасли означает дальнейшее развитие производственной сферы.

Таким образом, развитие производительных сил ведет к дальнейшему совершенствованию не только производства, но и потребления и экономии общественных затрат труда. Чем более совершенно производство, тем меньше труда затрачивает общество в сфере потребления, так как продукты находятся в лучшей готовности к потреблению.

Во многих случаях потребление промышленной продукции требует дополнительного труда, ибо без него процесс личного потребления вообще невозможен. Развитие производительных сил ведет к возникновению отраслей, предназначенных для оказания услуг. Но техническое оснащение этих отраслей настолько сложно, что необходимы специально подготовленные люди для его обслуживания. Кроме того, сами средства, используемые для личного потребления, изготовляются в силу многих технических и экономических соображений такими, что предполагают не индивидуальное, а совместное личное потребление. Особенно ярко проявляются эти особенности на транспорте. Так, например, индивидуальное пользование воздушным транспортом невозможно из-за сложности управления современной летательной техникой и целесообразности с точки зрения экономики перевозок.

Совместное использование предметов не является монополией личного потребления. Подобные явления встречаются и в производственном процессе. Это тот же транспорт, дороги и т. п. Различие состоит в том, что в первом случае совершается процесс потребления, т. е. прекращается бытие материальных благ, а во втором — они создаются.

Высокое техническое оснащение сферы потребления само по себе не может служить основанием для отнесения отдельных видов ее деятельности к производству. Затраты труда в сфере потребления независимо от того, принимают ли они общественные формы или индивидуальные, тоже нельзя причислять к сфере производства. Обобществление некоторых процессов обслуживания потребления обусловливает дополнительные затраты труда в сфере потребления. Но при этом общие затраты труда в обществе не увеличивают-

ся, а уменьшаются. Так, совместное удовлетворение потребностей в жилье, т. е. проживание большого числа семей в современном жилом доме, вызывает необходимость в деятельности по поддержанию чистоты. Сосредоточение людей в современных городских поселениях вызвало необходимость в создании специальной отрасли, которая призвана с помощью современных технических средств содержать территорию в надлежащем санитарном состоянии.

Соблюдение удовлетворительного санитарного состояния жилья, находящегося в индивидуальном владении и пользовании, лежит на тех, кто потребляет это жилье. И выполняется этот процесс как функция потребления, а не производства. Обобществление деятельности по потреблению ведет к образованию самостоятельной отрасли труда и увеличивает общую экономию общественных затрат. Однако само по себе обобществление деятельности, связанной с потреблением, не может превратить ее в производственную. Поэтому нельзя согласиться с Л. Н. Гольцман, которая доказывает необходимость отнесения к сфере материального производства не только отраслей коммунального хозяйства, но и деятельности домоуправлений и жилищно-эксплуатационных контор [1].

Таким образом, мы видим, что рост производительных сил в обществе ведет, с одной стороны, к отпочковыванию от сферы потребления отдельных видов деятельности и превращению их в самостоятельные отрасли производства. Примером этого может быть общественное питание, прачечные, ремонт и чистка одежды. С другой стороны, обобществление деятельности по потреблению ведет к возникновению таких отраслей, которые хотя и имеют современное оснащение, но не являются производством. Деятельность этих отраслей, несмотря на общественный характер, направлена на обслуживание непроизводственного потребления. Отделились от домашнего хозяйства функции по санитарному обслуживанию территорий и превратились в такие самостоятельные отрасли по обслуживанию потребления, как городская санитария и отрасли коммунального хозяйства.

В первом случае мы имеем дело не с обобществлением труда по потреблению, а с продлением процесса производства, удлинением цикла переработки продукта, обеспечивающим выход его из производства в новом качестве, что обеспечивает лучшее удовлетворение потребностей людей и уменьшение затрат труда в сфере потребления. Следовательно, здесь совершенствуется процесс потребления не сам по себе, а в результате дальнейшего развития производства. «*Прежде всего,*— говорит К. Маркс,— предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предуказанным самим производством... Не только предмет потребления, но также и способ по-

---

[1] См.: *Л. Н. Гольцман.* Экономика коммунального хозяйства, услуги, тарифы, стр. 32.

требления создается, таким образом, производством, не только объективно, но также и субъективно» [1].

Это указание К. Маркса, несомненно, свидетельствует о том, что предметы входят в сферу потребления в такой степени готовности, которая зависит от уровня развития самого производства. Обособление деятельности по потреблению приводит к простому продлению ранее существовавшего процесса производства, в результате чего рациональнее используются материальные и трудовые ресурсы общества, а самому потреблению поставляется более совершенный продукт и оно как процесс упрощается.

Так, например, если все население в недалеком прошлом использовало для отопления жилья уголь, то при этом процесс производства заканчивался после добычи и доставки его потребителям. Потребление угля связано было с затратами какого-то количества труда, т. е. с воздействием на материю и ее силы в целях удовлетворения своих потребностей. Однако пользование углем в данном случае никак нельзя назвать производством, отношения по поводу производства здесь отсутствуют, это простое потребление, требующее дополнительных затрат труда. Последние могут быть большими или меньшими в зависимости от той или иной степени совершенства предмета, готовности его к потреблению.

С переходом в городах к отоплению жилья от теплоцентралей процесс производства удлиняется. В этом случае конечным циклом, из которого продукт поступает в потребление, является не производство угля, а производство тепла. При этом затраты труда в потреблении и общие трудовые затраты уменьшаются, рационально используются и материальные факторы производства. Теперь при помощи угля производится тепло- и электроэнергия. Следовательно, обособление деятельности по потреблению представляет собою процесс дальнейшего совершенствования производства, направленного на более рациональное использование материальных и трудовых ресурсов общества.

Обобществление деятельности, оказывающей услуги, также преследует цель экономии материальных и трудовых затрат, но в области уже самого процесса потребления. Поэтому-то обобществление такой деятельности не может превратить ее в производство. Здесь мы наблюдаем процесс совершенствования потребления путем обобществления деятельности, не имеющей ничего общего с производством.

Охарактеризовав отнесение одной части транспорта к сфере материального производства, а другой — к непроизводственной сфере, мы тем самым фактически решили и вопрос о связи, которая как отрасль хозяйства обслуживает производство и оказывает услуги населению. С точки зрения потребностей практики вопрос об отнесении той или иной части транспорта и связи к сфере производства решается на основе выборочного обследования, которое и дает нам

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 718.

представление о реально существующих отношениях. Так, согласно методике ЦСУ СССР, численность занятых на транспорте распределяется следующим образом: на железных дорогах к пассажирскому транспорту относится 20% занятых, к грузовому — 80%, на автомобильном транспорте соответственно — 22% и 78%; на речном транспорте — 35% и 65%. В связи несколько иные соотношения. Здесь к производственной сфере относят 15%, а к услугам непроизводственной сферы — 85% занятых.

Значительно меньше споров вызывает вопрос о том, к какой сфере следует относить торговлю, общественное питание, заготовки и материально-техническое снабжение. Однако и здесь нет единого мнения. По классификации ЦСУ СССР все эти отрасли отнесены к сфере материального производства. Надо полагать, что это сделано из чисто практических соображений — учета создаваемого национального дохода. С таких позиций эти отрасли можно рассматривать совместно с другими отраслями материального производства. Однако причислять их к материальному производству, как это делается в классификации ЦСУ СССР и некоторыми авторами, нельзя [1].

Торговля, материально-техническое снабжение и заготовки в системе общественного воспроизводства представляют фазу обращения продукта, а не его производства. Общественное питание в этом ряду занимает особое положение, поэтому место этой отрасли мы рассмотрим отдельно. Однако разделение труда еще не достигло той степени, когда бы производственные процессы полностью отделились от обращения. Поэтому в сфере обращения, независимо от ее социальной формы, выполняются производственные операции. Согласно расчетам сотрудников Научно-исследовательского института труда, в торговле производственными функциями занято лишь 30% всех работников [2]. Таким образом, если подходить к вопросу об отнесении торговли к производственной или непроизводственной сфере с позиций того, какая функция является в ней преобладающей, то к производству ее, конечно, отнести нельзя.

Сочетание производственной и непроизводственной деятельности имеет место во всех отраслях сферы обращения, но это не говорит о какой-то ее особенности. Ведь и в различных отраслях материального производства имеется деятельность, не связанная с производством. С развитием производительных сил общества, с дальнейшим углублением общественного разделения труда сфера обращения все больше будет очищаться от несвойственных ей операций (разделка, фасовка, упаковка и т. д.). Об этом свидетельст-

---

[1] Д. Алахвердян так определяет место торговли: «В основной своей части советская торговля выступает как особая отрасль материального производства». (*Д. Алахвердян.* Национальный доход СССР. М., 1958, стр. 40); А. Я. Кронрод утверждает, что торговля выступает как особая, дополнительная отрасль материального производства. (См.: *Я. А. Кронрод.* Общественный продукт и его структура при социализме, стр. 71).

[2] См.: Трудовые ресурсы СССР. М., 1961, стр. 39.

вует то. что подобные операции по ряду продуктов (напитки, чай) существуют отдельно от торговли как самостоятельные виды производства (чаеразвесочные фабрики, водкоразливочные заводы). Наличие в сфере обращения значительного объема производственных процессов нельзя считать достоинством [1].

Отделение от сферы обращения производственных процессов создает условия для экономии общественного труда, так как только специализированное производство дает возможность механизировать и автоматизировать операции, выполняемые допотопными методами в сфере обращения. Нельзя ожидать, что когда-нибудь в этой сфере совсем не будет производственных функций. Некоторая часть их останется даже при самом глубоком разделении труда. Значит, весомость аргумента о производственном характере ряда процессов в сфере обращения не велика. Однако дело не в нем. Отрасли сферы обращения: торговля, материально-техническое снабжение и заготовки, по своему функциональному назначению не являются производственными. Основная функция их состоит в доведении товаров до потребителя, реализации произведенных материальных ценностей.

Если же исходить из того, что место отраслей народного хозяйства в системе классификации определяет их функциональное назначение, то торговлю, материально-техническое снабжение и заготовки следует отнести к непроизводственной сфере [2]. А именно такой подход, с нашей точки зрения, является единственно правильным. Ведь к производственной сфере мы относим предприятия и отрасли хозяйства, основной функцией которых является производство, хотя некоторая часть их деятельности неизбежно связана с покупкой и реализацией.

Что же касается необходимости исчисления национального дохода, создаваемого в отраслях сферы обращения, то этому не может помешать отнесение их к группе непроизводственных отраслей. К тому же следует заметить, что данные об абсолютном размере и удельном весе торговли, заготовок и материально-технического снабжения в национальном доходе, сообщаемые в публикациях ЦСУ, не отображают действительного состояния. Дело в том, что согласно существующей методологии исчисления национального дохода налог с оборота, т. е. часть прибавочного продукта, произведенного в материальном производстве, но реализуемого в торговле, причисляется к доходу, создаваемому в последней.

Общественное питание многие экономисты склонны относить подобно торговле к сфере обращения, а в классификации ЦСУ оно отнесено вместе с торговлей к материальному производству. С нашей точки зрения, отождествление функций торговли и общественного питания нельзя считать правомерным. Действительно, в общественном питании имеет место деятельность, связанная с реали-

[1] См.: *Г. Я. Киперман.* Классификация отраслей народного хозяйства СССР, стр. 53

[2] *Т. В. Рябушкин.* Проблемы экономической статистики, стр. 14.

зацией продукции, но она составляет лишь завершающий акт производственного процесса. Соединение же производства и деятельности по реализации в одном и том же предприятии является спецификой общественного питания как отрасли народного хозяйства в условиях товарно-денежных отношений. Однако основная цель общественного питания состоит в окончании процесса производства пищевых продуктов, придании им пригодных к потреблению качеств. Мы считаем, что, исходя из основного функционального назначения, общественное питание следует относить к материальному производству.

Затруднения, возникающие при решении вопроса об отнесении общественного питания к той или иной сфере народного хозяйства, вызваны следующими причинами: во-первых, в его системе есть специфическое звено, которое фактически отделилось от основной деятельности, но из-за экономической целесообразности остается с ней в хозяйственно-организационном единстве. Это буфеты, которые только реализуют продукцию общественного питания; во-вторых, в рассматриваемых предприятиях стоимость обработки продукции не может идти ни в какое сравнение со стоимостью сырья — удельный вес живого труда в произведенной продукции невелик.

Однако эти обстоятельства не могут и не должны влиять на решение вопроса о необходимости отнесения общественного питания к сфере материального производства. Только неразвитостью данной отрасли можно объяснить то, что в ней преобладают не производственные функции, а функции реализации. По расчетам Научно-исследовательского института труда, в общественном питании производственными функциями занята только $^1/_3$ ее работников [1]. Следует иметь в виду, что буфеты, которых довольно много, в преобладающей массе реализуют фабричную продукцию, что и снижает удельный вес работников, занятых производством. Что же касается того факта, что в предприятиях общественного питания сравнительно невелика доля собственных трудовых затрат, то аналогичное явление мы можем наблюдать и в целом ряде отраслей материального производства, например, в швейной промышленности.

Некоторые экономисты считают общественное питание отраслью, связанной, подобно отраслям жилищно-коммунального хозяйства, с домашним хозяйством, оказывающей услуги по потреблению, и на этой основе относят его к непроизводственной сфере [2]. С нашей точки зрения, они неправомерно отождествляют отпочковывание от потребления отдельных трудовых процессов и совершенствование процесса производства пищевых продуктов. С точки зрения общества экономия затрат труда достигается в обоих случаях, но в первом — за счет обобществления процессов труда в сфере по-

[1] См.: Трудовые ресурсы СССР, стр. 39.
[2] См.: Сфера обслуживания при социализме, стр. 29.

требления, а во втором — благодаря перемещению трудовых процессов из сферы, где они менее эффективны, в производственную сферу.

Рассматривая существующие классификации, их положительные и отрицательные стороны, следует также отметить, что литературные, художественные, музыкальные издательства, а также киностудии отнесены в ней к прочим отраслям материального производства. Для этого нет никакого основания [1]. Названные организации отделены от материального производства и по своей функциональной роли и по хозяйственно-организационному принципу.

С точки зрения марксистской политической экономии разделение всех видов человеческой деятельности на сферу, где труд по преимуществу создает материальные блага, и на сферу, где эти блага потребляются, является основой для научного анализа происходящих процессов в обществе. Рассмотренные нами критерии определения самого производства и процессов, связанных с потреблением, а также выяснение функциональной роли отдельных отраслей народного хозяйства позволяет дать следующую классификацию их.

I. Сфера материального производства: 1) промышленность; 2) строительство; 3) сельское хозяйство; 4) лесное хозяйство; 5) транспорт грузовой; 6) связь по обслуживанию предприятий производственной сферы; 7) общественное питание; 8) прочие виды деятельности сферы материального производства.

II. Непроизводственная сфера: 1) жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание; 2) транспорт пассажирский; 3) связь по обслуживанию организаций непроизводственной сферы деятельности и населения; 4) торговля; 5) материально-техническое снабжение и сбыт; 6) заготовки; 7) наука и научное обслуживание; 8) кредитование и государственное страхование; 9) управление; 10) просвещение и культура; 11) искусство; 1) здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение; 13) партийные и общественные организации.

Анализ методологических вопросов классификации отраслей народного хозяйства показывает, что к непроизводственной сфере относятся отрасли хозяйства сферы обращения, а также оказывающие услуги. Но последние, как уже было показано в главе II, могут иметь материальное воплощение. Это вызывает необходимость решения вопроса об учете услуг в составе национального дохода общества.

---

[1] См.: Ученые записки по статистике, т. VI, стр. 150.

Глава IV. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД И УСЛУГИ

1. К вопросу об учете услуг в национальном доходе

В меру развития экономической теории каждая из школ политической экономии по-своему ставила и решала вопрос о национальном доходе. Меркантилисты усматривали источник обогащения нации лишь во внешней торговле, физиократы искали его в процессе материального производства, только труд в земледелии, по их теории, обогащает нацию. Классическая школа буржуазной политэкономии сделала шаг вперед по сравнению с физиократами. Ее представители сумели показать, что труд не только в сельском хозяйстве, но и в других областях материального производства создает национальный доход. Однако даже наиболее выдающиеся представители этой школы не смогли научно решить проблему национального дохода. Так, А. Смит сводил стоимость общественного продукта к доходу, что обусловливалось его ошибочным отождествлением стоимости общественного продукта с вновь созданной стоимостью и производственного потребления с личным. Согласно догме А. Смита стоимость годового общественного продукта состоит из дохода (заработной платы и прибавочной стоимости), поскольку постоянный капитал в конечном счете распадается на доход.

Смитовская теория национального дохода не давала решения вопроса о замещении потребленных в процессе производства предметов и орудий труда, а следовательно, о путях возобновления общественного производства. Его теория рассматривала категорию национального дохода в отрыве от процесса воспроизводства и оборота общественного капитала. В. И. Ленин отмечал, что «вопрос о «национальном доходе» и о «национальном потреблении», абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации,— оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала» [1]. Именно К. Маркс впервые проанализировал категорию национального дохода в связи с производством и обращением общественного капитала, что и явилось подлинно научным решением этой важной проблемы.

Марксистская политическая экономия поставила и разрешила вопросы об источниках создания национального дохода, о принци-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 53.

пах распределения, перераспределения, а также использования его. В настоящей работе категория национального дохода рассматривается лишь постольку, поскольку необходимо показать ее связь с другой политэкономической категорией — категорией услуг.

Согласно марксистской теории национальный доход создается в производственной сфере. Часть производственных процессов осуществляется в сфере обращения. Операции, связанные с продолжением процесса производства в торговле, тоже создают национальный доход. В качестве объекта анализа национальный доход выступает как в натуральной, так и в стоимостной форме. Процесс производства, протекающий в основных отраслях народного хозяйства (промышленность, строительство и сельское хозяйство), затраченный в них труд создает национальный доход не только в стоимостном выражении, но и в натурально-вещественной форме. А труд в сфере, где осуществляется лишь доработка произведенных материальных благ (торговля, в т. ч. заготовки и материально-техническое снабжение, транспорт, связь) и доведение их до потребителя, увеличивает стоимость этих благ, не создавая новых потребительных стоимостей и не меняя ранее созданных свойств. В остальных отраслях и видах человеческой деятельности национальный доход не создается.

Марксистская политическая экономия определяет национальный доход как вновь созданную стоимость за определенный промежуток времени. Если мы говорим о вновь созданной стоимости, это значит, что речь идет о материальных ценностях. Кстати, и представители классической школы буржуазной политической экономии под национальным доходом понимали совокупность стоимостей материальных благ. До последнего времени в советской экономической литературе редко встречались работы, в которых это положение подвергалось бы сомнению. В шестидесятых годах, когда разработка теории услуг привлекла внимание некоторых экономистов, появились работы, авторы которых пытаются доказать несостоятельность прежде утвердившейся точки зрения. Опираясь на высказывание К. Маркса, они хотят обосновать необходимость включения в состав национального дохода потребительных стоимостей, не имеющих материального воплощения.

При этом следует иметь в виду, что услуги как экономическая категория в экономических работах 60-х годов трактуются лишь в смысле производства нематериальных благ. Отдельные же экономисты поставили перед собой задачу доказать, будто сфера услуг — это производство. Исходя из этой ошибочной посылки, они приходят к выводу о необходимости включения результатов этого производства в показатель национального дохода. Таким образом, неправомерная постановка вопроса привела к результатам, с которыми никак нельзя согласиться. Вместо того, чтобы выяснить действительные отношения между национальным доходом и услугами, они конструируют новые показатели.

Если рассматривать вопрос о правомерности включения услуг

в состав национального дохода с точки зрения истории развития воззрений советских экономистов на данную проблему, то следует констатировать, что последняя обсуждалась еще в 20-х годах нашего столетия. Ряд современных авторов не только возродили старое определение услуги, которого придерживались экономисты 20-х годов, но и взгляды последних о необходимости включения услуг в национальный доход и совокупный общественный продукт.

Для того, чтобы уяснить суть проблемы о соотношении услуг и национального дохода, нужно рассмотреть взгляды не только тех экономистов, которые в настоящее время придерживаются концепции, отрицаемой большинством советских экономистов, но и их предшественников. Они доказывают, что услуги подобно материальным благам составляют часть национального дохода.

Еще на заре становления социалистического способа производства С. Г. Струмилин, разрабатывая теорию народного (национального) дохода в условиях нового общества, высказал положение, будто весь труд при социализме является общественно необходимым и производительным, а следовательно, таким, который создает народный доход. Он писал: «В социалистическом обществе при планомерном разделении труда, по-видимому, всякий общественно необходимый труд — производительный и обслуживающий, поскольку его применение объективно повышает общий уровень производительных сил общества и его благосостояния» [1].

Во взглядах С. Г. Струмилина наиболее последовательно отражена концепция, согласно которой национальный доход создается не только работниками отраслей материального производства, но и непроизводственной сферы. Будучи последовательным в своих взглядах, он считал, что труд персонала армии, милиции, судов, государственного аппарата является не только общественно необходимым, но и весьма продуктивным, т. е. таким, который создает и национальный доход и совокупный общественный продукт.

В этот же период Арт. Аболин высказал точку зрения несколько отличную от струмилинской. По его мнению, национальный доход создает труд в материальном производстве, а также труд, оказывающий услуги. Для него ясно, что ни совокупный общественный продукт, ни национальный доход не создаются торговыми служащими. Здесь Аболин следует за К. Марксом, который во II томе «Капитала» называет труд, связанный со сменой формы стоимости, таким, который не увеличивает материальное богатство общества. «При всех обстоятельствах,— писал К. Маркс,— время, затрачиваемое на куплю и продажу, является издержками обращения, ничего не прибавляющими к совершающим свое превращение стоимостям. Это — издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму» [2].

Однако взглядам Арт. Аболина присуща непоследовательность, проявляющаяся в том, что часть труда, относимая этим автором к

[1] «Плановое хозяйство», 1926, № 8, стр. 144 .
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 151.

услугам, с его точки зрения создает национальный доход, а другая часть услуг, которую он относит только к непроизводительному труду,— не создает. Способность создавать национальный доход, по мнению Аболина, присуща услугам, а непроизводительный труд в социалистическом обществе, исполняемый служащими армии, милиции, отправителями религиозных культов, не обладает такой способностью. Как видно, Арт. Аболин считает, что услуги не являются результатом непроизводительного труда.

Первопричиной, основой признания этими авторами труда в услугах равнозначным труду, создающему национальный доход, по нашему мнению, является противопоставление таких политэкономических категорий, как непроизводительный труд и услуги. В их представлении непроизводительный труд и создание благ—несовместимые явления. На взглядах указанных авторов мы остановились потому, что без этого нельзя понять истоки теорий, проповедуемых некоторыми экономистами 60-х годов. Аболинская и струмилинская трактовки труда, создающего национальный доход, имели своих сторонников среди экономистов 30-х годов.

В 60-е годы некоторые авторы выпустили в свет работы, в которых не только возродили затихшую полемику по дискуссионным теоретическим вопросам, но и попытались подобрать новые аргументы для подтверждения того, будто труд в услугах создает национальный доход. Это, по нашему мнению, и является свидетельством того, что указанная теория во время своего возникновения не имела убедительных доказательств. Не случайно большинство советских экономистов не поддержало взглядов С. Г. Струмилина и Арт. Аболина на проблему соотношения услуг и национального дохода, которые были высказаны последними в 20-х годах нашего века. Более того, вот уже около 50 лет эти взгляды подвергаются критике. Однако тот факт, что в наше время проблема соотношения услуг и национального дохода вызывает дискуссию, где стороны придерживаются в корне противоположных взглядов, свидетельствует о недостаточной убедительности и научности доводов не только сторонников, но и противников теории, согласно которой весь труд в области услуг создает национальный доход.

Прежде всего следует отметить, что нельзя прямо без существенных оговорок связывать такие вопросы, как признание труда производительным, его способность создавать национальный доход и неспособность непроизводительного труда к созиданию. Необходимо определить, с каких позиций рассматривается производительный характер труда. Ранее уже упоминалось, что К. Маркс не относил труд крестьян и ремесленников ни к производительному, ни к непроизводительному с точки зрения капиталистического общества. Однако вряд ли кто из экономистов станет возражать, что произведенные этими категориями хозяйств материальные блага не входят в состав национального дохода. Следовательно, национальный доход создается не только производительным трудом, с точки зрения господствующего способа производства. Действитель-

но, было бы абсурдом игнорировать те богатства, которые создаются мелкими производителями, хотя их уклад отличается от господствующего в той или иной стране.

Таким образом, при постановке вопроса о том, создается ли национальный доход производительным трудом, ответ может быть положительным только в том случае, если мы рассматриваем категорию производительного характера труда с позиций (простого и расширенного) воспроизводства, способности его увеличивать материальное богатство общества.

Если признать, что нематериализующиеся услуги являются составной частью национального дохода и национального богатства, то, по логике вещей, нельзя отказать в этом и труду, который затрачивается в госаппарате, армии, судах и т. д. Здесь следует отметить, что сторонники концепции, согласно которой услуги создают национальный доход, стараются выйти из положения, доказывая, будто затраты труда в госаппарате, милиции, судах относятся не к услугам, а к непроизводительному труду [1], между которыми, по их мнению, существуют коренные различия.

Во второй главе нами уже было показано, что услуги — это разновидность непроизводительного труда. Об этом факте следует напомнить еще и потому, что некоторые экономисты, пытаясь противопоставить эти категории, стараются опереться на теорию К. Маркса. В первой части «Теорий прибавочной стоимости» К. Маркс относил к непроизводительным тех работников, труд которых выступает в виде услуги, как-то: государственных чиновников, попов, военных, судей, адвокатов, врачей, учителей, скоморохов (артистов) и т. д. [2] Следовательно, К. Маркс считал труд в услугах разновидностью непроизводительного труда, это однопорядковые категории, так как затраты его не дают возможности обществу осуществить расширение материального произиводства. Отличительной чертой услуг является не то, что затраченный на них труд создает национальный доход, а способ возмещения этих затрат и то, что эти затраты осуществляются вне сферы производства и обращения.

Некоторые авторы пытаются доказать правомерность включения «стоимости» услуг в национальный доход ссылкой на необходимость развития марксистской теории. Так, В. А. Медведев пишет: «Классики марксизма-ленинизма рассматривали процесс воспроизводства общественного капитала, исходя из отношений, складывающихся только в сфере материального производства. Исключение из анализа сферы услуг было правомерно, поскольку она не была в достаточной степени охвачена капиталом. Услуги в своей подавляющей части производились некапиталистически, т. е. оказывались частными лицами, обменивающими свой труд непосредствен-

---

[1] См.: *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 33. *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 17.

[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 157, 158 и др.

но на доход, а не на капитал. Следовательно, они не участвовали в воспроизводстве общественного капитала, т. е. в воспроизводстве капиталистических производственных отношений» [1]. По мнению этого автора и некоторых других, на современном этапе, когда «сфера услуг» стала играть значительную роль в жизни общества, прежде всего следует выяснить ее место в воспроизводстве общественного продукта и национального дохода. Мы уже не говорим о своеобразном толковании услуг как материальной деятельности, а лишь обращаем внимание на метод, с помощью которого предпринята попытка доказать правомерность постановки вопроса об услугах как факторе общественного воспроизводства капитала, а следовательно, и материального продукта. К. Маркс действительно отмечал, что область услуг в прошлом веке лишь в очень незначительной части была подчинена капиталу. Однако из этого положения вовсе нельзя делать вывод, будто с увеличением подчинения капиталу труда по оказанию услуг они станут играть большую роль в создании национального дохода. Кроме того, К. Маркс нигде не говорит о том, что нематериализующиеся услуги создают национальный доход. Таким образом, ссылка на необходимость включения в его состав этих услуг в целях развития марксистской теории воспроизводства, по нашему мнению, не выдерживает критики.

Рассмотрение современных концепций сторонников включения услуг в национальный доход показывает, что они не отличаются от взглядов, высказанных некоторыми экономистами в печати 20-х годов. Так, аболинская точка зрения на производительный характер услуг нашла отражение во взглядах Э. М. Агабабьяна, В. А. Медведева, К. К. Вальтуха, П. Г. Олдака и других [1]. Струми-

---

[2] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 186. Подобной же точки зрения придерживается Ю. Ковыженко в статье «Стоимость услуг: реальность или фикция».— «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 7.

[1] Э. А. Агабабьян считает, что «экономический характер труда таких работников сферы услуг, как художники, музыканты, исполнители, учителя, врачи и т. д.... ничем не отличается от труда работников материального производства, поскольку как те, так и другие производят не только потребительную стоимость — полезный эффект, но и стоимость. И не только стоимость вообще, но и прибавочную стоимость, увеличивая совокупный общественный продукт и капитал» (*Э. А. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 17). В. А. Медведев пишет: «И поскольку работники сферы услуг своим трудом производят определенные потребительные стоимости, а следовательно, и новые стоимости, их труд является неотъемлемой частью всей той массы труда, которая непосредственно производит доход социалистического общества» (*В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 188). По мнению П. Г. Олдака, труд ученых, педагогов, врачей прибавляет ценности в обществе, за счет которых оно удовлетворяет свои потребности. «А если прибавляет,— спрашивает он,— то почему эти ценности исключаются при расчете величины созданного общественного продукта и фонда потребления?» (*П. Г. Олдак.* Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки, М., 1966, стр. 43). К. К. Вальтух считает необходимым «отбросить ставшее догмой, но ни на чем не основанное утверждение, будто труд в непроизводственной сфере не является производительным, не создает полезностей и стоимостей» (*К. К. Вальтух.* Общественная полезность продукции и затраты на ее производство, М., 1966, стр. 69).

линскую теорию, согласно которой весь труд в социалистическом обществе, независимо от сферы его приложения, производит продукт, разделяет Я. Певзнер, считающий, что национальный доход создается даже государственной службой регулирования уличного движения [1].

Утверждение, будто труд, затраченный в любой отрасли человеческой деятельности, создает национальный доход, не является шагом вперед в экономической науке. Ведь еще А. Смит писал, что «труд самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения» [2].

Развивая этот тезис Смита, К. Маркс убедительно доказал, что те виды труда, которые связаны с превращением товарной формы в денежную, а также по учету производства, не участвуют в создании общественного продукта и национального дохода общества [3]. Последнее положение не отрицается С. Г. Струмилиным, но это делает его точку зрения еще более уязвимой. Если считать, что труд в области обороны, управления страны, охраны порядка и т. д. создает продукт, вследствие своей общественной необходимости, то труд в области чистых издержек обращения и учета производства еще более необходим обществу, так как он непосредственно вытекает из процесса производства материальных благ как товаров.

Кроме того, следует заметить, что став на точку зрения С. Г. Струмилина, мы вынуждены будем признать, что весь затраченный труд в капиталистическом обществе, независимо от сферы его приложения, принимает участие в создании совокупного общественного продукта и национального дохода. Ведь труд, затрачиваемый в управлении буржуазного государства, в его армии, судах, полиции и т. д., с точки зрения этого общества является необходимым, функционирование буржуазного государства без него немыслимо. Как ни странно, но подобные утверждения уже встречаются в нашей литературе. Так, Я. Певзнер отрицает существование непроизводительного труда в капиталистическом обществе и не только в услугах, но и в торговле. По его мнению, затраченный труд в любой отрасли хозяйства и деятельности является производительным и создает блага, а следовательно, и национальный до-

[1] См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 3, стр. 93.

[2] *А. Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, стр. 279.

[3] В наше время некоторые экономисты пытаются опровергнуть это положение К. Маркса. Так, Е. Громов, включающий торговлю в сферу услуг, считает, что последняя «наряду с материально-вещественным производством выступает как источник национального дохода» («Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 11, стр. 75). К его мнению присоединяется Я. Певзнер («Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 3, стр. 87, 92, 93).

ход [1]. Стало быть, критерий общественной необходимости труда ни в коей мере не может служить достаточным основанием для признания того, что этот труд создает национальный доход.

Далее, нельзя принять всерьез и аргумент, согласно которому однородные виды деятельности могут обладать и не обладать свойством создавать национальный доход только в зависимости от общественного строя. Так, например, Л. С. Глязер признает наличие непроизводительного труда, который не создает дохода в антагонистических обществах, но «весь труд в социалистическом обществе,— по его мнению,— является производительным, здесь нет непроизводительных классов или социальных групп» [2]. Таким образом, многие экономисты трактуют производительный труд как труд, который что-либо создает. При этом следует иметь в виду, что понятие производительного труда и труда, создающего национальный доход и совокупный общественный продукт, они полностью отождествляют.

Характерно, что никто из сторонников включения в состав национального дохода услуг, не имеющих материальной формы, не может дать конструктивного предложения — каким же образом их следует учитывать. Ряд экономистов предлагает учитывать услуги в стоимостной оценке [3]. Однако для этого, в свою очередь, нужно решить такой сложный теоретический вопрос: имеют ли стоимость услуги? Позднее мы рассмотрим эту проблему, а сейчас попытаемся выяснить, почему нематериализующиеся услуги нельзя учитывать в национальном доходе, не рассматривая вопроса о стоимостной форме их.

Ранее отмечалось, что услуги — это потребление труда, который может либо воплощаться в материальном продукте, либо функционировать в виде непосредственной деятельности, не приобретающей материальной формы. Если результатом услуги являются материальные блага, то естественно, что с точки зрения марксистской политической экономии эти блага должны быть учтены в национальном доходе. Услуги, воплотившиеся в материальных благах, с точки зрения социалистического общества отражают труд в материальном производстве, результаты которого использованы только для расширения потребления. Так, на озеленение городских улиц расходуется труд, результаты которого воплощаются в материальных благах — газонах цветов, декоративных насаждениях. Этот труд используется обществом в целях потребления, а не расширения производства материальных благ. Можно привести и другой пример. На государственном предприятии производятся знаки

---

[1] См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 3, стр. 87, 93, 94.

[2] *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления, М., 1966, стр. 57.

[3] См.: *Л. С. Глязер.* Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления, стр. 41; *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 65.

наград. Затраченный труд воплощается в реальных материальных ценностях, народное потребление расширяется, что и должно найти отражение в показателях произведенного и потребленного национального дохода. Однако как в первом, так и во втором случаях общество не использует части затраченного труда для расширения своего производства. Здесь иная цель — расширить только потребление.

Вопрос об учете указанных и подобных им услуг в составе национального дохода на практике не вызывает затруднений. Ведь каждое предприятие, обладая хозяйственно-оперативной самостоятельностью, относительно экономически обособлено и поэтому свою продукцию реализует. В наших примерах эта реализация производилась в первом случае местным органам власти, а во втором — органу, хранящего наградные знаки, которые и оплачивали стоимость продукции за счет бюджета. Общество понесло материальные затраты, но и получило дополнительное количество материальных благ для непроизводительного потребления. Следовательно, это дополнительное количество благ должно быть учтено в национальном доходе страны.

При рассмотрении услуги, оказываемой отдельному индивидууму, мы придем к такому же выводу. Когда частное лицо, желая приобрести новый костюм, не покупает его в магазине и не заказывает в государственном или кооперативном ателье, а пользуется услугами портного-частника, то деятельность последнего расширяет личное потребление в обществе. Происходит это потому, что труд потреблен как деятельность, направленная на преобразование материальных благ, придание им формы, пригодной для личного потребления. В результате количество материальных благ, вернее, потребительных стоимостей (в данном случае костюмов), в обществе возросло. Этот прирост материальных благ можно учесть в национальном доходе, хотя в строгом научном понимании этой категории нам не следовало бы учитывать названные блага, так как в современном обществе ведется учет затрат труда, выступающего в стоимостной форме. В данном же случае произведена лишь потенциальная стоимость. Однако последняя восполняет рынок материальными благами и поэтому при составлении баланса производства и потребления ее можно учитывать как производство.

Учет услуг, воплощающихся в материальных благах, в составе национального дохода осуществляется в стоимостной форме не потому, что они действительно представляют собой производство товарных стоимостей, а потому, что в социалистическом обществе имеет место товарное хозяйство, где учет трудовых затрат осуществляется в стоимостной форме. Хотя для социализма категория потребительной стоимости и имеет весьма важное значение, поскольку только она удовлетворяет потребности, но на данном этапе общество еще не может исчислять затраты труда в ином выражении, чем стоимость. К. Маркс указывал, что при социализме «определение стоимости остается господствующим в том смысле, что

регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было» [1].

Вопросы экономного расходования материальных и трудовых ресурсов требуют строжайшего учета, который при данных условиях можно осуществить лишь в стоимостной форме. Не полезность, как пытаются изобразить некоторые экономисты, а затраты общественно необходимого труда, воплощенные в стоимости, являются показателем эффективности затрат общества в условиях социализма.

Уделять внимание услугам, которые в нашем обществе оказываются трудом частных лиц, следует хотя бы потому, что удельный вес их еще весьма ощутим. Сам же факт существования труда частника в услугах свидетельствует, во-первых, о перераспределении в его пользу части доходов, а, во-вторых, о том, что общество теряет какую-то часть труда, которую можно было бы использовать для общества в целом.

Другой частью услуг, получающей материальное воплощение, является в основном творческая деятельность художников, скульпторов, поэтов, прозаиков. Современная техника позволяет материализовать и артистическую деятельность в виде кинокартин, записей на видеомагнитофон, звукозаписей. Однако этого рода услуги нельзя причислять к стоимости национального дохода. Ведь если мы рассматриваем результаты творческой деятельности: художественные полотна, скульптуры или произведения литературы, то это должны быть оригинальные, уникальные творения, которые естественно, стоимости не имеют, хотя могут выступать в качестве товаров, а следовательно, иметь и цену. И в этом отношении они ничем не отличаются от некоторых других товаров, имеющих не стоимость, а только цену.

Точно также обстоит дело и с оригинальными кинокартинами, пленками видеозаписей и звукозаписей. Все они являются воплощением конкретного, а не абстрактного труда. Напротив, производство их копий создает стоимость, поскольку затрачивается общественно необходимый труд, выступающий в качестве абстрактного труда как субстанции стоимости. Далее, при реализации оригинальных произведений искусства в купле-продаже выступает труд, а не отношения найма, господствующие в данном способе производства. И наконец, оригинальные произведения искусства обмениваются на какую-то часть национального дохода общества, так как их владельцам необходимо потреблять материальные блага. Когда одна страна продает произведения искусства другой, то доход продавца увеличивается в валюте за счет уменьшения его у покупателя. Даже в том случае, если мы имеет дело не с подлинными произведениями искусства, а с подделками, труд будет

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 421.

оплачиваться опять-таки за счет дохода общества в лице покупателя, не имеющего эстетического вкуса. Однако тут не возникает проблема учета произведенных подделок в национальном доходе. Это потери, которые несет сам потребитель.

Совсем иная картина представляется при рассмотрении услуг, не воплощающихся в материальной форме. При поверхностном взгляде на вопрос о возможности их включения в национальный доход кажется, будто нет никакой разницы между услугами, удовлетворяющими личные потребности членов общества, и материальными благами. С точки зрения современного потребителя, услуги просвещения, культуры, здравоохранения имеют не меньшее значение, чем потребление ряда материальных благ. Но при этом следует заметить, что определение полезности потребления тех или иных благ может привести и действительно приводит к субъективным оценкам [1]. Однако дело в том, что различие между потреблением материальных и нематериальных благ-услуг следует рассматривать вовсе не с точки зрения потребителя. И те, кто становится на такую позицию, фактически стараются уйти от основного вопроса — разграничения производства и потребления национального дохода общества.

Все экономисты, считающие услуги, которые не имеют материального воплощения, составной частью национального дохода и совокупного общественного продукта, полагают, будто факт затрат труда в услугах неизбежно предполагает осуществление процесса производства благ, пусть и нематериальных. Факт затрат труда при оказании услуг никогда и никем не отрицался. Еще К. Маркс писал: «А. Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником» [2]. Именно в результате труда эти работники получают право на долю в произведенных обществом материальных благах. Однако между трудом в области материального производства и трудом, выступающим в виде услуг, не имеющих материального воплощения, существует принципиальная разница.

Следует отметить, что услуги, воплощающиеся в материальных благах,— это труд, который с успехом может быть использован в процессе материального производства. При этом общество получит те же выгоды, как и при развитии любого производства. Напротив, услуги, не получающие материального воплощения,— это в основном такие виды труда, которые неприменимы в процессе материального производства. Поэтому общество не может рассчитывать на расширение производства материальных благ за счет труда, оказывающего услуги, где результаты труда не обретают материального воплощения.

---

[1] *К. К. Вальтух,* например, полагает, что труд в нематериальных услугах «зачастую создает полезности, более важные для общества, чем многие вещи, создаваемые в производстве» (*К. К. Вальтух.* Общественная полезность продукции и затраты труда на ее производство, стр. 69).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 169.

Если даже абстрагироваться от существования товарного производства и от того факта, что в процессе производства создаются не просто потребительные стоимости, а стоимости, то и при этом мы заметим отличия между материальным производством и трудом, оказывающим нематериализующиеся услуги. А такая абстракция не лишена реального смысла. Ведь истории развития человеческого общества известно существование производства, в котором материальные продукты не приобретали стоимостной формы. Это имело место в условиях первобытнообщинного способа производства и в индийской общине. Марксистская наука доказала, что и в коммунистическом обществе продукты производства не будут иметь товарной формы.

Однако общественному воспроизводству всегда присуще наличие таких фаз, как производство, обмен, распределение и потребление. И именно материальная форма продукта дает возможность осязать последний на всех фазах воспроизводства. Благодаря этому те общества и ячейки, которые не знают стоимостной формы продукта, имеют возможность осуществлять не только простое, но и расширенное воспроизводство. При этом накопление как необходимый элемент последнего осуществляется в натуральной форме. Это касается как средств производства, так и предметов потребления. Впрочем, и в тех типах общества, где товарное производство является их неотъемлемой частью, накоплению в стоимостной форме всегда соответствует накопление материальных потребительных стоимостей, так как без этого немыслимо само воспроизводство. Стоимостная форма является лишь отражением реально существующих процессов накопления материальных благ.

Национальный доход, национальное богатство — это категории политической экономии, которые реально существуют в натуральной и стоимостной формах. Последняя применяется лишь на определенных этапах развития человеческого общества. Именно поэтому услуги, воплощенные в материальных благах, несмотря на то, что они не принимают стоимостного выражения, все-таки следует включать в состав национального дохода.

Рассматривая услуги, которые не воплощаются в материальных благах, следует прежде всего заметить, что эти услуги могут использоваться, во-первых, для личного потребления (услуги, которые непосредственно расширяют рамки личного потребления членов общества) и, во-вторых, для общественного потребления (услуги, не имеющие отношения к личному потреблению). Это деление не имеет ничего общего с разграничением услуг на необходимые и не необходимые. Услуги, используемые в целях личного потребления, могут удовлетворять как индивидуальные, так и коллективные потребности членов общества. Спор в современной экономической литературе о том, следует или не следует включать в национальный доход услуги, собственно говоря, касается услуг, удовлетворяющих личные потребности.

Сторонники включения в национальный доход услуг, используе-

мых в личном потреблении и не имеющих материальной формы, исходят из того, что лица, оказывающие эти услуги, создают реальные потребительные стоимости. Во второй главе уже было показано, что само понятие услуги отлично от той потребительной стоимости, в которой она может воплощаться. Даже в том случае, когда услуги, используемые для личного потребления, имеют материальное воплощение, их покупка существенно отличается от купли материальных благ — товаров. Когда человек покупает услуги, то общество расходует произведенный доход и теряет возможность накопить частицу материализованного труда в целях расширения производства. При покупке же произведенных материальных благ в системе господствующих производственных отношений при общественно-нормальных условиях эта частица для общества не может быть потеряна. Следовательно, дело не в том, что контингент работников, оказывающий нематериальные услуги, ничего не создает, а в различном экономическом значении услуги и производства материальных благ.

Сторонники включения услуг, не имеющих материального воплощения, в состав национального дохода обвиняют своих противников в натуралистическом толковании этой категории, хотя сами пытаются истолковывать услугу в качестве потребительной стоимости, т. е. фактически придают ей несвойственную натуральную форму. Так, В. А. Медведев пишет: «До настоящего времени они (т. е. услуги.— *В. К.*) не включались в продукт, так как за ними не признавалось свойство потребительных стоимостей» [1]. Здесь видно, что автор считает не саму деятельность по оказанию услуги потребительной стоимостью, а только результат этой деятельности. С нашей точки зрения, это фактическое отождествление материального и нематериального производства.

Характерным для всех сторонников включения услуг в совокупный общественный продукт является то, что они признают это существенным. Но это не мешает им доказывать необходимость совместного счета материальных и нематериальных благ при исчислении национального дохода страны. Приверженцы этого взгляда полагают, что различие между материальным производством и услугами, не воплощающимися в материальных благах, сводится только к ведущей роли первого. Однако, рассматривая услуги, не следует забывать, что характерным признаком их является соединение акта оказания услуги и потребления ее. Если более точно выразиться, то потребление услуги и есть акт ее оказания. Непотребленная услуга не существует в природе человеческих отношений. Из этого факта вытекает то, что деятельность, не воплощающаяся в материальной форме, всегда сопряжена с расходом общественного дохода в форме материальных благ.

Совмещение актов оказания и потребления нематериальных услуг предполагает необходимость создания материальных благ

[1] *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 25.

для личного потребления тех, кто занят оказанием этих услуг. Таким образом, хотя деятельность в услугах, не имеющих материальной формы, и способствует увеличению объема потребления в обществе, но этому должно предшествовать расширение производства материальных благ. Только при этом условии можно возместить труд в услугах и дать материальную основу для их оказания.

Этот факт свидетельствует об ошибочности взгляда, согласно которому производство услуг и материальное производство равноценны для общества. П. Г. Олдак считает, что «процесс материального производства, опирающийся на систему общественного разделения труда и подлежащий учету при определении величины созданного совокупного продукта и национального дохода, охватывает не только сферу производства, но и затраты труда в сфере потребления» [1], т. е. услуги.

Общество действительно затрачивает труд не только для производства, но и для потребления материальных благ. Там, где производительные силы недостаточно развиты, доля затрат труда, связанных с потреблением, больше, чем в высокоразвитой стране. И хотя затраты труда в потреблении необходимы, но по своей экономической роли они отличаются от затрат труда на производство материальных благ. Последние дают возможность обществу создавать и расширять свое богатство, а первые направлены лишь на использование этого богатства. Следовательно, по нашему мнению, затраты труда в сфере потребления не имеют отношения ни к созданию общественного продукта, ни национального дохода.

Рассмотрим подробно, в чем существенное различие между актом оказания услуг, не имеющих материальной формы, и процессом производства материальных благ? Прежде всего заметим, что специфическим свойством этого вида услуг, используемых для личного и общественного потребления, является назначение их исключительно для целей потребления. Нет услуги этого рода, которую можно было бы использовать в целях производства. Следовательно, деятельность по оказанию услуг неизбежно предполагает потребление. И хотя производство предметов потребления имеет своей конечной целью потребление, но между производством материальных благ для потребления и оказанием нематериализующихся услуг для потребления имеется существенная, принципиальная разница. В материальном производстве, где изготовляются предметы потребления, материальная форма продукта дает возможность отделить процесс производства от актов распределения, обмена и потребления. Материальность, а не вещность любого вида производства предполагает использование части продукта в натуре в целях личного и производственного потребления при осуществлении расширенного воспроизводства.

Прибавочный продукт, созданный трудом и используемый для

---

[1] *П. Г. Олдак.* Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки, стр. 35.

расширения производства, должен существовать в материальной форме. Именно этого нет в процессе оказания нематериальных услуг. Следовательно, такие факты, как экономическая неделимость услуг, соединение актов их производства и потребления, нематериальность услуг и невозможность улавливания прибавочного продукта в натуральной форме,— все это свидетельствует о том, что они могут быть использованы лишь для перераспределения дохода в обществе, но отнюдь не для его создания. Следовательно, общество прежде, чем расширять деятельность по оказанию услуг, всегда должно создать для этого базу за счет развития материального производства.

В экономической литературе для доказательства идентичности процессов производства материальных благ и затрат труда в нематериализующихся услугах довольно часто пользуются фактом неразделимости актов производства и потребления в некоторых отраслях хозяйства. Действительно, в электроэнергетике, в холодильном производстве и производстве пара, тепла производство и потребление не разделены. Однако при этом прежде всего следует отметить, что названные виды отраслей производят все-таки материальный продукт и этот факт вряд ли кто сможет опровергнуть. Но именно материальность изготовленной продукции дает возможность использовать произведенный прибавочный продукт в целях расширения производства, увеличения производственного и личного потребления в натуральной форме.

Электроэнергией с одинаковым успехом освещаются жилые помещения и приводятся в движение станки, тепло используется как для обогрева населения, так и для производства. Если предположить, что норма прибавочного продукта, например, в электроэнергетической промышленности равна 100%, то 50% произведенной продукции (электроэнергии) можно использовать для расширения производства. Оставшаяся часть натуральной продукции в соответствующей пропорции может быть разделена на личное и производственное потребление. Следовательно, здесь общество благодаря материальности процесса производства имеет натуральные факторы, необходимые для осуществления расширенного воспроизводства.

Совсем иное положение при оказании нематериализующихся услуг, используемых как для личного, так и общественного потребления. Поскольку результат этой деятельности не приобретает материальной формы, то общество лишено возможности использовать часть затраченного здесь труда для расширения производства. Предположим, что группа артистов, работающая по найму, дает концерт, в результате которого выручена какая-то сумма денег. Пусть все посетители данного концерта — производственные рабочие. Выручка от проведенного концерта будет представлять не что иное, как право на определенную сумму материальных благ, произведенных обществом и принадлежащих рабочим — слушателям данного концерта. В результате обмена деятельностью между ра-

бочими и артистами первые получили эстетическое наслаждение, а вторые приобрели право на часть произведенных материальных благ в обществе, но последняя была уступлена, хотя и небезвозмездно, участниками производства материальных благ. Таким образом, в результате указанной деятельности размеры потребления в нашем примере увеличились, а количество материальных благ осталось прежним. Таково положение с точки зрения потребителей. А как же обстоит дело при рассмотрении его с позиций общества?

Если концертная труппа является не бродячей, действующей на свой страх и риск, а предположим, государственной, то часть выручки от продажи билетов попадает в государственную кассу. Внешне кажется, будто это дает возможность обществу осуществлять расширенное воспроизводство. Но при детальном рассмотрении видно, что это совсем не так. Государство получает право на долю в материальных благах в результате деятельности артистов, но эти блага не составляют дополнительных ресурсов в обществе, они оказались в руках государства в связи с перераспределительными, а не производственными процессами. Артистическая деятельность концертной группы не увеличивает материальное богатство общества, а государство получает возможность распоряжаться лишь частью того, что уже было произведено в предшествующий период. Далее, если в результате этого акта предвидится расширение производства, то и оно будет осуществлено только за счет того труда, который был затрачен в отраслях материального производства. Ведь для осуществления процесса расширенного воспроизводства необходим материальный продукт, а последний был предоставлен обществу (государству) работниками материального производства. Таким образом, не концертная деятельность артистов, а труд работников материального производства дает возможность обществу расширять и увеличивать свое богатство.

Учитывая материальные блага в национальном доходе, мы фактически ведем учет затрат труда. Видимо, в связи с этим некоторые экономисты считают, что национальный доход производится в таких отраслях, как медицина и образование. При этом остается непонятным, почему в ряде других отраслей, оказывающих услуги, которые используются для личного потребления, они не видят этой способности. Труд затрачивается и при оказании услуг, потребляемых обществом в целом, например в обороне.

Затраты труда являются необходимым, но недостаточным основанием для признания их способности создавать общественный продукт и национальный доход. Признание способности труда, оказывающего нематериализованные услуги, которые потребляются человеком, увеличивать национальный доход может привести к абсурду. Предположим, что посещение музеев, которое духовно обогащает человека, мы будем рассматривать как прирост богатства общества. Если в течение каких-то десяти лет все население посетило музеи, то на одиннадцатом году, чтобы не снижать прирост общественного богатства, пришлось бы просить тот же кон-

тингент населения снова посетить музеи. Или возьмем пример из области медицины. В предыдущем году в стране господствовала эпидемия гриппа и поэтому число посещений поликлиник и больниц составило величину x. В текущем году этой эпидемии нет, а потому число указанных посещений снизилось и равнялось уже $x—n$. Означает ли это, что уменьшилось богатство нашего общества? Конечно, нет.

Экономисты, высказывающие взгляд, будто труд по оказанию нематериализующихся услуг участвует в создании национального дохода, отождествляют затраты труда в услугах и производстве материальных благ. Их теоретическое положение фактически сводится к признанию того, что эти затраты создают продукт. В процессе производства труд воплощается в материальных благах, потребляемых обществом, в услугах же непосредственно потребляется сам труд в качестве деятельности. Производство и услуга — это разные политэкономические категории.

Некоторые авторы, ссылаясь на К. Маркса, доказывают существование не только материального, но и других видов производства [1]. Действительно, в «Теориях прибавочной стоимости» употребляются термины «духовное производство», «нематериальное производство» [2]. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что К. Маркс, изучая взгляды своих предшественников, в черновых набросках часто использовал и их терминологию. Однако он не отождествлял материальное производство и затраты труда в услугах, Так, например, когда К. Маркс говорит о духовном производстве, то он имеет в виду совсем не то, что ему стараются приписать. У него речь идет о том, что в этой сфере имеются свои законы развития, которые обусловлены соответствующим способом производства [3]. Следовательно, здесь рассматриваются не производственные отношения, возникающие при оказании услуг, а специфические закономерности развития одной из форм общественного сознания — духовного мира человечества.

2. К вопросу об учете услуг и их эффективности

Хотя по своей экономической сущности услуга представляет собой потребление затрат в виде деятельности, но это не означает, что здесь нет необходимости учитывать затраты труда. Прежде всего процесс затрат труда в потреблении должен постоянно экономизироваться. Поскольку потребление услуг возрастает, то растет и значимость учета труда в услугах и более эффективного применения труда в данной области.

Уже с первых дней существования Советской власти многие наиболее необходимые для личного потребления услуги (образова-

[1] См.: *В. С. Семенов.* Сфера обслуживания и ее работники, стр. 18.
[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 278, 280, 420.
[3] См.: *там же*, стр. 279.

ние, медицинская помощь и т. д.) были исключены из товарного обращения. Это обусловило необходимость заменить стоимостные показатели, применяющиеся для учета и планирования в этих отраслях, натуральными. Потребности практики были удовлетворены путем разработки для каждой отрасли и подотрасли народного хозяйства непроизводственной сферы системы натуральных показателей, отражающих специфические особенности конкретного труда. Это объясняется тем, что в услугах, не воплощающихся в материальных благах, характеристика труда может быть выражена ни в чем ином, как в самом труде. Именно поэтому для учета затрат труда в услугах стоимостные показатели не применяются. Даже в услугах, имеющих товарную форму, наряду со стоимостными показателями используются натуральные показатели, причем они являются основными. Так, на транспорте таким показателем являются пассажирокилометры, в кинотеатрах — заполняемость зрительного зала, число посетителей, в школе — количество классов, количество учеников, количество учителей, количество часов нагрузки и т. д.

Следует заметить, что натуральные показатели характеризуют не только затраты труда, но и потребление. Это и есть отражением того факта, что услуги являются потреблением труда. Различные отрасли непроизводственной сферы представляют собой потребление труда различного рода, поэтому и сами показатели этих трудовых затрат не могут быть одинаковыми. Следовательно, в услугах нет базы для существования универсального показателя, который мог бы учитывать не только величину затрат труда, но и качество его, подобно тому, как стоимость выполняет эту роль в материальном производстве.

В качестве критерия общественной оценки затрат труда в отраслях непроизводственной сферы используется продолжительность рабочего времени. Однако этот критерий, т. е. отработанное время, не может дать представления ни о качественной характеристике затраченного труда, ни о его общественной значимости. Поэтому дальнейшее усовершенствование методов учета трудовых затрат в рассматриваемой области человеческой деятельности развивается в направлении дифференциации технических характеристик труда для каждой отрасли непроизводственной сферы отдельно. Таким образом, сама экономическая форма услуги, с одной стороны, обусловливает невозможность универсальных методов учета затрат труда, а с другой,— вызывает необходимость применения в каждой из отраслей хозяйства и труда, оказывающих услуги, своих специфических показателей.

На первой фазе коммунистического общества существуют еще товарно-денежные отношения и товарное производство и часть услуг, потребляемых населением, реализуется с помощью денег. Поэтому учет результатов деятельности в некоторых отраслях непроизводственной сферы и планирование их работы осуществляется в стоимостных показателях. Это относится к зрелищным организа-

циям, предприятиям пассажирского и городского транспорта, таксомоторным паркам, предприятиям связи и т. п. Товарная форма услуги порождает внешнюю видимость, будто оплачивается не труд в качестве деятельности, а произведенная продукция. Мы уже видели, что в услугах осуществляется не процесс производства, а потребление ранее созданных материальных благ и живого труда в качестве деятельности. Поскольку услуги платные, то потребление опосредствуется реализацией. В основе оценки услуг, имеющих товарную форму, кладутся тарифы, состоящие из следующих элементов: 1) стоимости материальных затрат, 2) заработной платы работников предприятий и учреждений непроизводственной сферы и 3) прибыли. Это обстоятельство также порождает видимость, будто предприятия непроизводственной сферы производят и реализуют свою продукцию.

Итак, услуги существуют в товарной и нетоварной форме. Вследствие этого в непроизводственной сфере используются различные системы учета затрат труда. Стоимостная форма учета труда в услугах существует лишь там, где они приобретают товарную форму. Там же, где она отсутствует, используются натуральные показатели учета. Однако лишь натуральные показатели наиболее точно могут отобразить роль отраслей непроизводственной сферы в жизни общества. Это обусловлено тем, что услуги непроизводственной сферы используются в целях личного потребления, где стоимостные показатели не отражают качественной стороны потребления. Высока или низка цена товара или услуги — это имеет значение для удовлетворения спроса, а не потребностей. Потребителя интересует качественная характеристика товара или труда, так как именно они удовлетворяют его запросы.

Поскольку в услугах, подобно тому, как и в производстве товаров, затрачивается труд, то это обстоятельство и порождает желание разработать и внедрить один универсальный показатель для всего народного хозяйства. Действительно, если бы можно было найти такой универсальный показатель, то это упростило бы работу в области планирования, учета и анализа трудовых затрат в народном хозяйстве. Но, к сожалению, с нашей точки зрения, построение такого универсального показателя невозможно. Ведь стоимостная форма не дает представления об удовлетворении потребности ни в товаре ни в услуге. Когда расчитывают потребление даже материальных продуктов, имеющих стоимость, то и в этих случаях на первый план выступают не стоимостные, а натуральные показатели. Например, согласно рациональным нормам потребления человек должен потребить сахара 33 *кг* в год, мяса—85 *кг*, рыбы — 14,2 *кг* и т. д. При исчислении среднедушевого потребления продуктов питания, предметов одежды и т. д. статистика различных стран, в том числе и капиталистических, приводит данные в натуральных, а не стоимостных показателях. Иначе и не может быть — потребности человека удовлетворяются не стоимостной формой, а физическими мерами продуктов и труда.

Стоимостная форма тоже может дать представление о мере потребления, но, во-первых, лишь на определенную дату, а, во-вторых, она хуже отражает эту меру. Это является следствием того, что при измерении товарного потребления с помощью стоимостной формы мы должны учитывать возможность изменения стоимости на стороне товара и на стороне денег. Напротив, измерение потребления в физических единицах характеризуется стабильностью этих единиц, а следовательно, лучше по сравнению со стоимостной формой отражает потребляемое количество продуктов и услуг.

Если мы читаем в литературном источнике, что население США ежегодно тратит на медицинскую помощь более 20 млрд. дол., то этот факт еще ничего нам не говорит о том, хорошо или плохо удовлетворяются потребности населения этой страны в лечении недугов. Увеличение расходов на услуги может быть вызвано и действительно вызывается в капиталистических странах ростом цен и поэтому оно не является свидетельством более полного удовлетворения потребностей в услугах. Таким образом, стоимостная форма не дает возможности правильно отобразить реальное состояние потребления услуг даже в тех странах, где товарное хозяйство является всеобщим.

Факт, согласно которому основой всякого общественного богатства является труд, давно известен экономистам. Однако в обществе, где существуют товарно-денежные отношения, богатство учитывается как материализованный труд, выраженный в стоимостной форме. Это касается всех произведенных материальных благ. Но существуют затраты труда, которые не материализуются. Среди них большое место занимают услуги, используемые в целях личного потребления. Следовательно, общество в целях удовлетворения личных и общественных потребностей вынуждено затрачивать труд, одна часть которого способна материализоваться, а другая — нет. Весь этот труд и представляет реальное богатство, разница состоит лишь в том, что один его вид учитывается в качестве воплощенных результатов, а другой — как сама деятельность.

Когда наша государственная статистика учитывает произведенный национальный доход, т. е. материализованный труд, то его оценка производится при помощи стоимостной формы, в миллиардах рублей. При учете обеспеченности населения услугами, наиболее точным из ныне действующих показателей является показатель их доступности, например, показатель количества тех, кто оказывает эти услуги в расчете на определенное количество населения (количество врачей в расчете на 1 тыс. или 10 тыс. населения; количество студентов на 1 преподавателя и т. д.).

Вопрос о стоимостной оценке услуг, используемых для личного потребления, возник в нашей стране относительно недавно. В 50-х годах советские экономисты стали больше заниматься вопросами потребления, и в частности методикой расчета фонда потребления. При детальном изучении этой проблемы была открыта такая экономическая категория, как общественные фонды потребления. Для

исчисления объема этих фондов ЦСУ решило использовать стоимостной показатель, который включает: сумму стоимости потребленных материальных благ в учреждениях, оказывающих бесплатные услуги, и заработной платы персонала, оказывающего их, а также другие выплаты и льготы населению. При этом делается оговорка, что в фонд потребления включается не весь объем общественных фондов потребления, а только материальные блага, показанные в них. Но сам факт возможности единой оценки материальных благ и нематериальной деятельности послужил как бы официальным признанием правомерности стоимостного выражения услуг. Поэтому ряд экономистов в своих работах начали подвергать критике расчеты фонда потребления ЦСУ, доказывая, что последние, уменьшая объем этого фонда, искажают действительное положение.

Сопоставление экономических показателей производства и потребления нашей страны и стран капиталистического мира поставило перед экономистами задачу — найти способ сравнения потребления оказываемых услуг. Эти обстоятельства обусловили то, что в работах советских экономистов 50 и 60-х гг. стал широко обсуждаться вопрос о поисках универсального показателя оценки услуг и способах его конструирования.

Затраты труда в услугах, используемых в целях личного потребления, действительно расширяют его границы. Поэтому нельзя согласиться с мнением, будто услуги ничего не создают и что «единственным источником потребления является созданный в текущем году национальный доход» [1]. Из того факта, что производство материальных благ является основой всей жизнедеятельности общества, нельзя делать вывод об отсутствии других видов человеческой деятельности, удовлетворяющих потребности людей. Однако, признавая необходимость производственной и непроизводственной деятельности в обществе, нельзя, по нашему мнению, выступать с требованием о введении единых измерителей для разнородных по своей экономической сущности видов труда. Попытки дать денежную оценку, услуг таких отраслей непроизводственной сферы, как здравоохранение, просвещение и т. д., с нашей точки зрения, не смогут найти положительного решения.

Необходимо отметить, что проблема стоимостной оценки услуг в нашей литературе рассматривается только по отношению к тем услугам, которые используются в личном потреблении. Это объясняется желанием отобразить реальный факт — расширение объема личного потребления, но при этом забывают, что натуральные показатели лучше, чем стоимостные, отражают это положение. При социализме многие услуги оказываются бесплатно. Однако существование товарного производства обусловливает необходимость пользоваться и стоимостными показателями. И практика планирования свидетельствует о том, что эти показатели исполь-

[1] «Вопросы экономики», 1964, № 4, стр. 138.

зуются довольно успешно, но только в определенной области. Так при планировании развития отраслей непроизводственной сферы, оказывающих бесплатные услуги населению, определяется стоимость предназначенных к потреблению материальных благ в учреждениях этой сферы, а также денежная заработная плата их персонала. Такое применение стоимостных показателей рационально, так как оно определяет расход материальных ресурсов и денежных средств.

Сторонники стоимостного учета нематериализующихся услуг пытаются оценить не расход средств на оказание этих услуг, а стоимость последних. По методологии оценки бесплатных услуг и построению стоимостных показателей этих услуг были выдвинуты два предложения. Суть их заключается в следующем. Часть экономистов предлагает учитывать стоимость бесплатных услуг в национальном доходе на основе стоимости материальных расходов на эти услуги и заработной платы тех, кто оказывает их. Другие сторонники стоимостной оценки нематериальных услуг идут дальше, и предлагают дооценивать бесплатные услуги на сумму средней нормы прибавочного продукта [1].

Мы считаем, что прибавочный продукт не имеет места в услугах. Он возникает только в процессе производства материальных благ. Оказание услуги, не воплощающейся в материальных благах, как уже было показано, есть потребление труда, а в процессе потребления труд не обладает способностью созидать прибавочный продукт. Поэтому нельзя согласиться с предложением о дооценке услуг на сумму прибавочного продукта. Оценивать материальные блага, расходуемые при оказании услуг, нет надобности, так как эти блага уже учтены обществом в национальном доходе, потребление же не увеличивает их, а уничтожает. Оценивать при оказании услуг необходимо затраты живого труда в качестве деятельности. Однако эти затраты, если исходить с позиций марксистской политэкономии, в стоимостной форме учесть нельзя, поскольку труд стоимости не имеет.

Для практических целей планирования, учета и анализа труда в услугах, как уже отмечалось, имеется система натуральных показателей, которые с успехом используются внутри каждой страны не только социалистической системы, но и капиталистической. Необходимость в стоимостном показателе бесплатных услуг возникает при сравнении показателей по потреблению услуг между странами. Однако нам представляется, что стоимостные показатели не смогут служить основой для подобных сопоставлений. Так, главным в работе вузов является выпуск высококвалифицированных специалистов и, когда мы сравниваем выгоды населения в возможности получения высшего образования, то показывает, какое количество студентов приходится на 1000 жителей страны, а не «произведенную стоимость» в области высшего образования. При опреде-

[1] См.: *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 86—92.

лении выгод населения от существования той или иной системы образования сравнивают количество человек, имеющих определенный образовательный ценз (неполное, среднее и высшее образование) в расчете на 1000 человек населения, а не количество расходуемых средств.

В связи с этим по вопросу пригодности стоимостной оценки услуг для международных сравнений потребления небезынтересно мнение буржуазных экономистов, которые, как известно, стоимостной оценке придают решающее значение. Так, английский экономист Алек Ноув по этому поводу замечает: «Если кто-либо считает, что наша собственная концепция проста для применения на практике, то представляем ему возможность разобраться в одном из методов, с помощью которого английские статистики исчисляют чистый продукт в банковском деле и страховании. Действительно, советское предложение имеет довольно сильный аргумент: международные (а также до некоторой степени и сравнения во времени) сравнения совокупностей материальных товаров, какими бы совершенными они нам ни казались, имеют более логичную почву, чем сравнение любых совокупностей услуг»[1]. И дажее автор, продолжая свои рассуждения, указывает: «Предположим, что оплата труда американского солдата или преподавателя в несколько раз выше оплаты русского солдата или учителя. Тогда возникает вопрос, какой смысл могут иметь подобные цифры для сравнения объема образовательных или военных услуг?»[2] Мы видим, что даже буржуазные экономисты указывают на то, что стоимостная оценка услуг не может дать правильного представления об объеме удовлетворения потребностей в различных странах.

Дискуссия по поводу того, имеют ли услуги стоимость или не имеют, еще продолжается, но сторонники стоимостной формы учета услуг сумели добиться включения в плановые расчеты синтетического показателя потребления материальных благ и услуг. Показатель потребления материальных благ и услуг имеет свою методику счета и даже применялся при разработке плана развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.[3] Статистические органы нашей страны не пользуются таким показателем. Не вдаваясь в споры о методике расчета общего фонда потребления, следует отметить, что здесь представлена попытка учесть затраты труда, которые не принимают материальной формы. Однако нельзя забывать об общем недостатке этих попыток — условности используемых показателей.

А на эту деталь стоит обратить внимание. Кто хочет быть последовательным в учете всех затрат труда, затраченного обществом на оказание услуг, тот неизбежно должен дать стоимостную оценку всем услугам, потребляемым обществом (суд, милиция и т. д.). Но

---

[1] *Alec Nove.* The Soviet Economy, L., 1961, p. 252.
[2] *Там же.*
[3] См.: *В. Ф. Майер.* Планирование реальных доходов, М., 1966, стр. 9.

поскольку в данном случае мы имеем дело с конкретным трудом, а не абстрактным, то сопоставление на основе стоимостных показателей невозможно. С точки зрения важности многие так называемые «социальные услуги» занимают ничуть не меньшее место, чем услуги, используемые для личного потребления. Но учет затрат в этом виде услуг неизбежно приведет нас к вульгарным буржуазным трактовкам национального дохода и личных доходов населения. Следовательно, допуская стоимостную оценку личных услуг в фонде потребления, необходимо помнить об условности ее. Статистические органы пользуются стоимостной оценкой этих услуг, но это не учет затрат труда в стоимостной форме, а реализации денежных доходов. Так, в балансе доходов и расходов населения наша официальная статистика считается с тем, что денежные поступления идут в государственную кассу не только в результате реализации материальных благ, первичного распределения общественного продукта, но и от реализации услуг, т. е. в результате перераспределительных процессов. Планирование денежных поступлений от реализации услуг преследует лишь одну цель — определить количество денег, которые поступят в государственную кассу.

Сторонники стоимостного учета услуг в составе фонда потребления исходят из того, что услуга — это нематериальная потребительная стоимость. Так, С. П. Фигурнов пишет: «Не будучи носителями стоимости, многие услуги имеют тем не менее реальную потребительную стоимость» [1]. Как видно, здесь заблуждение опирается на неверную трактовку самих услуг. Кроме того, этот автор не ставит самой проблемы оценки услуг, принимающих натуральную форму.

Экономико-статистическая практика ввела в научный оборот такую категорию, как общественные фонды потребления. В них достаточно полно отражены расходы общества на потребление трудящихся, независящие от оплаты по труду. В этом показателе и дается общественная оценка той части труда (заработная плата работников, оказывающих бесплатные услуги населению), которая идет в личное потребление трудящихся в виде деятельности. С нашей точки зрения только показатель реальных доходов действительно отражает потребление. Расходы же на оплату труда контингента, оказывающего населению нематериализующиеся услуги бесплатно, не могут отразить реальных процессов потребления, а также его объем. Это разнородные показатели: расходы исчисляются в денежном выражении, а наиболее точными в потреблении являются натуральные показатели. Поэтому использование некоторыми экономистами показателя потребления населения как суммы реальных доходов и заработной платы трудящихся, оказывающих нематериализующиеся услуги, нельзя признать правомерным. Для сопоставления фонда потребления в различных государствах, а

[1] *С. П. Фигурнов.* Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962, стр. 190.

также за различные периоды в одной стране стоимостной показатель услуг также не пригоден. Ведь оценке подлежит не сам факт оказания услуг, а лишь заработная плата того контингента, который призван оказывать эти услуги. Так, если затраты на заработную плату возрастают в связи с повышением ее, а не увеличением контингента работников, оказывающих услуги, то при прочих равных условиях это вовсе не означает, что население получает больше услуг. Здесь имеет место лишь тот факт, что общество стало лучше оплачивать труд тех, кто оказывает услуги.

Вопрос учета эффективности затрат труда на услуги имеет две стороны. Первая из них заключается в том, что учет должен помочь более экономно расходовать средства, выделенные на оказание услуг, т. е. это вопрос экономного расходования трудовых ресурсов в потреблении. В каждой из отраслей непроизводственной сферы имеется своя экономическая служба, которая, исходя из своих специфических условий, находит оптимальный вариант решения того или иного вопроса. Экономика народного просвещения должна дать ответ на вопрос, какая школа наиболее экономична, экономика медицины — какая больница наиболее экономична и т. д. Развитие отраслевых экономик непроизводственной сферы — насущная потребность нашей практики. Это объясняется тем, что с развитием общества все больше и больше средств расходуется на непроизводственное потребление и поэтому экономизация последнего приобретает особо важное значение.

Эффективность затрат в платных услугах имеет свои особенности. Предприятия и организации, оказывающие платные услуги населению, осуществляют хозрасчетную деятельность. Но показатель хозрасчетной рентабельности не отражает ни эффективности затрат труда в услугах, ни их роли в удовлетворении потребностей населения. Рентабельность деятельности некоторых зрелищных предприятий может быть очень высокой, а их роль в удовлетворении разумных потребностей может быть даже отрицательной. Так, бега на ипподроме, благодаря тотализатору, приносят большой доход, но это приводит к разжиганию нездорового азарта. Прокат безыдейных фильмов тоже может дать большие сборы, но это противоречит назначению искусства. Следовательно, количественные результаты деятельности в приведенных примерах не совпадают и даже противоречат качественным показателям. В условиях социалистического общества, где ряд нематериализующихся услуг используется в целях формирования коммунистического мировоззрения, даже в хозрасчетных организациях на первом плане должен стоять не показатель прибыльности, а качество оказываемых услуг, их воспитательное значение. Оптимальность в этой области — сочетание высокого качества услуг с их рентабельностью.

Вторая сторона учета эффективности затрат общества на услуги состоит в выявлении влияния последних на производство. Как уже отмечалось, многие виды человеческой деятельности расширяют границы личного потребления, увеличивая его объем. Затрачен-

ный здесь труд может косвенным образом способствовать увеличению материального богатства в обществе. Хорошо налаженное медицинское обслуживание, оберегая население, в т. ч. и людей, работающих в материальном производстве, от инфекционных заболеваний, способствует увеличению выпуска продукции. Хорошо поставленная физкультурно-массовая работа на предприятии также способствует повышению тонуса производственников, что в конечном счете сказывается на производительности их труда. Давно уже выяснено, что повышение общеобразовательного уровня населения является одним из элементов, определяющих рост производительности труда в стране. Еще К. Маркс доказал, что квалифицированный труд за один и тот же промежуток времени создает больше стоимости, чем неквалифицированный.

Некоторые экономисты, рассматривая отдельные отрасли непроизводственной сферы, выражают эффективность произведенных затрат в определенной сумме прироста национального дохода. Такие расчеты по эффективности образования были произведены академиком С. Г. Струмилиным [1], а также профессором В. А. Жаминым [2]. Предпринимались также попытки исчислить эффективность затрат в области здравоохранения [3].

С нашей точки зрения, работы в области определения эффективности затрат в услугах имеют определенный экономический смысл. Часть нематериализующихся услуг, используемых в личном потреблении, сберегает время, затрачиваемое на непроизводственные процессы, или высвобождает работников от непроизводственной деятельности. И эффективность этого рода услуг можно определить количеством сбереженного времени в обществе. Однако оценивать сбереженное время количеством произведенного национального дохода нельзя, так как не всегда оно будет использовано в производстве. Кроме того, высвобожденное время может быть использовано для развития человека как личности и в этом смысле оно само по себе представляет для социалистического общества богатство.

Разрабатывая вопросы эффективности затрат труда в услугах, необходимо учитывать некоторые моменты. Чтобы определить воздействие затрат в услугах на производство, следует разграничивать эти услуги на те, которые оказывают влияние на производство материальных благ (хотя это влияние опосредствовано и точно определить его эффект нельзя) и услуги, используемые для личного потребления, результаты которых нельзя учесть даже приблизительно. К. Маркс по поводу последних указывал: «При данных условиях производства всегда точно известно, сколько нужно рабочих для того, чтобы сделать стол, как велико должно быть количе-

[1] См.: «Экономическая газета», 1962, № 14, стр. 28.

[2] См.: *В. А. Жамин, Г. Е. Егизарян.* Эффективность квалифицированного труда. М., 1968, стр. 113—125.

[3] См.: Строительство коммунизма в СССР и социально-гигиенические проблемы медицины. Горький, 1964, стр. 99.

ство определенного вида труда, чтобы изготовить определенный продукт. Иначе обстоит дело с многими «нематериальными продуктами». Здесь определение количества труда, требующегося для получения определенного результата, является столь же гадательным, как и самый результат» [1]. К числу первых можно отнести затраты общества на образование, повышение квалификации, науку, здравоохранение.

Затраты на здравоохранение и образование оказывают влияние на производство материальных благ, воздействуя на рабочую силу. «*Первая производительная сила всего человечества,*— писал В. И. Ленин,— *есть рабочий, трудящийся*» [2]. Повышение производительности труда рабочего может идти как за счет лучшего оснащения орудиями производства, так и за счет улучшения личного потребления, т. е. внешних и внутренних субъективных факторов. В последнем случае, улучшая личное потребление, мы получаем эффект в производстве, однако последний не поддается точному измерению, и попытки, предпринятые в этом направлении, по нашему мнению, не могут привести к положительным результатам. Если нельзя точно выразить каков производственный эффект от улучшения питания, то тем более немыслимо это сделать в области потребления услуг. Здесь можно судить лишь об общем направлении воздействия лучшего потребления. В результате увеличения потребления личных услуг, невоплощающихся в материальных благах, общество получает такой же эффект, как и в том случае, когда фонд потребления доведен до уровня, необходимого для поддержания рабочей силы в нормальном состоянии.

Точно выразить эффект воздействия образования и здравоохранения на увеличение национального дохода при современном уровне знания нельзя. Существующие расчеты фактически пытаются измерить влияние на производство непроизводительного потребления. Не отрицая важности определения влияния рассматриваемых услуг на материальное производство, мы лишь отмечаем, что на современном этапе эти расчеты носят условный характер, а потому и выражают эффект весьма приблизительно. Видимо, более плодотворным должен оказаться поиск методик определения эффективности различных мероприятий путем сопоставления затрат и эффекта, полученного в результате этих затрат.

Степень эффективности затрат на фундаментальную науку, здравоохранение, образование нельзя определять только с точки зрения производства и богатства да еще и за небольшой отрезок времени. Результаты деятельности в этой области должны оцениваться с позиций не сегодняшнего дня, а перспектив развития общества. Кроме того, эти услуги оказывают воздействие не только на производство материальных благ, но и на многие стороны общественной жизни.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 261.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 359.

Таким образом, расчеты эффективности отдачи затрат на науку, здравоохранение и просвещение, будучи сами по себе весьма условными, не могут определить фактического увеличения национального дохода за счет этих факторов. Ведь когда идет речь о национальном доходе, то имеется в виду отдача затрат труда за прошлый год. Эффект же отдачи затрат на указанные услуги, во-первых, проявляется лишь через определенное время, а, во-вторых, сама эта отдача может длиться ряд лет. Например, рабочий с десятиклассным образованием осваивает сложную специальность на производстве значительно быстрее, чем рабочий без образования. Производительность труда первого больше, чем второго. Но при этом эффект затрат на образование проявился лишь после десяти лет и будет продолжаться на протяжении всей трудовой деятельности рабочего. Затраты на фундаментальные открытия длятся десятки и несколько десятков лет, а применение их в производстве может продолжаться столетиями.

Существует много таких видов услуг, эффект воздействия которых на производство, с нашей точки зрения, вообще не может быть определен. Это прежде всего услуги зрелищных предприятий. Хотя они и воздействуют на эмоциональное состояние зрителей, но степень этого воздействия неизмерима уже хотя бы потому, что каждый субъект воспринимает его по своему.

Деятельность по оказанию услуг, используемых для личного потребления, расширяет объем этого потребления, но это становится возможным лишь потому, что существует материальное богатство. Следовательно, расширению деятельности по оказанию услуг должно предшествовать увеличение материального богатства общества, его национального дохода. Поэтому утверждение о том, будто улучшение медицинского обслуживания преследует цель увеличения общественного богатства, нельзя считать правильным. Наоборот, общество может больше содержать врачей и больниц тогда, когда оно стало богаче.

Таким образом, рассмотрение вопроса об учете услуг приводит к выводу о том, что наиболее верную характеристику затратам труда в услугах, не воплощающихся в материальных благах, можно дать лишь с помощью натуральных показателей, специфичных для каждой из отрасли и подотрасли непроизводственной сферы. Учет эффективности затрат на услуги предполагает, с одной стороны, экономию трудовых ресурсов, направляемых на потребление, а с другой — поиск показателей эффективности отдачи этих затрат. Разработка показателей как экономизации затрат на потребление, так и эффективности отдачи этих затрат по ряду отраслей непроизводственной сферы является неотложной задачей нашей экономической науки, для решения которой необходимы специальные исследования.

3. Критика буржуазных концепций учета услуг при исчислении национального дохода

Определение сущности национального дохода всегда вызывало в науке острые споры. Научно обоснованное определение национального дохода как вновь созданной стоимости дал К. Маркс. Но буржуазные ученые стараются это определение замолчать и выдвинуть свое, которое облегчило бы дело защиты интересов господствующих классов капиталистического общества. Именно поэтому в экономической литературе капиталистических стран эта категория трактуется иначе. Все буржуазные определения национального дохода направлены на то, чтобы запутать вопрос о действительных творцах богатства и неравномерности его распределения.

Различные школы буржуазной политической экономии стремятся доказать, будто всякий вид труда участвует в создании национального дохода. Буржуазные ученые стоят на той точке зрения, что и услуги создают доход наций, и с этой целью им приходится вновь и вновь обосновывать производительный характер любого труда независимо от сферы его приложения.

Борьба научной политической экономии против вульгаризаторов теории создания национального дохода и производительного и непроизводительного характера труда имеет давнюю историю. Хотя со времени возникновения полемики по этим проблемам прошло почти 200 лет, но и до сих пор представители разных школ буржуазной политической экономии стараются отыскать все новые и новые доказательства того, будто всякий труд следует считать производительным, а разграничение его на производительный и непроизводительный является ошибочным и необоснованным. Детальное рассмотрение приводимых ими доводов говорит о том, что они мало чем отличаются от тех аргументов, которыми оперировали апологеты буржуазии при возникновении в науке споров по этим проблемам.

Даже некоторые из буржуазных ученых стали уже замечать, что по ряду вопросов современная буржуазная политическая экономия повторяет давно известные положения вульгарной политической экономии прошлого столетия. Так, буржуазный историк экономических учений Хени отмечает, что экономической мысли капиталистических стран присуще цикличное движение, т. е. что она возвращается к ранее выдвинутым доктринам [1]. Подобную же мысль по поводу отсутствия оригинальных теоретических идей в современной буржуазной политэкономии высказывает известный на западе экономист Иосиф Шумпетер [2].

Еще К. Маркс отмечал, что существует целый ряд причин, которые побудили апологетов буржуазии вульгаризировать учение представителей классической буржуазной политической экономии

---

[1] См.: *H. Hany.* History of Economic Thought. New York, 1949, p. 941.

[2] См.: *I. Shumpeter.* History of Economic Analysis. New York, 1954, p. 1145.

о производительном и непроизводительном труде. Во-первых, прислужникам буржуазии, работающим в государственном аппарате и на других высоких должностях, не нравилось, что по этой теории их наравне с шутами, домашней челядью, прислугами и лакеями относят к разряду дармоедов, паразитов, живущих за счет действительных производителей. Ведь именно теория о делении труда на производительный и непроизводительный доказывала, что расходы на содержание лиц указанных категорий не имеют никакого отношения к производству, а поэтому их нужно свести по возможности до минимума.

Во-вторых, на протяжении истории то одни, то другие экономисты-теоретики объявляли тех или иных агентов производства (земельных собственников — Д. Рикардо, торговца — Кери) непроизводительными. Буржуазия же и ее идеологи пошли на компромисс, в результате которого признали все категории населения производительными. Они тем самым пытались доказать, что буржуазный мир является самым лучшим на земле.

В-третьих, с подчинением капиталу тех сфер общественной жизни, которые непосредственно не относятся к созданию материального богатства, апологеты буржуазии стали оправдывать и возвеличивать любую сферу, связанную с производством материального богатства. Вульгаризаторы политической экономии оказывали почести непроизводительным работникам, объявляя их производительными с той точки зрения, что они состоят на службе у капитала и увеличивают его.

Представители современной буржуазной политической экономии точно также пытаются доказать, будто нет смысла разделять труд на производительный и непроизводительный. Так, английский буржуазный экономист Альфред Маршал, рассматривая всякий труд как производительный, писал: «Нет никакого различия в характере труда того, кто содержит семью и того, кто варит для нее картошку» [1]. Это сравнение не имеет научного обоснования. А. Маршал сопоставляет различные категории труда: наемный труд и труд в домашнем хозяйстве, связанный с потреблением продуктов в семье. Эти категории имеют разное значение не только с точки зрения своей цели, но и со стороны социально-экономического характера труда. Поэтому первый вид труда при капитализме является производительным трудом, а второй — непроизводительным. Известный буржуазный экономист США Э. Хансен утверждает, что в отраслях, производящих услуги, труд также является производительным, как и в тех, которые изготовляют материальные предметы [2]. Мы видим, что экономическая категория производительного труда трактуется буржуазными экономистами с позиций создания каких-либо благ. Поскольку же под благами они понимают как

---

[1] См.: *A. Marshal.* Principles of Economics, Sixth ed. London, 1910, p. 66.

[2] См.: *Э. Хансен.* Экономические циклы и национальный доход. М., 1959, стр. 331.

материальные, так и нематериальные ценности, то с их точки зрения всякий труд является производительным.

Отождествляя непроизводительный труд с производительным и игнорируя первую категорию, буржуазные экономисты тем самым выполняют социальный заказ — маскируют капиталистическую эксплуатацию. Ведь если производство материальных благ тождественно по своему значению нематериальным услугам, то выходит, что все виды деятельности в обществе равнозначны. Капитал и его агенты оказывают обществу услуги и получают за это вознаграждение, а работники получают заработную плату за свой труд. Таким образом, выходит, что распределение вполне справедливо: в первом случае вознаграждаются «услуги» капиталиста, а во-втором — «услуги» труда. Этим апологеты буржуазии и стараются доказать басню о равноправном партнерстве наемных работников и их хозяев-предпринимателей.

Апологеты буржуазного общества утверждают, будто существует три фактора, обусловливающие увеличение национального дохода, а именно: земля, труд и капитал. Соответственно им существует и три источника доходов: земельная рента, заработная плата и доход на капитал. Хотя эта теория была выдвинута в прошлом столетии, однако и до сих пор буржуазные ученые используют ее в целях защиты господствующего строя. К. Маркс подверг эту теорию уничтожающей критике. Она,— говорил он,— «соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода»[1].

Стремление во что бы то ни стало доказать отсутствие научных основ классификации труда на производительный и непроизводительный имеет целью оправдать также рост паразитизма и милитаризма современного капиталистического общества.

Так как каждый вид деятельности, по теории буржуазных экономистов, является производительным, то и оплата его — явление вполне закономерное. Поэтому доход, получаемый государственными служащими, полицией, военнослужащими и другими категориями лиц, охраняющими власть эксплуататоров, рассматривается этой так называемой научной теорией компенсации за оказанные услуги. Таким образом, буржуазные ученые стараются обосновать свою теорию о гармоничности капиталистического общества. Поскольку такому тезису мешает теория разграничения труда на производительный и непроизводительный, то они пытаются найти доказательства о несостоятельности этой теории. Однако такие стремления, несмотря на 200-летний стаж, не дают положительных результатов.

Проблема разграничения производительного и непроизводительного труда с точки зрения простого и расширенного воспроизводства тесно связана с вопросом об источниках создания националь-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 399.

ного дохода, распределения и перераспределения его. Еще А. Смит отметил, что национальный доход страны создается лишь производительным трудом. Именно против этого тезиса и ведут борьбу апологеты буржуазии. Так, английский экономист Колин Кларк пишет: «Крупнейшей ошибкой со стороны А. Смита была попытка исключения услуги из понятия реального национального продукта» [1]. Мы видим, что современный буржуазный экономист, подобно своим предшественникам, жившим в прошлом столетии, старается убедить читателей в том, будто бы потребители национального продукта являются не потребителями, а производителями этого продукта. Критикуя одного из своих современников графа Лодерделя, К. Маркс говорил, что этот граф «ставил себе целью *апологетически представить потребителей как производителей «непроизводительного труда»* [2].

Некоторые буржуазные экономисты, чтобы запутать дело, доказывают, что проблема производительного и непроизводительного труда не имеет ничего общего с марксистской теорией и практикой исчисления национального дохода. Например, в своей статье «Карл Маркс и советская теория национального дохода» один из буржуазных экономистов США Б. Холесовский пытается доказать, будто Маркс «отрицал материальность в качестве критерия производительного характера труда» [3]. Как видно, Холесовский хочет по-своему «истолковать» марксистское учение для того, чтобы доказать возможность зачисления в состав национального хода и так называемых нематериальных благ. У К. Маркса действительно есть обозначение производительного характера труда с точки зрения определенных производственных отношений, которое не связывается с материальностью результатов труда, но тут речь идет не о национальном доходе, а об охвате определенными производственными отношениями труда в разных отраслях хозяйства. Когда же К. Маркс рассматривает проблему создания национального дохода буржуазного общества, то он определяет производительный характер труда в хозяйствах, ведущихся на основе простого и расширенного воспроизводства.

Капиталистический строй — это строй, где господствует товарное производство, а само богатство выступает как совокупность материальных ценностей. Именно поэтому национальный доход может быть исчислен только как затраты труда, которые воплощены в материальных ценностях. Ряд видов нематериальной человеческой деятельности при капитализме принимает вид товара. Хотя здесь речь может идти лишь об оплате услуги как деятельности, и если последняя не имеет материальной формы, то она не только не имеет стоимости, но и не может иметь оценки в сравнении. Кроме того, а это главное, буржуазное общество исчисляет свое богат-

---

[1] *C. Clark.* The Conditions of Economic Progress. New York, 1957, p. 6.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 294.
[3] The American Economic Review. Volume LI, № 3, June, 1961, p. 329.

ство как совокупность материальных ценностей, а деятельность, если она не воплощается в материальных благах, не оставляет после себя следа, поэтому и не может быть исчислена. Вот почему в национальном доходе учитывается не каждый истраченный труд, а в определенной форме, т. е. такой, который материализируется.

Маркс доказал, что национальный доход общества создается в отраслях материального производства и в торговле постольку, поскольку продолжается процесс материального производства в сфере обращения. Буржуазные же экономисты исходят из других позиций. Они стараются во что бы то ни стало доказать, что под производством следует понимать создание не только материальных благ, но и услуг. Так, английский профессор Э. Девонс пишет: «Существует важное различие между факторным и трансфертным доходом. Факторный доход включает некоторую часть сферы услуг, которая производит продукцию, причем (слово производство понимается в широком смысле), включая услуги различных видов, в т. ч. и службу в вооруженных силах» [1]. По его мнению, лишь трансфертные доходы (выплаты пенсий и процентов по национальному долгу) не вносят лепты в производство.

Стараясь запутать вопрос о создании национального дохода, представители современной буржуазной политической экономии создают теории об экономической и неэкономической деятельности. Исходя из этого экономист США Симон Кузнец указывает: «Стало обычным явлением проводить различие между экономической и неэкономической деятельностью на основе критерия связи с рынком. Всякая деятельность, продукты которой или продаются на рынке или в основном предназначены для него, считается экономической деятельностью» [2]. Таким образом, если услуги могут быть связаны с рынком, то, по мнению Кузнеца, это уже экономическая деятельность, которую следует считать производством. Мы видим, что последний, как и Девонс, старается представить услуги как разновидность производства.

Следует отметить, что сам термин услуги употребляется буржуазными экономистами не как определение некоторых производственных отношений, а для определения созданной полезности. Само общество ими рассматривается не со стороны процесса производства в системе производственных отношений, а как отношения между людьми, строящиеся на взаимном обмене услуг. Вот почему такое толкование, с одной стороны, выгодно для замаскирования сущности производственных отношений в обществе, а с другой,— не имеет ничего общего с наукой.

Марксистско-ленинская политическая экономия рассматривает услуги не как выгоды, которые возникают в результате той или

---

[1] *E. Devons.* An Introduction to British Economic Statistics. Cambridge, 1956, p. 216.

[2] *S. Kuznets.* National Income. A Summary of Findings. New York, 1946, p. 122.

иной деятельности людей, а как отношения, отображающие процесс перераспределения созданного богатства, процесс использования части труда общества не для обогащения, а в целях потребления. Труд в услугах может потребляться отдельными индивидуумами или расходоваться в общественном масштабе. Если говорится об услугах, то имеется в виду не некоторая выгодность вещи, не некоторое благо, а затрата труда с целью его потребления. Вот почему марксистская политическая экономия к услугам причисляет, что кажется на первый взгляд удивительным, такие разные роды человеческой деятельности, как труд учителя и службу полицейского, труд певца и работу клерка в государственной канцелярии или работу министра правительства.

В настоящее время, как и в прошлом, буржуазные экономисты не перестают вести борьбу против научной теории производительного и непроизводительного труда потому, что она разоблачает эксплуататорский характер капиталистического общества, доказывает, что именно господствующие классы живут и содержат свою челядь за счет труда производительных рабочих. Особенно злободневным вопросом этого плана является оправдание содержания чрезмерно раздутого военно-полицейского аппарата. Поэтому не случайно большинство буржуазных политэкономистов старается убедить плательщиков налогов, т. е. трудящиеся массы, в том, будто капиталистическое государство является аппаратом, осуществляющим производство. Так, например, К. Шоуп, один из «теоретиков» США в области национального дохода, вслед за С. Кузнецом утверждает, что «правительство производит прибыль в том случае, если оно получает больше в виде налогов, чем расходует и, таким образом, создает национальный доход (в дополнение к заработной плате, которую оно выплачивает)» [1]. Даже в официальной статистике таких стран, как Англия и США, органы государственной власти учитываются как производственные единицы, дающие продукцию подобно отраслям материального производства.

Следует иметь в виду, что современная буржуазная политическая экономия не знает точного обозначения экономической категории национального дохода. В конце прошлого столетия, рассматривая социально-экономическое содержание категории национального дохода, В. И. Ленин писал: «Полная спутанность представлений о национальном доходе господствует вполне у экономистов и до сих пор» [2]. Как видно из вышеизложенного, эти слова В. И. Ленина и сегодня злободневны. Буржуазные экономисты вместо того, чтобы дать научное определение производству материальных благ, ведут речь о секторах, из которых состоит это производство. Так, Колин Кларк в своей книге «Условия экономического прогресса» писал: «До сих пор мы рассматривали производительность в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, добывающей

[1] *C. Shoup.* Principles of National Income Analysis. New York, 1947, p. 137.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 52.

промышленности; остается важная отрасль, которую мы можем назвать для удобств индустрией услуг, сюда входит, конечно, огромное разнообразие видов деятельности» [1]. Мы видим, что под индустрией услуг как сектором хозяйства можно понимать все, что захочется автору. И действительно, буржуазные экономисты в сектор услуг (servis) включают как производство материальных благ, так и деятельность по оказанию нематериальных услуг. Американский буржуазный экономист Виктор Фюч, определяя состав сектора услуг США, пишет: «Этот сектор (включая торговлю, финансы, страхование и недвижимое имущество, личное, профессиональное, предпринимательское и ремонтное обслуживание и общее управление) в настоящее время насчитывает более половины всех занятых и на него приходится более половины совокупного национального продукта» [2]. Как мы видим, в приведенном перечне отраслей, отнесенных к сектору обслуживания, есть отрасли материального производства (ремонтное «обслуживание»), отрасли непроизводственной сферы (торговля, финансы, общее управление, а последнее в то же время является и услугой) и, наконец, потребление произведенного материального продукта (недвижимое имущество). «Учение» о секторе услуг как отрасли хозяйства буржуазным экономистам необходимо для того, чтобы обосновать возможность и необходимость отождествления труда в материальном производстве и в отраслях непроизводственной сферы, оказывающих услуги, а также производства и потребления национального дохода.

Услуги как сектор хозяйства выделяются почти всеми буржуазными экономистами. К сожалению, этот антинаучный тезис был принят на веру и некоторыми советскими экономистами. Поэтому в целом ряде работ, особенно по вопросам капиталистической экономики, можно встретить такие категории, как сфера обслуживания, занятость в обслуживании и т. п. Ранее уже было показано, что сфера обслуживания — это аморфное понятие, которое может включать как труд в материальном производстве, так и в непроизводственной сфере. Многие экономисты социалистических стран безоговорочно берут данные буржуазной статистики о сфере услуг и используют их для характеристики развития непроизводственной сферы.

Подменяя научное разграничение деятельности людей на производственную и непроизводственную сферы делением ее на три сектора хозяйства, буржуазные экономисты тем самым стараются создать свою концепцию развития общества. Так, К. Кларк утверждает, что общество не знало ни рабовладельчества, ни феодализма, ни капитализма, ни социализма. Каждая страна, с его точки зрения, проходит лишь аграрную стадию, потом промышленную и, наконец, стадию преимущественного развития сферы услуг, которая

---

[1] *C. Clark.* The Conditions of Economic Progress. New York, 1952, p. 375.

[2] *Victor Fuchs.* The Growing Improtance of the Servise Industries. New York, p. 1.

ведет к выравниванию доходов в обществе. Таким образом, вновь мы имеем дело с пресловутой «теорией», проповедующей, будто гармония и благоденствие наступят и без свержения капиталистического строя.

Определив обслуживание как сектор, включающий ряд отраслей хозяйства, буржуазные экономисты строят на этой основе и другие теории. Так, К. Кларк доказывает, что в эру исключительного развития сферы обслуживания, не требующей больших затрат капитала для ведения производства, может стать капиталистом, заняться предпринимательской деятельностью и наемный рабочий. «Человек, живущий на заработную плату,— пишет он,— во всяком случае при определенных условиях имеет возможность создать свое предприятие» [1]. Нужно обладать незаурядной фантазией, чтобы допустить возможность превращения мелкого крестьянина или рабочего в капиталиста. Но даже если бы эти категории трудящихся и смогли заняться предпринимательской деятельностью в сфере, не требующей больших затрат капитала, то не следует забывать, что между действительным предпринимателем, т. е. крупным капиталистом, и мелким торговцем, между мелким фермером и владельцем монополистического объединения существует большая разница. Капиталистическая действительность показывает, что на успех могут расчитывать лишь предприятия с большим капиталом, а мелкие предприятия прозябают и, в конце концов, разоряются. Поэтому ни сектор обслуживания, ни стадия исключительного развития этого сектора ни в какой мере не может облегчить положение трудящихся масс капиталистического мира.

Положение об эре исключительного роста сферы обслуживания используется буржуазными экономистами для того, чтобы доказать, будто буржуазное общество может развиваться без кризисов перепроизводства и безработицы. Так, французский экономист Жан Фурастье считает, что в секторе обслуживания очень мало возможностей для технического прогресса и роста производительности труда и поэтому он станет резервуаром для поглощения рабочей силы, высвобождающейся из промышленности и сельского хозяйства [2]. Колин Кларк, отмечая это явление, придает ему особое значение. Он пишет: «Самым важным условием экономического прогресса было перемещение трудового населения из сельского хозяйства в промышленность и из промышленности в торговлю и сферу услуг» [3]. К. Кларк считает, что преимущественное развитие торговли и отраслей, оказывающих услуги, является фактором, который обусловил экономическое развитие высокоразвитых капиталистических стран за последний период. Видя рост количества занятых в сфере государственного аппарата, торговли, транспорта, связи, образования, на предприятиях, выполняющих ремонтные работы

[1] *C. Clark.* The Conditions of Economic Progress. New York, 1957, p. 622.
[2] См.: *Jan Fourastie.* Le Grand Espoir de XX Siecle. Edition definitive, p. 1958.
[3] *C. Clark.* The Conditions of Economic Progress. New York, 1957, p. 176.

и т. п., буржуазные экономисты стали приписывать «сфере обслуживания» необычную роль в обществе. Характеризуя увеличение занятости в некоторых отраслях непроизводственной сферы капиталистических стран, следует однако иметь в виду, что, во-первых, это разнородные отрасли и поэтому развитие их не имеет общей причины, во-вторых, рост численности занятых в государственном аппарате, армии, торговле и финансах капиталистических стран свидетельствует не о развитии экономики, а о росте паразитизма и загнивании этого общества. Ведь в указанных сферах национальный доход не создается, а проедается.

Таким образом, из вышеизложенного видно, что антинаучная трактовка сущности производства материальных благ и введение в научный оборот категории сектора услуг как комплекса отраслей хозяйства играют немалую роль в создании различных апологетических «теорий», направленных на защиту основ капиталистического строя.

Решение проблемы национального дохода марксистской политической экономией дает ответ на вопросы о том, кто производит материальные блага, сколько этих благ производится и как они распределяются и перераспределяются. Именно эти злободневные вопросы современная вульгарная политическая экономия и старается запутать. Проявляется это стремление даже в определениях национального дохода. Так, Альфред Маршал писал: «Труд и капитал страны, воздействуя на ее естественные ресурсы, ежегодно производит определенную сумму материальных благ, включая все виды услуг. Это и есть чистый национальный доход страны или национальный дивиденд» [1]. Известный буржуазный теоретик в области исчисления и проведения расчетов национального дохода США Симон Кузнец считает, что «национальный доход есть чистый продукт или чистый доход от экономической деятельности отдельных лиц, деловых фирм, а также социальных и политических учреждений, которые в целом образуют нацию» [2]. Можно было бы привести еще множество других подобных определений, но все они, в конце концов, сводятся к тому, что доказывают необходимость учитывать услуги в национальном доходе. Английский экономист Алек Ноув так и пишет: «нормальная западная концепция национального дохода основана на необходимости исчисления услуг» [3]. Однако не все так просто, как это кажется на первый взгляд.

Исчисление услуг и учет их в составе национального дохода даже среди буржуазных ученых вызывают сомнение и разногласия. Наиболее апологетичной и антинаучной является концепция национального дохода, господствующая в США. Согласно этой концепции национальный доход исчисляется как сумма индивидуальных доходов. Такой метод не только не позволяет рассмотреть социаль-

---

[1] *A. Marshal.* Principles of Economics, Sixth ed., p. 523.
[2] *S. Kuznets.* National Income. A Summary of Findings. New York, 1946, p. 1.
[3] *A. Nove.* The Soviet Economy. London, 1961, p. 251.

ный аспект категории дохода, но еще приводит и к повторному счету, т. к. смешивает понятие индивидуального дохода и дохода общества. Действительно, при исчислении национального дохода как суммы индивидуальных доходов одна и та же единица дохода может исчисляться несколько раз, а это и вызывает повторный счет, завышающий действительно исчисляемую величину.

Концепция исчисления национального дохода как суммы индивидуальных доходов как раз и предусматривает включение в подсчеты стоимости нематериальных услуг. Официальные данные о национальном доходе США и Англии содержат указанные услуги. Американский экономист П. Самуэльсон, разъясняя суть методологических основ исчисления национального дохода в этих странах, пишет: «Точно так же, как мы включаем потребление хлеба и чистые капиталовложения в NNP (чистый национальный продукт.— *В. К.*), мы включаем туда и государственные расходы: затраты на реактивные бомбардировщики, на оплату услуг метеорологов, судей, полицейских, пилотов реактивных самолетов, пожарников и химиков, ведущих работу в области сельского хозяйства» [1]. Следовательно, эти данные составляют конгломерат сведений о потреблении и производстве. Официальные органы в некоторых других капиталистических странах, например во Франции, к этому вопросу подходят более осторожно. Так, в состав продукции наряду с материальными благами они включают лишь те услуги, которые можно рассматривать, как такие, что реализуются, а остальные не учитываются. Поэтому в национальном доходе учитывается «стоимость» услуг, предоставляемых потребителю непосредственно [2].

Некоторые экономисты США и Англии, стараясь замаскировать явно антинаучный характер подсчетов национального дохода, ставят вопрос о том, что не все услуги можно включать в состав стоимости национального дохода. Так, С. Кузнец отмечает, что необходимо различать промежуточные и конечные услуги и лишь стоимость последних относит к национальному доходу. С его точки зрения, деятельность государства, направленная на поддержание мира внутри страны и ее внешней безопасности «не является прямыми услугами потребителям — это скорее,— говорит С. Кузнец,— априорные необходимые общественные затраты, условия производства, а не деятельность, непосредственно создающая конечные экономические блага» [3]. Мы видим, что хотя С. Кузнец еще далек от научного взгляда на услуги, но он уже не может безоговорочно относить любую деятельность государства к производству материальных благ. Как буржуазный ученый он не в состоянии прямо признать потребительский характер затрат на государственный аппарат (армия, полиция, суды), поэтому старается доказать, будто эти затраты способствуют развитию производства.

---

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика. М., 1964, стр. 219.

[2] См.: *Жан Маршаль.* Новые элементы французской системы национальных счетов. М., 1967, стр. 40.

[3] «Review of Economicas and Statistic», Aug. 1948, p. 156.

Исходя из того, что сумма индивидуальных доходов составляет национальный доход, буржуазная экономическая наука при определении этой суммы учитывает доходы от имущества, рассматривая их как услугу. Известно, например, что владелец дома получает доход от аренды, которая оплачивается нанимателями. А если дом не сдается в аренду, а используется его собственником,— то как быть в этом случае? Чтобы быть логичной, буржуазная экономическая наука утверждает, будто бы доход при пользовании собственным домом тоже возникает, но исчислять его нужно в условной единице. П. Студенский пишет, что «владение домом является деловым предприятием, создающим жилищные услуги, которые продаются владельцу дома как арендатору» [1].

Буржуазная статистика в национальный доход не включает трансфертные, т. е. переходящие доходы (пенсии, подарки, помощь и др.), но именно это и нелогично. Указанные доходы в большей мере отображают обогащение отдельного лица, нежели факт проживания в собственном доме. Наряду с жилыми домами люди владеют множеством других потребительских товаров, которые тоже могут иметь большую стоимость, таких, например, как автомобиль, мебель, картины, бытовые приборы. Исходя из логики буржуазной науки «услуги» этих товаров следовало бы включать в состав национального дохода. Однако они не включаются. П. Студенский считает, что «теоретически аргумент в пользу включения в расчет услуг потребительских товаров длительного пользования неуязвим, однако осуществление этого на практике встречает огромные трудности» [2]. Буржуазные экономисты, выступая за включение в национальный доход услуг и товаров длительного пользования, исходят из того, что покупка этих товаров представляет собой капиталовложения. Тут мы встречаемся с извращением категории капитала. В подтверждение своих доказательств буржуазные экономисты ссылаются также на тот факт, что во время, например, стихийного бедствия и гибели товаров длительного пользования, а также недвижимого имущества, страна становится беднее не только вследствие сокращения текущего производства, но и утраты указанного имущества. Рассматривая этот довод, нужно иметь в виду, что категории национальный доход и национальное богатство не тождественны. Данные о национальном доходе свидетельствуют о способности общества создавать определенное количество потребительных ценностей за определенное время. Национальное богатство — результат труда многих лет и свидетельствует оно о накоплении в стране.

Стремление исчислить стоимость услуг поставило буржуазных экономистов и статистиков перед необходимостью решить вопрос об «услугах» домашних хозяек. Большинство их выступают за включение этих «услуг» в национальный доход. Разногласия возникают только в связи с условностью оценки стоимости «услуг» из-за

[1] *П. Студенский.* Доход наций. М., 1968, стр. 272.
[2] *Там же,* стр. 275.

отсутствия измерителя. В то же время некоторые буржуазные экономисты видят абсурдность подобных «теоретических» позиций и очень остро шутят по этому поводу. Сторонников включения этих услуг в национальный доход они предостерегают, что люди могут достигнуть огромного возрастания национального дохода с введением обязательных платежей своим женам за предоставление «услуг», но женитьба на своей кухарке уменьшит доход нации [1].

Последовательность логики буржуазной науки об исчислении стоимости услуг в национальном доходе требует учета достаточно широкого круга деятельности, трактуемой буржуазной политический экономией как «услуги». Именно поэтому буржуазные ученые говорят, что возникает необходимость где-то замкнуть круг, иначе концепция национального дохода может потерять свой смысл [2]. Этим самым фактически признается антинаучный характер буржуазного взгляда на категорию национального дохода. Дело вовсе не в том, чтобы одни блага учитывать в национальном доходе, а другие нет. Прежде чем это делать, необходимо дать научное определение самой категории национального дохода. А это буржуазные экономисты сделать не в состоянии.

При исчислении национального дохода буржуазная наука допускает ряд условных оценок. Одни из них с точки зрения науки имеют определенную почву, а другие нет. Так, можно согласиться с условной оценкой натурального потребления продуктов на фермах, а условная оценка ренты с жилища, процента банков и страховых организаций совершенно абсурдна. Даже некоторые из буржуазных экономистов замечают антинаучный характер исчисления этих доходов. Так, французский экономист Жан Маршаль считает, что включение в национальный доход всей совокупности материальной продукции и услуг по методу, принятому англосаксонскими странами, неизбежно приводит к двойному счету [3].

Таким образом, рассмотрение буржуазных методов исчисления услуг в составе национального дохода свидетельствует о том, что они не имеют научной почвы. Кроме того, путаница в определении таких экономических категорий, как национальный доход и услуги, не позволяет анализировать их. Буржуазная наука всячески запутывает эти проблемы с тем, чтобы защитить интересы господствующих классов. Решение вопроса о том, что необходимо включать в состав произведенного национального дохода, а что нет, зависит от умения различать производство материальных благ и потребление их. Ответ на эти вопросы дает лишь марксистская политическая экономия.

---

[1] Алек Ноув пишет: «Существует старая, но подлинная история о том, что по западной концепции (исчисления национального дохода.— *В. К.*) человек уменьшает национальный доход, если женится на своей кухарке» (*Alec Nove.* The Soviet Economy. London, 1961, p. 252).

[2] См.: *П. Студенский.* Доход наций, стр. 271.

[3] *Жан Маршаль.* Новые элементы французской системы национальных счетов, стр. 39, 40.

Глава V. ВОЗМЕЩЕНИЕ ЗАТРАТ НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

1. Возмещение затрат непроизводительного труда, связанных с производством и продвижением продукта труда к потребителю

Потребителями непроизводительного труда, затраченного в сфере производства товаров и их продвижения к потребителю, могут быть, во-первых, предприятия сферы материального производства, во-вторых, учреждения, оказывающие услуги и, в-третьих, отдельные лица. Во всех этих случаях затраты непроизводительного труда должны возмещаться с помощью цен на товары. Непроизводительный труд непосредственно не направлен на создание материальных благ, поэтому его затраты не могут увеличивать стоимость произведенных товаров и, следовательно, должны возмещаться за счет части продукта, созданного обществом. Нам предстоит рассмотреть, каким же образом можно возместить эти затраты через цену, при условии, что они будут представлять собой вычет из общественного продукта?

В нашей учебной и исследовательской литературе эта проблема даже не ставится, и создается впечатление, будто здесь нет трудностей. А между тем, если подойти к ней с точки зрения логики, то решение этой проблемы таит в себе противоречия. Действительно, включая в цену издержки по потреблению непроизводительного труда, на первый взгляд кажется, будто они не являются вычетом из общественного продукта.

Рассматривая воспроизводство всего общественного капитала, К. Маркс приходит к выводу, что затраты непроизводительного труда в обращении должны возмещаться за счет прибавочной стоимости. Действительно, стоимость произведенного продукта в обществе состоит из $c+v+m$, т. е. постоянного, переменного капитала и прибавочной стоимости. Первые два слагаемые при реализации товара должны быть возмещены по своей стоимости, т. е. по количеству труда, затраченного в процессе производства. Следовательно, возмещение затрат непроизводительного труда может быть произведено лишь за счет произведенной прибавочной стоимости. Таким образом, чем больше расходуется средств на возмещение затрат непроизводительного труда, тем меньше остается прибавочного продукта для расширения производства и личного потребления капиталиста.

К. Маркс разработал теорию возмещения затрат непроизводительного труда в сфере обращения для капиталистического общества. Он доказал, что эти издержки возмещаются за счет прибавоч-

ной стоимости, присваиваемой всем классом капиталистов. Последний вынужден идти на это, ибо только таким образом представляется возможным реализовать присвоенную им прибавочную стоимость. Поскольку настоящая проблема для капиталистического общества решена, то нам нет необходимости к ней возвращаться.

В условиях социализма нет класса, обладающего монопольным правом присваивать себе неоплаченный труд других классов. В социалистическом обществе существуют дружественные классы рабочих и крестьян, а также интеллигенция, которые являются тружениками, следовательно, и возмещение затрат непроизводительного труда должно быть организовано на принципах, отличных от условий эксплуататорского общества. Каковы эти принципы, каким образом происходит возмещение затрат непроизводительного труда, связанного с производством и продвижением продукта, мы попытаемся выяснить ниже.

Непроизводительные затраты труда как в самом процессе производства, так и вне его различаются по своему назначению. Если первые вытекают из самого общественного характера процесса производства и воспроизводства, то часть вторых, а именно, затраты труда, связанные с куплей и продажей товаров, обусловливаются лишь товарной формой производства. Наличие товарно-денежных отношений также предполагает затраты общественного труда на обслуживание функционирования денежного обращения: чеканку монет, печатание бумажных денег, осуществление кредитных и учетных операций в банках и сберегательных кассах. Из известных сегодня непроизводительных затрат только затраты труда по учету результатов производства будут иметь место и в будущем независимо от общественной формы производства. Все же затраты, связанные со сменой форм стоимости, существуют постольку, поскольку существует товарная форма продукта. Несмотря на это различие, все издержки непроизводительного труда, затраченного в производстве и в процессе продвижения товара к потребителю, могут возмещаться только за счет созданного обществом продукта.

При рассмотрении проблемы возмещения затрат непроизводительного труда, израсходованного в процессе производства и при продвижении товаров к потребителю, не следует забывать, что эти затраты также связаны с расходованием материальных ценностей. Труд по учету результатов производства требует расходования канцелярских принадлежностей, содержания помещения для учетного персонала, счетных машин, которые в настоящее время достаточно дороги. Непроизводительный труд в сфере обращения также требует для своего функционирования различного рода аппаратуры и инструментов, содержания торговых зданий и контор и т. д. Таким образом, для осуществления процесса воспроизводства общество должно дополнительно расходовать какую-то часть труда, не связанного непосредственно с производством материальных благ. Затраченный здесь труд потому и является вычетом из времени, расходуемого обществом на производство материальных благ, что он

требует затрат определенной части ранее созданных материальных ценностей. Последние издерживаются не для личного потребления какого-либо класса или группы людей, а для осуществления процесса расширенного воспроизводства. Поэтому возмещение расхода последних также должно осуществляться всем обществом.

Характерной особенностью непроизводительного труда, затраченного на производство и продвижение материальных благ к потребителю, является то, что он потребляется не непосредственно, а только в связи с потреблением созданных благ. Вот почему затраты этого труда должны возмещаться (в обществе, где существует товарное производство и товарное обращение) через цены на товары. Иного пути нет, труд, затраченный в обществе, должен быть возмещен посредством обмена деятельностью.

К. Маркс, исследуя непроизводительный труд в процессе воспроизводства, подчеркивал, что как в сфере производства, так и в сфере обращения этот труд должен рассматриваться как однотипный. Непосредственно в сфере материального производства непроизводительный труд затрачивается для ведения бухгалтерии и содержания конторы в целях учета товаро-материальных ценностей, учета труда и выплаты заработной платы рабочим, занятым на производстве, ведения операций с поставщиками сырья, а также реализации произведенной продукции, осуществления расчетов с государственным бюджетом, содержания конъюнктурных служб и т. д. Невозможность осуществления процесса производства без затрат этого труда свидетельствует о том, что этот труд является общественно необходимым, но это отнюдь не делает его производительным с точки зрения осуществления расширенного воспроизводства.

Если мы признаем однородность непроизводительного труда в сфере производства и обращения, то нет основания полагать, будто возмещение его затрат в последней происходит иначе. К. Маркс не рассматривал специально, каким образом происходит возмещение непроизводительных затрат живого труда в сфере производства, но он, как мы видели, отметил их общность с затратами непроизводительного труда в сфере обращения. Следовательно, рассмотрение проблемы возмещения затрат непроизводительного труда в сфере обращения может дать ответ на вопрос о том, каким образом и за счет чего общество возмещает затраты непроизводительного труда вообще в процессе воспроизводства материальных благ, поскольку он является общественно необходимым трудом, т. е. таким, без которого это воспроизводство не осуществимо.

Все виды непроизводительного труда, затрачиваемого для производства продукта и его продвижения к потребителю, принимают не прямое, а косвенное участие в производстве и поэтому не производят ни необходимого, ни прибавочного продукта. Этот труд обменивается на часть общественного продукта, созданного в процессе осуществления материального производства. Поскольку рассматриваемый нами непроизводительный труд затрачивается не с точки зрения определенных классов, а потребителей всего социалистиче-

ского общества, то, естественно, что и возмещение его затрат должно происходить за счет доходов потребителей, то есть членов этого общества.

В условиях капиталистического общества, как показал К. Маркс, межотраслевая конкуренция капиталистов приводит к уравнению прибыли. Каждый капиталист, в какой бы области он не прилагал капитал, получает на равновеликий капитал равновеликую прибыль. При социализме нет ни капиталистов ни межотраслевой конкуренции. В этом обществе распределение прибыли между отраслями народного хозяйства осуществляется на основе осознанного закона планомерного, пропорционального развития. И торговля как отрасль народного хозяйства, где прибавочный продукт (собственно в обращении) не производится, получает часть прибыли за счет отраслей материального производства в размерах, которые обеспечивают бесперебойное продвижение товаров к потребителю. Значит, рассмотрение вопроса об образовании прибыли в торговле при социализме не может послужить ключем для выяснения способа возмещения издержек обращения. Но в данном случае нас интересует возмещение затрат непроизводительного труда, вопросы же прибыли в торговле при социализме представляют предмет самостоятельного исследования.

Нам предстоит выяснить, каким образом возмещаются, во-первых, материальные затраты, которые производятся в целях функционирования непроизводительного труда, и, во-вторых, каким образом возмещаются затраты самого труда. Стоимость материальных ценностей, поглощаемых непроизводительным трудом, функционирующим в процессе производства и обращения, не может исчезнуть бесследно. Это были бы безвозвратные потери для общества, причем такие потери, которые объективно необходимы в каждом цикле воспроизводства. «По отношению к совокупному капиталу общества,— говорит К. Маркс,— это фактически сводится к тому, что часть его требуется для второстепенных операций, не входящих в процесс увеличения стоимости, и что эта часть общественного капитала постоянно должна воспроизводиться для этих целей» [1]. Если мы признаем, что общество несет безвозвратные потери этих благ, то расширение процесса производства и обращения материальных благ неизбежно должно вести к увеличению этих потерь, т. е. наносить возрастающий ущерб материальному производству. Однако общество не может быть столь расточительным.

Экономической науке известно, что процесс производства может продолжаться и в фазе обращения, а это приводит к увеличению стоимости товара. Так, перевозка, хранение, сортировка, подработка — это процессы, обусловливающие возрастание стоимости товара, не увеличивая количества потребительных стоимостей. Рассматривая вещественные элементы издержек обращения, следует иметь в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 320.

виду, что они представят собой ранее созданную стоимость, которая издерживается в результате осуществления акта купли-продажи. Следовательно, в отличие от дополнительных издержек обращения, создающих в процессе обращения стоимость и прибавочный продукт, эта часть чистых издержек может добавить к товарному телу лишь собственную стоимость. Если предположить, что последняя не возмещается обществом, то мы должны будем признать все возрастающие размеры потерь, поскольку с ростом товарного обращения увеличивается и та часть чистых издержек, которая составляет ранее созданную стоимость.

Нельзя также предположить, будто эти издержки возмещаются за счет прибавочного продукта, так как это фактически ведет к признанию того, что этот продукт расходуется обществом на содержание отраслей, поставляющих материально-вещественные элементы указанных издержек, а это абсурдно. Стало быть, социалистическое общество должно возместить эти затраты таким же образом, как и расход всякой иной стоимости. Если последняя идет в личное потребление, то ее возмещение осуществляется за счет дохода потребителей. Коль скоро мы приходим к такому выводу, то, естественно, что и вещественные затраты, связанные с потребностью расходования непроизводительного труда в самом производстве, должны возмещаться подобным же образом, т. е. за счет увеличения количества реализованной стоимости товарного тела на величину собственной стоимости, не увеличивая его прибавочного продукта.

Другая часть издержек, связанных с производством материальных благ, но не участвующих непосредственно в этом производстве, выражается в затратах живого труда. Здесь имеется в виду труд работников, занятых учетом произведенных продуктов и т. п. Кроме того, затраты живого труда требуются для осуществления процесса обращения, поскольку существуют товарно-денежные отношения. И К. Маркс отнес последние к чистым издержкам. «Все такие издержки,— говорит он,— делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в совокупный процесс воспроизводства» [1]. Мы видим, что непроизводительные затраты труда как в самой фазе производства, так и в обращении обусловливаются всем процессом воспроизводства в целом. Следовательно, возмещение этих затрат должно постоянно обеспечиваться самим ходом воспроизводства, в противном случае неизбежны в нем перебои.

Для осуществления процесса воспроизводства в обществе, где существует товарное обращение, необходимо, чтобы часть материальных и трудовых ресурсов расходовалась на эти цели. Следова-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 317.

тельно, и в этой части общественного производства должны создаваться условия, обеспечивающие расширенное воспроизводство, а это возможно лишь тогда, когда наряду с необходимым создается и прибавочный продукт, которые непременно должны быть и реализованы.

Таким образом, мы видим, что затраты вещественных элементов непроизводительного труда присоединяют свою стоимость к стоимости произведенного товара и тем самым увеличивают его цену. Это происходит потому, что данная стоимость существовала самостоятельно, независимо от производства товара, подлежащего реализации. Значит, добавочная стоимость которая присоединяется к товарам в связи с затратами вещественных элементов чистых издержек обращения, сводится лишь к увеличению ранее существовавшей стоимости. Здесь имеет место явление, при котором происходит присоединение отдельно существующих стоимостей за пределами сферы производства, а именно, в сфере обращения. Однако этот процесс нельзя смешивать с созданием стоимости. Существование продукта в форме товара обусловливает то обстоятельство, что стоимость материально-вещественных факторов чистых издержек обращения реализуется через цену этого товара, а не самостоятельно. Следовательно, увеличение цены на величину стоимости вещественных факторов издержек обращения ничуть не противоречит трудовой теории стоимости. Не будь товарно-денежных отношений, отпала бы и необходимость в этих расходах. В этом случае общество смогло бы уменьшить стоимость производимых благ за счет сокращения производства, продукция которого используется лишь как материальные элементы чистых издержек обращения.

Более сложным является вопрос о том, каким образом происходит возмещение чистых издержек обращения, затрачиваемых на наем торговых работников, труд которых используется для смены форм стоимости. Попробуем рассмотреть эту проблему. Труд торговых работников используется для реализации стоимости и прибавочного продукта, содержащегося в ней. В этом смысл торговых операций, без такой реализации невозможно функционирование торговых предприятий. Затраты труда торговых работников возмещаются также из цены товара и в то же время за счет части созданного в обществе продукта. Однако этот процесс в сравнении с возмещением вещественных элементов чистых издержек имеет свои особенности.

Во-первых, даже в условиях капитализма, где рабочая сила является товаром, стоимость ее входит в стоимость товара лишь в процессе производительного использования, чего нет в обращении. Следовательно, расход рабочей силы, с точки зрения марксистской теории, ни при каких условиях не может входить в цену товара в качестве составной части стоимости. Функцией труда в процессе обращения является лишь реализация стоимости и содержащегося в последней прибавочного продукта. Во-вторых, рабочая сила лишь

в потенции обладает способностью создавать стоимость, в том числе и прибавочный продукт, для того, чтобы она реально создавала их необходимые определенные материальные условия. В сфере обращения этих условий нет. Поэтому рабочую силу нельзя считать, подобно вещественным элементам чистых издержек обращения, стоимостью, существующей самостоятельно до производства товара и подлежащей реализации. Значит, и это обстоятельство не позволяет сделать вывод о том, что рабочая сила даже в условиях капитализма может добавлять свою стоимость к реализуемому товару. Такое допущение противоречило бы теории трудовой стоимости К. Маркса.

В условиях социалистического общества, где рабочая сила не является товаром, допущение, что ее стоимость входит в стоимость товара, вообще лишено реального смысла. Все торговые издержки должны возмещаться из цены, в том числе и затраты на заработную плату торговых работников. Действительно, только таким путем можно их возместить. Если предположить, что они возмещаются за счет прибыли торговых организаций, то возникает законный вопрос — на каком основании? Ведь эти организации ведут свою деятельность, заключающуюся в смене форм стоимости, не ради своего удовольствия, не для личного потребления определенного круга лиц, а в целях осуществления одной из фаз общественного воспроизводства. Следовательно, эти расходы они как юридические лица не должны нести.

Чистые издержки обращения, выраженные в расходах на наем торговых работников, потребляют покупатели. Здесь мы имеем обмен деятельностью, в результате которой покупатели уступают часть своего дохода торговым работникам. Как уже отмечалось, труд торговых работников нельзя рассматривать в качестве услуги, как это делают некоторые экономисты. Ведь труд торговых работников мы рассматриваем с точки зрения его использования обществом, а не с позиций потребителя. Не торговые предприятия потребляют труд торговых работников, а общество, его члены. Поэтому возмещение торговых издержек (заработной платы наемных торговых работников) осуществляется из цены товара за счет доходов покупателей. В таком случае чистые издержки обращения должны быть элементом, образующим номинальную стоимость товаров [1]. Затраты труда в чистых издержках обращения обмениваются на часть общественного продукта, созданного в процессе материального производства, выступающего в виде дохода покупателя. Это обусловливается тем, что функцией непроизводительного труда, выступающего как затраты труда в чистых издержках обращения, является реализация стоимости продукта и в том числе прибавочного продукта, поскольку существует товарное производство и товарно-денежное обращение. В этих условиях цена и построение

[1] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 316.

ее предполагает процесс перераспределения созданных материальных благ.

При рассмотрении калькуляции любого изделия видно, что составной частью цены являются расходы предприятия, связанные с затратами непроизводительного труда. Они выступают как часть общезаводских расходов. Прибыль же начисляется на всю сумму расходов, следовательно, они возмещаются из цены, не уменьшая величины прибыли. Признавая однородность непроизводительного труда в сфере производства и обращения, нет основания полагать, что возмещение последних происходит иным образом, чем первых. Затраты на чистые издержки обращения являются непроизводительными потому, что они не служат целям расширенного воспроизводства, возмещаются же они за счет произведенной в обществе стоимости. При этом совокупная величина стоимости, созданной обществом, не изменяется, надбавка к цене суммы издержек обращения призвана, во-первых, лишь возвратить в сферу обращения часть материальных затрат и, во-вторых, компенсировать затраты труда торговых работников. Увеличение цены, отражающее возмещение труда последних, связано с тем, что в условиях товарно-денежного хозяйства оно возможно только при помощи денег, количество которых при нормальных условиях должно непременно корреспондироваться с ценами на товары. Тот факт, что издержки обращения входят в цену, отмечен и в Программе КПСС. «Цены,— указывается в ней, — должны во всей большей степени отражать общественно необходимые затраты труда, обеспечивать возмещение издержек производства и обращения и известную прибыль каждому нормально работающему предприятию» [1]. Мы видим, что сама практика и теоретические изыскания подсказывают необходимость включения в цену чистых издержек обращения независимо от того, являются ли они вещественными элементами или затратами живого труда.

Итак, мы выяснили, что чистые издержки обращения увеличивают номинальную стоимость товара, а следовательно, и его цену. Заработная плата торговых работников возмещает затраты рабочей силы. Это возмещение происходит, во-первых, за счет доходов рабочих сферы производства и, во-вторых,— работников непроизводственной сферы. Поскольку труд торговых работников не направлен на производство материальных благ и его затраты увеличивают лишь номинальную стоимость, то он может возмещаться только из продукта, созданного в материальном производстве.

Рассматривая возмещение затрат непроизводительного труда в сфере производства и продвижения товаров к потребителю, поскольку эти затраты являются общественно необходимыми, мы должны предположить, что эти затраты возмещаются обществом, то есть в данных условиях, где имеются товарное производство и товарное обращение, общество неизбежно должно нести потери какого-то количества труда, отвлекая его из сферы материального

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. К., 1961, стр. 90.

производства. Однако поскольку этот труд затрачен в качестве общественно необходимого труда в целях осуществления общественного воспроизводства, то общество должно взамен него дать часть труда, затраченного в других сферах. Иначе говоря, люди, выполняющие названные непроизводственные функции, должны получить в обмен на свою деятельность как материальные блага, так и услуги, входящие в состав привычного круга потребления. Именно это обстоятельство и обусловливает то, что непроизводительные затраты труда по производству и реализации товаров увеличивают не созданную в обществе стоимость, а лишь номинальную стоимость, то есть цену. Таким образом, созданная совокупная стоимость как бы растягивается, в результате чего появляется возможность осуществить перераспределение созданных материальных благ в интересах всего общества.

В обществах, где имеются товарно-денежные отношения, цены, как и денежное обращение, являются лишь механизмом, с помощью которого это перераспределение производится для того, чтобы непроизводительный труд в сфере производства и обращения товаров способствовал осуществлению хода воспроизводства. Абстрагируясь от других видов деятельности, мы можем предположить, что в обществе затрачивается труд только на производство и продвижение материальных благ к потребителю. Если бы не было при этом затрат непроизводительного труда, то стоимость произведенных материальных благ распределялась бы на меньшее количество работников, чем при наличии работников, занятых непроизводительными функциями. Следовательно, необходимость выполнения этих функций приводит к тому, что стоимость произведенных благ не увеличивается, а число потребителей их растет, т. е. размер стоимости, приходящейся на каждого члена общества, уменьшается.

Предположим, что в обществе, где имеется только два вида деятельности — по производству материальных благ и продвижению их к потребителю, произведено различного продукта стоимостью в 900 единиц, состав производителей равен 900 человекам, изготовленный продукт потребляется полностью. Далее, допустим, что для осуществления обмена результатами этого труда между производителями необходим труд 100 человек. В этом случае при наличии обмена с помощью денег для того, чтобы каждый член общества получил вознаграждение за свой труд (затраты которого, предположим, у каждого одинаковые), необходимо установить цену не 900 единиц а 1000. В результате этого акта, использовав перераспределительную функцию цены, мы равномерно распределим весь продукт между всеми участниками производства и продвижения товара к потребителю. Теперь каждый член общества, не только производители, но и те, кто затрачивает труд в сфере обращения, затратив равное количество труда, получит равное количество стоимости общественного продукта. Общая же стоимость останется прежней, но будет распределена между большим числом

лиц, чем участвовало в производстве ее. Эта схема дает представление о том, как труженики социалистического производства и обращения, являющиеся коллективными собственниками средств производства, получают свою долю в произведенном продукте.

Следует иметь в виду, что тенденции использования непроизводительного труда в сфере обращения и сфере производства разные. По мере продвижения общества к коммунизму размеры производства будут все больше и больше увеличиваться, следовательно, должны расти и затраты труда по учету его результатов, несмотря на то, что совершенствование методов учета будет противодействовать этому. У труда, затрачиваемого на смену форм стоимости, другие перспективы. С отмиранием товарного производства, а следовательно, и товарно-денежного хозяйства эти затраты исчезнут. В нетоварных условиях необходимость осуществлять обмен результатами деятельности и самой деятельностью с помощью цен, опосредствуя их товарно-денежными отношениями, отпадет. Каждый член общества, занимающийся непроизводительным трудом в сфере материальных и духовных благ, получит свою долю продукта без применения этих инструментов перераспределения. Однако необходимость перераспределения произведенных материальных благ сохранится, так как непроизводительный труд в самом производстве и в непроизводственной сфере будет существовать и даже увеличится как в абсолютном, так и относительном размере.

Основное производственное отношение, т. е. отношение по поводу собственности на средства производства, имеет место не только в производстве, но и во всех фазах воспроизводства. Именно поэтому все специфические законы общественно-экономической формации (как и общие) оказывают воздействие на весь ход общественного воспроизводства, в том числе и на обмен.

В условиях социалистического общества обмен результатами деятельности и самой деятельностью, как и самое производство материальных благ, осуществляется в интересах наиболее полного удовлетворения потребностей людей, в интересах их всестороннего развития. Это объясняется тем, что сфера действия основного экономического закона социализма распространяется не только на материальное производство, но и на непроизводственную сферу, в частности на фазу обмена. Таким образом, социалистическое общество, поскольку оно не может существовать без товарного производства и товарно-денежного хозяйства, вынуждено отвлекать часть своего труда на эти затраты. Возмещение последних покрывается за счет части продукта, который при отсутствии товарно-денежного хозяйства мог бы быть использован для расширения производства материальных благ.

Часть непроизводительного труда, не принимающая участия в фазах общественного воспроизводства, как уже отмечалось, образует услуги. Возмещение затрат труда в услугах имеет свои особенности, которые мы рассмотрим в следующем параграфе.

2. Возмещение затрат труда в платных услугах

Практика социалистического строительства в нашей стране, а также в странах народной демократии показала необходимость использования товарно-денежного хозяйства и торговли в условиях общественной собственности на средства производства. Это объясняется тем, что на первой фазе коммунистического общества продолжает существовать производство продуктов в форме товаров. «Под товарным производством,— писал В. И. Ленин,— разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке» [1].

Наличие товарного производства и товарно-денежных отношений обусловливает необходимость измерения затрат труда с помощью стоимости, т. е. овеществленного, абстрактного общественно необходимого труда. Товарно-денежные отношения в социалистическом обществе по своей сущности коренным образом отличаются от товарно-денежных отношений предыдущих общественно-экономических формаций. Тем не менее они предполагают реализацию ряда продуктов, не являющихся действительно товарами, а также куплю-продажу услуги, которая не может принимать материальной формы.

Обеспечение успешной деятельности предприятий непроизводственной сферы требует материального стимулирования каждого работника, внедрения хозяйственного расчета и использования рентабельности как показателя эффективности расходования материальных и трудовых ресурсов. Это свидетельствует о том, что в силу существования товарного производства и товарно-денежных отношений отдельные общественные отношения вынуждены принимать форму товарных отношений.

Поскольку оказание услуг в обществе требует затрат труда, а сами услуги реализуются, то это порождает видимость, будто они имеют стоимость. К. Маркс разрешил проблему создания стоимости в процессе производства материальных благ, стоимостную же форму услуг он почти не анализировал. Экономисты немарксистского направления, не понимая трудовой теории стоимости, рассматривают факт существования цен на услуги как цену на один из элементов благ, которыми пользуется общество, т. е. смешивают цены на услуги и на материальные блага, считая их идентичными по сущности. Эти обстоятельства вызвали спор, который ведется в экономической литературе довольно длительное время, о том, имеют ли услуги стоимость. Сама товарная форма услуги порождает внешнюю видимость, будто здесь присутствуют все компоненты,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 86—87.

формирующие стоимость товара. Часть экономистов, которая в общем-то придерживается марксистской теории, из-за неразработанности проблем непроизводительного труда и услуг полагает, будто услуги имеют стоимость. Они пытаются опереться на трудовую теорию стоимости К. Маркса и вопреки ей доказывают существование такой категории, как стоимость услуг.

Потребности человека весьма разнообразны. Они включают в себя не только те, которые удовлетворяются материальными благами, но и такие, которые удовлетворяются нематериальными благами, услугами. Возникновение потребностей — это сложный процесс, обусловливающийся многими причинами, среди которых решающее значение имеют материальные условия жизни общества. Признание первичности материальных потребностей не означает отрицания роли духовных потребностей в жизни отдельного человека и общества в целом. Более того, как показывают исследования в области потребления, с увеличением доходов населения доля расходов на удовлетворение материальных потребностей падает, а на удовлетворение духовных запросов растет. Далее, о расширении нематериальных потребностей свидетельствует и то, что в настоящее время некоторые из них вошли в круг необходимых, т. е. таких, без которых развитие современного общества немыслимо. Например, образованию теперь уделяют большое внимание почти все страны мира.

Подобно материальным потребностям нематериальные потребности также могут быть более или менее необходимыми. Следовательно, и услуги, которые удовлетворяют эти потребности, не равнозначны. Поскольку услуги находят покупателя, постольку они и выступают как общественно необходимые. Однако это не означает, что потребление услуг всегда приносит человеку пользу. Здесь дело обстоит точно так же, как и при потреблении материальных благ. Курящий человек, например, потребляя табак, приносит вред своему здоровью, а зритель, просмотревший плохую постановку, наносит вред своему настроению. Следовательно, с точки зрения удовлетворения потребностей между товарами и услугами нет тех различий, которые бы указывали на наличие или отсутствие элементов, конституирующих стоимость. Да это и понятно, ведь стоимость создается в производстве, а не в потреблении. А между тем некоторые экономисты, доказывая наличие стоимости в услугах, пытаются опереться именно на факт важности услуг в личном потреблении людей и особенно производителей [1].

Марксистская политическая экономия исходит из того, что стоимость создается в процессе материального производства. Почти все экономисты марксистского направления признают это положение и только некоторая часть их сомневается в этом. Так, например, Б. В. Ракитский считает, что «до сих пор никем из экономистов не приведено веских доводов в пользу того, что (при определении

[1] См.: *В. А. Медведев.* Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 35.

стоимости.— *В. К.*) надо ограничиваться исключительно лишь трудом в сфере материального производства» [1]. Если в трудах К. Маркса не приведено веских доводов по поводу того, что стоимость создается в процессе производства материальных благ, то что же представляет собою трудовая теория стоимости, против которой вот уже около двухсот лет ведет борьбу вульгарная политическая экономия? А разве К. Маркс не доказал, что продукт имеет стоимость лишь потому, что в нем овеществлен или материализован абстрактный человеческий труд. Кто опроверг это положение на основе научного доказательства?! Ведь вещи, точнее материальные блага, создаются только в сфере материального производства. Этого факта не отрицают даже те, кто считает эффект услуги благом.

Отдельные экономисты существование стоимости в услугах пытаются обосновать тем, будто в сфере услуг имеет место процесс производства нематериальных благ. С первого взгляда это утверждение кажется верным, поскольку услуга предполагает труд. Однако нельзя забывать, что одного этого элемента мало, для осуществления процесса производства необходимы еще предмет труда и средства труда, а результат общественного материального производства всегда выступает в форме материального блага. Кроме того, труд может затрачиваться и в целях потребления его как деятельности, что не увеличивает количества произведенных материальных благ. Последнее и является характерной чертой труда в услугах. Следовательно, попытки доказать, будто услуги имеют стоимость потому, что они производятся, т. е. путем приравнивания материального и нематериального производства, не выдерживают научной критики.

Некоторые экономисты вопреки марксистской трудовой теории стоимости пытаются доказать наличие стоимости в услугах на основании того факта, что последние входят в составные элементы потребления рабочего, которые формируют стоимость рабочей силы. Отрицая прямое создание стоимости услугами, эти экономисты приходят к признанию этой ошибочной теории окольным путем. Так, Г. Гришин, подвергнув критике тех авторов, которые пытаются доказать, будто К. Маркс допускал возможность создания стоимости в услугах, а не в процессе производства, сам конструирует теоретические предпосылки, противоречащие марксистской теории стоимости. По его мнению «труд работников сферы потребительских услуг, в той части, в какой он предназначается для производителей материальных благ, воплощается, материализуется в товаре особого рода — рабочей силе и через ее стоимость учитывается в национальном доходе» [2]. Это обстоятельство, по его мнению, свидетельствует о том, что добавление стоимости услуг к национальному доходу привело бы к повторному счету. В. Ковыженко, счи-

---

[1] *Б. В. Ракитский.* Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., 1966, стр. 54.

[2] «Экономические науки», 1969, № 2, стр. 32.

тающий, что услуги сами по себе имеют стоимость, тоже оперирует тем фактом, что они входят в стоимость воспроизводства рабочей силы [1]. Здесь мы видим явную подмену вопроса о создании стоимости товара факторами, формирующими стоимость рабочей силы.

Прежде всего отметим, что производитель может потребить необходимые услуги лишь только после того, как он заработает определенную сумму денег. Далее, рабочая сила в капиталистическом обществе является источником стоимости лишь в потенции, только ее применение дает возможность создавать стоимость. Следовательно, не всякий акт потребления даже рабочего предполагает непременное применение его рабочей силы в производстве. И, наконец, самое главное состоит в том, что представляя процесс перенесения стоимости услуг на продукт рабочей силой мы тем самым сводим на нет различие между ней и другими товарами — средствами производства. А это означает не что иное, как отказ от трудовой теории стоимости. В этом случае возникает проблема: каким же образом порождается новая и в том числе прибавочная стоимость? Последнее обстоятельство указывает на полную несостоятельность попыток теоретического обоснования стоимости услуг путем включения их в произведенный товар, поскольку он создается рабочей силой.

Ряд услуг действительно входит в круг обычных потребностей, а следовательно, и в издержки воспроизводства рабочей силы, но эти услуги рабочий получает в результате обмена, т. е. после создания материальных благ. Значит, не сами по себе услуги увеличивают стоимость необходимого продукта производительного работника, а этот продукт больше величины стоимости потребляемых материальных благ потому, что обмен деятельностью предполагает потребление человеком и нематериализующихся услуг. В результате свершающегося обмена потребление становится более разнообразным, а потребности производительных работников удовлетворяются полнее. Однако здесь же следует заметить, что расширение удовлетворения потребностей человека как индивидуума, так и производительного работника осуществляется также и за счет услуг, которые не входят в издержки воспроизводства рабочей силы. Следовательно, обоснование стоимости услуг с помощью издержек воспроизводства рабочей силы теоретически и практически несостоятельно.

В советской экономической литературе в последнее время появился ряд работ, в которых авторы пытаются подкрепить свои доводы о существовании такой категории, как стоимость услуг, ссылками на авторитет К. Маркса. С этой целью приводится такое высказывание его: «В каждый данный момент в числе предметов потребления, наряду с предметами потребления, существующими в виде товаров, имеется известное количество предметов потребле-

[1] См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 8, стр. 104.

ния в виде услуг. Таким образом, общая сумма предметов потребления всегда оказывается больше той, какою она была при отсутствии пригодных для потребления услуг. А во-вторых, большей оказывается также и стоимость, ибо она равна стоимости товаров, поддерживающих эти услуги, и стоимости самих услуг» [1]. При рассмотрении этого рассуждения надо иметь в виду следующее: во-первых, то, что согласно самому существу марксистской теории стоимости только материализованный общественно необходимый труд способен выступать субстанцией стоимости, во-вторых, то, что К. Маркс, рассматривая взгляды своих предшественников, часто пользовался их терминологией. Последнее как раз и относится к данному случаю.

Приведенное высказывание явилось результатом анализа противоречивых, непоследовательных взглядов А. Смита на проблему о производительном и непроизводительном труде.

А. Смит вопреки физиократам доказывал, что труд ремесленников, мануфактуристов, а также купцов подобно труду земледельцев создает стоимость, а следовательно, и доход общества [2]. Это дает основание предположить, что К. Маркс, рассматривая взгляды А. Смита по данному вопросу, употребляет «стоимость» в том смысле, какой придает этому слову Смит. Свидетельством этого может служить также и содержание марксовых замечаний, приведенных на той же странице по поводу рассуждений А. Смита, и их иронический тон. «Разве в любой момент, наряду с пшеницей, мясом и т. д.,— говорит К. Маркс,— нет на рынке также проституток, адвокатов, проповедей, концертов, театров, солдатов, политических деятелей и т. д.? Эта братия получает хлеб и другие средства существования или увеселения не даром. За это она отдает или навязывает свои услуги, которые, как таковые, имеют потребительную стоимость, а в результате их издержек производства — также и меновую стоимость» [3].

Учитывая приведенные факты, нельзя не удивляться смелости тех авторов, которые пытаются приписать К. Марксу теоретическое обоснование категории стоимости услуг [4]. Весь смысл трудовой теории стоимости несовместим с теорией стоимости услуг. Тот, кто из приведенного высказывания К. Маркса пытается вывести теорию стоимости услуг, неизбежно должен будет признать, что стоимость создается и проститутками, и проповедниками, о которых там идет речь, и, наконец, агентами обращения, поскольку против этого смитовского тезиса мы не встречаем у К. Маркса возражений. Стало быть, и попытка экономистов обосновать правильность своих взгля-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 151.

[2] См.: *там же*, стр. 150.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 151.

[4] Так, например, В. А. Медведев пишет, будто К. Маркс считал, «что труд работников сферы услуг, будучи капиталистически организованным, сам является источником стоимости и прибавочной стоимости» (*В. А. Медведев*. Общественное воспроизводство и сфера услуг, стр. 19).

дов ссылками на высказывания К. Маркса не выдерживает серьезной критики.

Сторонники стоимостной основы услуг пытаются опереться на косвенные доказательства, а не на рассмотрение сущности самой теории стоимости применительно к услугам. Стоимость определяется марксистской политической экономией как отношение между людьми по поводу вещей, произведенных для продажи. В. И. Ленин отмечал, что «стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой» [1]. Мы видим, что стоимость представляет собой форму выражения общественных экономических отношений по поводу производства материальных ценностей, выступающих товарами. И сколько бы не пытались сторонники стоимостной основы услуг ссылаться на авторитет К. Маркса, они не смогут найти в его трудах ни одного высказывания, которое бы подтверждало, что товар, не имеющий материального воплощения, является субстанцией стоимости. К. Маркс писал: «Как стоимости товары суть *общественные* величины,— следовательно, нечто абсолютно отличное от их «свойств» как «вещей». В качестве стоимостей они представляют лишь отношения людей в их производственной деятельности» [2]. Марксистская трудовая теория стоимости исходит из того, что сущность стоимости проявляется как отношение по поводу косвенной оценки труда, создающего материальные блага, выступающие в форме товара. Сама косвенная оценка результатов труда обусловлена обособленностью товаропроизводителей, которые вступают в отношения между собой при помощи рыночного обмена результатами деятельности.

Величина стоимости товара определяется количеством абстрактного труда, необходимого для создания товара. Следовательно, каждый товар выступает как единство конкретного и абстрактного труда. Конкретный труд является создателем потребительной стоимости, а абстрактный — стоимости. Но при покупке услуги покупателя интересует потребительная стоимость труда, а не его стоимость, то есть он покупает конкретный труд. «Его труд...— говорит К. Маркс,— тогда потребляется ради его *потребительной стоимости,* а не как *создающий меновую стоимость*... Потребление его конституирует не Д—Т—Д[1], а Т—Д—Т» [3]. В этой сделке покупатель и продавец обмениваются равными по величине стоимостями, а сама сделка не преследует цели увеличения стоимости, она совершается для удовлетворения потребностей покупателя. Главное обстоятельство, свидетельствующее о том, что в процессе оказания услуг не создается стоимости, заключается в том, что здесь покупается не товар, а труд. В данном случае покупателя интересует труд в качестве потребительной стоимости. Товар же «как тако-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 61—62.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 131.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 133.

вой,— говорит К. Маркс,— никогда не является непосредственно предметом потребления, а является носителем меновой стоимости» [1]. Таким образом, различие между товаром и услугой состоит в том, что первый вступает в обмен в форме материализованного труда, а во втором случае реализуется сам труд. Труд же согласно марксистской теории стоимости не имеет. Следовательно, попытки доказать существование стоимости услуг при помощи марксистской теории стоимости не могут привести к положительным результатам.

Существование товарной формы услуг и цен на них естественно требует разъяснения этих реально существующих явлений. В условиях товарно-денежного хозяйства потребности людей удовлетворяются в основном через рынок. В этих условиях не только продукты материального производства, но и часть услуг принимают товарную форму. Услуги, имеющие товарную форму, имеют и цену, однако эта цена является лишь иррациональной формой цены, потому что последняя является выражением стоимости товара, а услуга хотя и имеет товарную форму, но стоимости, как уже было показано, не имеет. Поскольку товарную форму носят услуги, выступающие в виде деятельности, а также в виде результата человеческой деятельности, отделяемой от исполнителя и имеющей самостоятельно существующую товарную форму, то и условия их ценообразования имеют свои различия. Для первых характерна реализация самого труда, а для вторых — реализация товаров-вещей.

И хотя услуги не имеют стоимости, но «они имеют определенную потребительную стоимость (воображаемую или действительную) и определенную меновую стоимость» [2]. Действительно, оказание услуг требует затрат овеществленного и живого труда, но, поскольку потребление этих затрат должно быть возмещено в обществе, где обмен деятельностью осуществляется посредством товарного обмена, то возмещение производится с помощью цен. Вот почему К. Маркс употребляет в отношении услуг категорию меновой стоимости. Ведь именно цена является наиболее развитой формой меновой стоимости. Экономической науке известно, что способность обмениваться на деньги, т. е. приобретать меновую стоимость, а следовательно и цену, имеют не только продукты труда, предназначенные для продажи, но и материальные предметы, не впитавшие в себя ни минуты труда. Следовательно, возмещение затрат труда, потребляемого в качестве деятельности, с помощью цены нельзя считать неправомерным с точки зрения экономических отношений и экономической науки. В условиях социалистического общества сфера товарно-денежного обмена деятельностью во многом ограничена, тем не менее значительная часть услуг еще выступает в товарной форме. Это и обусловливает необходимость использовать цену в целях возмещения потребленных материальных

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 141.
[2] *Там же*, стр. 140.

ценностей и труда в услугах, а также создания накоплений в хозрасчетных организациях, оказывающих услуги населению.

Поскольку услуги выступают в товарной форме, то естественно, что они имеют цену. Нам предстоит рассмотреть особенности цен на услуги, выяснить, как цена отражает специфику потребительских свойств услуг, а также каковы элементы, которые формируют эту цену. Ведь в услугах цена есть лишь иррациональное выражение этой политэкономической категории.

Потребительная стоимость платной услуги, т. е. ее полезность, определяется полезностью самого процесса труда, человеческой деятельности, которая реализуется как услуга независимо от того, получила ли эта деятельность материальное воплощение или она потребляется непосредственно как деятельность, неотделимая от исполнителя. Действительно, поскольку потребляется деятельность, неотделимая от исполнителя, то это уже само по себе говорит о том, что оценке подлежит способность удовлетворять ту или иную потребность человека. Однако и в том случае, когда услуга выступает как материальное воплощение деятельности, потребительной стоимостью выступает последняя, а не ее результаты. Хотя картину «Последний вал» могли написать многие художники, но лишь в исполнении Айвазовского она имеет ценность, т. е. потребительную стоимость. Остальные исполнители этой же темы, несмотря на то, что они представят потребителю материальное воплощение своей деятельности, не смогут в такой же мере удовлетворить потребности последнего. Это и является свидетельством того, что сам по себе материальный предмет в услугах не выступает потребительной стоимостью, эта функция выполняется самой деятельностью. Существование же предмета отдельно от его исполнителя порождает в услугах лишь внешнюю видимость того, будто этот предмет является потребительной стоимостью.

Сейчас никто не сомневается в уникальности и гениальности произведений Модельяни, а при его жизни деятельность этого таланта не имела потребительной стоимости, и поэтому он вынужден был свои картины продавать за бесценок. Между прочим, этим-то и объясняется то, что многие выдающиеся художники вынуждены были влачить жалкое существование, а иногда и умирать в нищете. Ведь сами по себе картины или скульптуры великих художников, не получившие признания при жизни их исполнителей, с течением времени не меняют своих свойств, их качество не улучшается, наоборот, иногда даже ухудшается, а между тем оцениваются они значительно выше той цены, по которой они были куплены у автора. Это также является подтверждением того, что потребительную стоимость представляет не сам предмет, а деятельность. В противном случае, т. е. если признать, что потребительную стоимость представляют отделенные от исполнителя результаты деятельности, то, имея в виду художественную деятельность, мы не сможем понять, почему прежде эти произведения искусства не имели такой большой полезности, а теперь приобрели ее. Присутствие или от-

сутствие исполнителя при этом не играет никакой роли. В том и в другом случае потребительскую оценку получает деятельность определенного лица, а не материально осязаемый предмет, который отражает данную ситуацию или тему. Этим-то, видимо, и обусловливается необходимость в исследованиях искусствоведов, посвященных вопросам отличий оригинальных творений от копий. Даже хорошо исполненная копия всегда остается копией и дело не в том, что она по своему качеству не идет в сравнение с оригиналом. Потребительная стоимость оригинальных произведений искусства состоит в том, что автор первым подметил суть того или иного явления и воспроизвел его сообразно своему замыслу и художественному мастерству. Все те, кто создает копии, своей работой ничего нового не вносят в искусство. Не будь автора, мир не получил бы выражения отдельных явлений в произведениях искусства или литературы. Следовательно, лишь деятельность самого автора может представлять потребительную стоимость.

В услугах, где деятельность неотделима от исполнителя, так же порождается видимость, будто потребительной стоимостью выступает эффект деятельности, а не она сама по себе. Это тоже объясняется товарной формой услуги. Создается впечатление, будто здесь подобно тому, как и в услугах, воплощенных в материальных предметах, существует самостоятельная субстанция, благо, которое и представляет определенную полезность для потребителя. На этом заблуждении основан появившийся в последнее время ряд работ советских экономистов, которые пытаются доказать, что труд в услугах является производительным, а сами услуги имеют стоимость. Однако подобное представление при анализе реальной действительности легко развеивается. Любители оперного искусства хорошо знают, что одна и та же ария в различном исполнении воспринимается неодинаково. А между тем и музыка и текст арии остаются без изменений, меняется лишь исполнитель. Одни предпочитают слушать арию Ленского в исполнении И. Козловского, а другие — С. Лемешева. Содержание любого музыкального произведения неизменно, но лишь в исполнении особо одаренных людей оно находит наибольшее число слушателей. Владеющих игрой на музыкальных инструментах достаточно много, но почти всему миру известны имена лишь некоторых из них. Театральные коллективы, где собраны талантливые актеры, мало беспокоятся о кассовой выручке, так как желающих присутствовать на их представлениях всегда бывает достаточно много. Можно привести пример и не из области искусства. В парикмахерских клиенты часто пользуются услугами лишь определенных мастеров.

Все это свидетельствует о том, что потребительную стоимость в услугах представляет не конечный результат, а деятельность самого исполнителя. Более того, эффект от исполнения в услугах часто никто не может гарантировать. Билеты на представления оплачиваются раньше, чем мы посмотрим само представление, и никто не может гарантировать, что в процессе исполнения певец, напри-

мер, не сорвется на верхней ноте. Труд учителя оплачивается независимо от того, как усваивают материал его учащиеся. Я. Певзнер, критикуя аргументацию А. Корягина о том, что труд врача должен оплачиваться независимо от эффекта лечения, называет ее «смертельной» [1]. Но А. Корягин лишь воспроизвел подмеченную К. Марксом особенность труда в области услуг [2], которая состоит в том, что в услугах, где деятельность неотделима от исполнителя, эффект ее часто не может быть гарантирован исполнителем услуги. Это подтверждается фактами реальной жизни, а не надуманными схемами.

Против того факта, что в услугах отдается предпочтение отдельным, определенным исполнителям услуг, часто приводят довод, согласно которому и в потреблении материальных предметов потребитель сам выбирает, какой ему из данного вида предметов потребить, а следовательно, нет разницы между услугой и материальным предметом потребления, в услуге потребляется эффект труда. Такое сравнение, по нашему мнению, не научно. Материальные предметы потребления, будь-то товары, вещи или энергия, которые представляют воплощение общественно необходимого абстрактного труда и обладают одинаковой величиной стоимости, непременно должны иметь одинаковую и потребительную стоимость, т. е. полезность для потребителя. Именно при потреблении материально осязаемых товаров потребляется материализованный эффект труда. Это, по нашему мнению, является особенностью труда, затраченного в материальном производстве. Потребитель при покупке хлеба может отдать предпочтение какому-нибудь одному виду, но при этом каждый килограмм выбранного вида будет иметь одинаковую потребительную стоимость. Когда же такого равенства в свойствах нет, то это свидетельствует и об отсутствии равенства в стоимостях реализуемых товаров. Оказание же одного и того же вида услуги разными исполнителями принесет различный эффект, а следовательно, получит у потребителя неодинаковую оценку, т. е. потребительная стоимость самой деятельности будет различной. Мы видим, что сравнение услуг, имеющих товарную форму, и товаров, в которых материализован труд, не дает основания для утверждения о том, что между ними нет различий, поскольку в том и другом случае потребляется эффект труда.

Услуга, т. е. потребление самого труда, как было показано выше, стоимости не имеет, тем не менее потребитель ее должен возместить, во-первых, затраты труда и, во-вторых, материальные издержки оказания этой услуги. Следовательно, издержки оказания услуги включают ранее созданную стоимость, которая воплощена в материальных благах, израсходованных при оказании услуги, а также затраты потребляемого конкретного труда.

Расходы, связанные с услугами, это расходы на потребление, где ранее произведенная стоимость прекращает свое бытие, а вме-

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 3, стр. 90.
[2] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 261, 282.

сте с ней и живой труд, как фактор, способствующий потреблению материальных благ. Сам факт сопутствования труда материальными издержками в процессе оказания услуги порождает ложную видимость, будто стоимость их переносится на услуги. Так, Э. М. Агабабьян считает, что материальные издержки оказания услуг в качестве средств производства переносят свою стоимость на услуги и предназначены для многократного использования в процессе производства [1]. Мы видим, что автор этих строк считает, будто в сфере услуг функционируют средства производства. Допустив существование последних в услугах, отдельные экономисты опираются на теорию единства перенесения и создания стоимости и доказывают, что категория стоимости услуг вытекает из марксистской политической экономии [2].

Это заблуждение основано, во-первых, на том факте, что одни и те же материальные блага могут выступать в одном случае в качестве средств производства, а в другом — в качестве предметов потребления. Во-вторых, трудностью представляется, что средства, которые потребляются совместно, являются предметами потребления. А между тем практика показывает, что эти материальные предметы входят в личное потребление и поэтому об амортизации здесь не может быть и речи. Личное потребление — это процесс, в ходе которого стоимость и потребительная стоимость прекращают свое существование. Предположим, что построен жилой дом стоимостью в 100 тыс. руб., срок его службы — сто лет. К концу первого года своего существования будет потреблена не только ранее созданная стоимость в 1000 руб., но и одна сотая часть потребительной стоимости, хотя внешний вид последней совсем не изменится. Как уже было показано, в услугах отсутствует категория абстрактного труда, последний потребляется как конкретный труд, следовательно, и с этой точки зрения вопрос о перенесении стоимости является несостоятельным. Кроме того, в большей части услуг отсутствует объект перенесения стоимости, т. е. продукт труда.

Поскольку категория услуги по своей экономической сущности означает издержки труда вне процесса производства материальных благ, то следует выяснить, каким же образом происходит возмещение этих издержек. При рассмотрении платных услуг напрашивается вывод о возмещении затрат труда через цену самих услуг. Ценообразование в услугах является большой самостоятельной темой. Поэтому в настоящей работе вопросы ценообразования затрагиваются лишь в той мере, в какой это необходимо для выяснения особенностей труда и условий его возмещения в платных услугах. В этой связи весьма важной является классификация услуг на два вида, а именно: услуги, выступающие как результат самой деятельности, и услуги, выступающие как результат деятель-

---

[1] См.: *Э. М. Агабабьян.* Экономический анализ сферы услуг, стр. 64.

[2] См.: *П. Г. Олдак.* Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки, стр. 42.

ности, которая отделима от исполнителя, т. е. может иметь самостоятельную материальную форму.

Возмещение затрат труда в платных услугах с первого взгляда решается довольно просто — через цены. Однако даже та немногочисленная литература, в которой затрагивается этот вопрос, свидетельствует о сложности данной проблемы. Часть советских экономистов придерживается точки зрения, согласно которой труд в услугах, в том числе и платных, поскольку он является непроизводительным трудом, должен возмещаться за счет прибавочного продукта. Некоторые авторы, возражая своим противникам, утверждают, будто труд в услугах возмещается за счет необходимого продукта. Но признание правильной одной из этих точек зрения еще не дает ответа на вопрос, каким образом происходит это возмещение.

Прежде всего заметим, что решение вопроса о том, с какой части продукта ведется возмещение затрат труда в услугах, должно основываться на классификации услуг, формирующих стоимость воспроизводства рабочей силы и не принимающих участия в этом процессе. Поскольку труд в услугах является необходимым, то его затраты должны быть компенсированы одной из частей вновь созданной стоимости. Те услуги, которые входят в стоимость воспроизводства рабочей силы, должны покрываться за счет необходимого продукта, все остальные — за счет прибавочного, независимо от того, являются эти услуги платными или бесплатными.

Но в отношении платных услуг неясным остается вопрос, каким образом происходит обмен деятельностью в услугах, не имеющих стоимости, и результатами деятельности, которые воплощены в материальных благах, т. е. имеют стоимость. Здесь то и следует иметь в виду, что трата дохода предполагает удовлетворение материальных и духовных потребностей человека. Конечно, в реальной действительности потребитель может поступиться теми своими потребностями, которые удовлетворяются материальными благами в пользу потребления духовных благ-услуг. Но если рассматривать этот процесс с точки зрения закономерностей, то мы вынуждены будем признать первоочередными те потребности, которые удовлетворяются материальными благами. Факт роста потребления услуг по мере увеличения доходов лишь подтверждает эту закономерность. Следовательно, с одной стороны, рост доходов, а с другой, сокращение расходов на материальное потребление обусловливают рост затрат на услуги. Это перемещение затрат на личное потребление отмечалось К. Марксом. Он писал: «Однако при всех обстоятельствах ясно: чем больше дохода (заработной платы и прибыли) тратится на товары... тем меньше может быть затрачено на покупку услуг непроизводительных работников, и наоборот» [1]. Сам рост затрат на услуги в связи с увеличением дохода объясняется тем, что затраты на товары имеют определенный предел. Между про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 140.

чим, это обстоятельство является одним из факторов, обусловливающих необходимость развития услуг в обществе. В условиях же социализма, где каждый индивидуум свои средства может израсходовать только на личное потребление, развитию услуг как резерву поглощения и уравновешивания роста доходов должно уделяться особое внимание.

Обмен непосредственной деятельности на труд, воплощенный в материальных благах, известен обществу с древних времен. Поэтому приобретение материальными благами товарной формы в силу определенных общественных отношений не меняет сути положения, меняется лишь форма обмена, последний превращается в обмен между продуктами труда — товарами и непосредственной деятельностью. Обмен между товарной формой услуги и товаром возможен потому, что в его основе лежит качественно однородное явление — труд. В первом случае он выступает в форме деятельности, а во втором — в виде материализованной субстанции. Необходимость же этого обмена обусловливается общественным разделением труда между производственной и непроизводственной сферами. Следовательно, с экономической точки зрения в том акте нет ничего противоестественного. Однако определение общей суммы цен на услуги имеет свои особенности. Прежде всего, поскольку услуги не имеют стоимости, сумма их цен не может быть определена общественно необходимым абстрактным трудом. Общая сумма цен на услуги определяется той долей вновь созданного продукта, которую общество может выделить на определенном этапе его развития. Поскольку же необходимо осуществить обмен товаров — материальных ценностей на деятельность в услугах, то сумма цен первых и вторых будет больше суммы произведенных в обществе стоимостей на величину цен услуг.

Таким образом, услуги не увеличивают стоимость созданного материального продукта в обществе, но они и не увеличивают его номинальной цены. Значит, возмещение затрат труда в платных услугах отличается от возмещения непроизводительных затрат труда в процессе производства товаров и их продвижения к потребителю. В первом случае человеческая деятельность получает денежную оценку, которая самостоятельно противостоит ценам товарного мира, как это имеет место, например, с реализацией девственного леса, не имеющего стоимости. Во втором случае эта деятельность выступает составной частью реализационной цены товара, т. е. происходит присоединение оценки материализованного труда к нематериализованному.

Оказание услуг требует не только трудовых, но и материальных затрат, однако в этом процессе главное место принадлежит оценке труда независимо от того, требуются ли при этом более или менее дорогостоящие элементы материальных благ. При оказании услуг клиенту парикмахером расходуется ничтожная доля материальных благ, игра артистов в постановке требует уже бóльших расходов этих благ, однако и в первом и во втором случае деятельность яв-

ляется главным элементом, удовлетворяющим запросы потребителей, она служит также основой, которая дает возможность последним потребить вместе с ней и материальные блага. Каковы бы ни были материальные затраты в услугах, они смогут быть реализованными только в том случае, если сама деятельность найдет потребителя. Эти обстоятельства и обусловливают то, что в услугах оценивается прежде всего человеческая деятельность, а потребление материальных благ может быть возмещено лишь в том случае, когда сама деятельность находит потребителя, т. е. признается общественно необходимой.

Затраты на услуги не являются производительными, потому что они не создают действительной возможности для расширения производства в обществе. Так как сумма цен на услуги и произведенные материальные блага больше стоимости последних, то это и является тем фактором, который позволяет осуществить перераспределение созданного материального богатства в обществе путем обмена. Поскольку под доходом общества в формациях, где существует товарное хозяйство, понимается увеличение его материального богатства, то при обмене товаров-услуг на товары-материальные блага происходит перераспределение дохода общества в его материально-вещественной форме. Наличие платных услуг означает, что в обществе на потребление тратится больше труда, чем на производство материальных благ, но при этом количество последних непосредственно не увеличивается, а число потребителей этих благ растет.

Общая сумма цен на услуги, как уже отмечалось, определяется той долей дохода общества, которую оно может выделить для содержания непроизводительных работников, оказывающих эти услуги. Иначе говоря, нужно иметь в виду соотношение между материальным и нематериальным потреблением, если речь идет об услугах, которые удовлетворяют личные потребности людей. Если говорить об общих закономерностях построения цен на услуги, то следует иметь в виду, что затраты на услуги, результаты деятельности которых неотделимы от исполнителя, состоят из стоимости потребленных материальных благ и затрат труда самого исполнителя услуги. Поскольку же платные услуги оказываются учреждениями, естественно, что в их цену будут входить и расходы по содержанию аппарата управления этих учреждений, а так же прибыль последних. А цены на каждый конкретный вид услуг будут определяться рядом ценообразующих факторов, которые должны учитывать многообразные условия, существующие в обществе в тот или иной период его развития.

Поскольку возмещение материальных затрат, а также затрат живого труда в платных услугах осуществляется через цены, то принципы построения последних должны основываться на экономических законах, регулирующих потребление в той или иной общественно-экономической формации. Эти законы относятся к специфическим экономическим законам и определяются они господст-

вующими производственными отношениями определенного способа производства. Регулирование цен теми экономическими законами, которые обусловливают потребление, объясняется тем, что услуга выражает отношения по поводу потребления как ранее созданных материальных благ, так и самого труда в качестве деятельности. В условиях капиталистического общества непосредственные производители материальных благ эксплуатируются не только в сфере производства, но и как потребители. В силу существования отношений эксплуатации труд в потреблении также может принимать капиталистическую форму обмена, а следовательно, и использоваться в целях обогащения предпринимателей.

В условиях социализма, где владельцем средств производства выступает все общество, а в колхозно-кооперативном секторе — отдельные коллективы производителей, сама услуга проявляется как потребление труда либо всем обществом, либо коллективом производителей, а потому и сам труд в потреблении используется не в целях эксплуатации, а в интересах расширения потребления. Это, конечно, вовсе не исключает того, что хозрасчетные организации, оказывающие платные услуги, должны в результате своей деятельности возмещать не только свои затраты, но и иметь средства для расширения своей деятельности, т. е. осуществлять накопление.

Наиболее ясно видна зависимость цен от дохода в услугах, являющихся результатом творческой деятельности художников, скульпторов, писателей и т. д. Здесь хотя и имеются материальные затраты (так, художник при написании картины расходует холст, краски и др.), но они не играют почти никакой роли в определении цены художественного произведения. При определении цены последнего решающую роль играют два фактора: а) талант исполнителя и б) наличие средств, которые могут быть израсходованы на непроизводительное потребление. Этим-то и объясняется, что в капиталистическом мире довольно распространены собрания частных коллекций шедевров мирового искусства. Финансовые воротилы позволяют себе часть накопленных средств расходовать на приобретение произведений искусства. Покупка так называемых шедевров абстракционистского искусства, сути которого часто не понимает ни автор, ни покупатель, есть лишь подтверждением того, что здесь тратится доход, а сама цена определяется его величиной. Рост цен на действительные произведения искусства, созданные в прошлых столетиях, между прочим, объясняется тем, что общество становится богаче, а потому может расходовать больше средств на непроизводительное потребление. Сам же талант исполнителя, воплощенный в его произведениях, подобно фактору исключительно благоприятных условий в материальном производстве, является основой для установления монопольной цены на эти произведения.

Факт зависимости цен на услуги, которые являются результатом творческой деятельности и отделяются от ее исполнителей, от дохода свидетельствует о том, что покупатель, оценивающий эту деятельность, несет определенный риск. Труд художника он оцени-

вает по своему вкусу и оплачивает его сообразно своим доходам. Если другие потребители не увидят в данном произведении потребительной стоимости, то покупатель расплачивается тем, что не может вернуть своих денег за купленное художественное произведение. Вот почему, с нашей точки зрения, наиболее справедливой формой оплаты труда творческих работников является гонорарная система, не зависящая от тиража. Между прочим, порочность оплаты в зависимости от тиража произведений или от кассовых сборов постановки особенно остро проявляется тогда, когда некоторые авторы получают баснословные доходы от одного произведения только в связи с тем, что тираж был очень большим, либо от того, что постановка обошла все театры. Здесь уже играет роль не талантливость произведения, а суммарный доход потребителя. Ведь даже посредственное произведение или средняя по художественной ценности постановка могут принести огромный доход автору, если ее хорошо разрекламировать и пустить во всех театрах, особенно такой большой страны, как наша, а тем более в нескольких странах. Поэтому решение о том, что при перепечатке иностранной литературы гонорар автору не выплачивается, является вполне справедливым и оправданным как с экономической, так и с моральной точки зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Построение коммунизма немыслимо без овладения теорией общественного развития, которая должна показать наиболее рациональные и эффективные решения предстоящих задач. Развитие экономической науки раздвигает границы ее применения в практике социалистического производства. Познание и использование экономических законов дает возможность правильно определять стратегию экономического развития стран социалистического лагеря. Это находит проявление прежде всего в том, что социалистические страны значительно превосходят капиталистические страны в темпах экономического роста. Если в развитых капиталистических странах за период 1951—1969 гг. объем промышленного производства увеличился в 2,7 раза, то в социалистических странах он возрос в 6,8 раза.

Замена частнокапиталистической собственности социалистической привела к изменению непосредственной цели и движущего мотива общественного производства. В каждой общественно-экономической формации конечной целью производства является потребление. Нет производства без потребления, как не может быть и потребления без производства. Однако производство имеет не только конечную, но еще и непосредственную цель, которая выступает в качестве движущего мотива экономического роста. Конечная и непосредственная цель развития производства совпадает не во всяком обществе. Это зависит от характера собственности на средства производства. В условиях частнокапиталистической собственности непосредственной целью производства является безудержная погоня за максимальной прибылью. Потребление трудящихся масс становится средством достижения этой цели.

Обобществление производства в СССР и других социалистических странах коренным образом изменило экономические условия существования общества, породило новые экономические законы и новую непосредственную цель производства. Социалистическое производство подчиняется своей естественной цели — удовлетворению постоянно растущих потребностей трудящихся. В этих условиях непосредственная и конечная цель производства соединяются.

Совпадение конечной и непосредственной цели общественного производства обеспечивает удовлетворение потребностей всех членов общества в материальных и духовных благах. Уровень и сте-

пень удовлетворения этих потребностей зависит от объема общественного производства, ежегодных темпов его роста.

Анализ теории производительного и непроизводительного труда показывает, что она имеет самое непосредственное отношение к выяснению условий, определяющих темпы развития общественного производства.

Разработка различных критериев определения производительного характера труда в условиях господствующего способа производства, по нашему мнению, позволяет решить некоторые практические задачи коммунистического строительства. Определение производительного характера труда с точки зрения общественных отношений дает возможность установить, каков удельный вес инородных форм труда в различных отраслях народного хозяйства, и предпринять, исходя из объективно сложившихся условий, необходимые меры по их устранению. Этот же критерий можно использовать для выявления эффективности существующего общественного строя посредством отношения числа занятых в таких отраслях народного хозяйства и видах труда, которые обеспечивают функционирование общества как экономической системы, к числу занятых обеспечением функций отправления власти государства как исполнительного органа господствующих классов. Чем больше знаменатель и меньше числитель, тем эффективнее общественное устройство. Этот показатель характеризует демократизацию управления обществом. Установление социалистического строя значительно сократило расход материальных и трудовых ресурсов на функции отправления власти. Совершенствование нашего общества сопровождается экономизацией этих затрат.

Исследование категории производительного характера труда с позиций осуществления социалистического расширенного воспроизводства позволило определить специфический критерий производительного труда в социалистическом производстве, а также выделить два типа труда в этом производстве. Производственные отношения господствующего способа производства обусловливают специфичность производительного труда в самом материальном производстве, несмотря на то, что в различных общественных условиях оно ведется на единой расширенной основе. Это объясняется различием цели, которой подчиняются различные общественные формы производства. Так, специфическим отличием капиталистического способа производства, как отмечал К. Маркс, является «производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства» [1]. Именно в силу этого обстоятельства производительным трудом в капиталистическом производстве может быть только труд, приносящий прибавочную стоимость как специфичный продукт капиталистических производственных отношений.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 453.

В социалистическом обществе, где конечная и непосредственная цель материального производства совпадают, труд, создающий прибавочный продукт, может выступать в двух видах. Первый из них используется для расширения материального производства. Этот вид труда является основой развития социалистического общества, основой расширения социалистических производственных отношений. Второй вид труда, затраченного в производстве, хотя и создает материальные блага, но его результат используется только для расширения непроизводительного потребления. Поскольку цель социалистического производства состоит в удовлетворении потребностей трудящихся, то и первый и второй вид труда является средством для достижения поставленной цели. Однако их роль в обеспечении динамизма экономической системы социализма неодинакова. Производительный труд призван обеспечивать условия для высоких темпов приумножения общественного богатства и таким путем воздействовать на расширение потребления. Непроизводительный труд в материальном производстве расширяет непроизводственное потребление непосредственно и это его сближает с теми видами непроизводительного труда, которые затрачиваются в других сферах общественного производства, а также вне этих сфер.

Разграничение производительного и непроизводительного труда с точки зрения социалистического расширенного воспроизводства весьма важно для определения возможностей ускорения темпов развития производства. Соотношение затрат этих видов труда следует рассматривать как часть проблемы использования его на накопление и потребление. Вместе с тем это разграничение позволяет определить роль в обществе и таких видов труда, результаты которого не материализуются. Последние обмениваются на доход общества, существующий в материальной форме вследствие обмена деятельностью.

Непроизводительный труд и его разновидность — услуги при социализме определяются с точки зрения всего общества, поскольку оно выступает собственником средств производства, следовательно, осуществляет производство. Способ производства накладывает отпечаток на затраты непроизводительного труда. В частности, установление общественной собственности на средства производства обусловило вытеснение бесполезных для общества непроизводительных видов труда, а также и тех, которые фактически приносили вред людям. При социализме допускается существование только общественно полезных видов непроизводительного труда, что является одним из преимуществ этого общественного строя по сравнению с капитализмом.

Сущность услуг как разновидности непроизводительного труда может быть понята только при рассмотрении их, исходя из марксистской теории о фазах и сферах общественного воспроизводства. Затраты непроизводительного труда в производстве и продвижении товаров к потребителю определяются непрерывностью осуществления процесса материального производства. Наличие же затрат тру-

да в сфере потребления и вне фаз общественного производства, т. е. услуг, определяется количеством материальных благ, которое общество может выделить для содержания работников, оказывающих услуги.

Сосредоточение производственной и непроизводственной деятельности в отдельных сферах поставило проблему нахождения критериев разграничения сферы материального производства и непроизводственной деятельности. В результате исследования выяснилось, что способность труда к материализации является необходимым, но недостаточным признаком для такого разграничения. Наличие отношений по производству, а также выяснение функционального назначения рассматриваемой отрасли хозяйства в системе общественного воспроизводства дают возможность определить, к какой из двух сфер следует относить ту или иную отрасль. Использование этих критериев помогает решить ряд спорных вопросов классификации отраслей народного хозяйства.

Анализ проблемы услуг в связи с национальным доходом показал необходимость учета в составе последнего части материализующихся услуг и неправомерность попыток стоимостного исчисления нематериализующихся услуг как нематериальной продукции. Нематериализующиеся услуги — это затраты конкретного труда с целью потребления, а поэтому при оценке затрат труда в этой области следует применять натуральные показатели.

Функционирование непроизводительного труда в обществе вызывает необходимость в возмещении затрат его. Поскольку в обществе существуют различные виды непроизводительного труда, то и способы возмещения затрат неодинаковые. Исследование этой проблемы показало, что затраты непроизводительного труда, связанные с производством и продвижением товаров к потребителю, в условиях социалистического общества возмещаются посредством включения их в цены реализуемых товаров, т. е. за счет доходов потребителей. Платные услуги возмещаются тоже за счет потребителей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Критерии определения производительного труда 5
1. Материальное производство и производительный труд 5
2. Производительный труд в системе капиталистического способа производства 16
3. Производительный труд социалистического общества 35

Глава II. Непроизводительный труд. Услуги 57
1. Непроизводительный труд как экономическая категория 57
2. Критерии определения услуг 77
3. Непроизводительный труд и способ производства 94

Глава III. Методологические вопросы разграничения производственной и непроизводственной деятельности 105
1. Критерии разграничения производственной и непроизводственной сфер . 105
2. Совокупный рабочий 116
3. Некоторые вопросы классификации отраслей народного хозяйства . . 124

Глава IV. Национальный доход и услуги 142
1. К вопросу об учете услуг в национальном доходе 142
2. К вопросу об учете услуг и их эффективности 158
3. Критика буржуазных концепций учета услуг при исчислении национального дохода 170

Глава V. Возмещение затрат непроизводительного труда 182
1. Возмещение затрат непроизводительного труда, связанных с производством и продвижением продукта труда к потребителю 182
2. Возмещение затрат труда в платных услугах 192

Заключение 208

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ КОЗАК

Производительный и непроизводительный труд (Очерк теории)

Печатается по постановлению ученого совета Института экономики Академии наук УССР

Редактор *Н. С. Чаевская.* Художественный редактор *Р. И. Калыш.* Оформление художника *И. М. Балюна.* Технический редактор *И. А. Ратнер.* Корректор *Р. С. Коган.*

Сдано в набор 7.I. 1971 г. Подписано к печати 13.IV. 1971 г. БФ 00260. Зак. № 14. Издат. № 185. Тираж 1800. Бумага № 2, 60×90¹/₁₆. Условно-печатн. листов 13,25. Учетно-издат. листов 13,93. Цена 1 руб. 55 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев-4, Репина, 3.
Киевская книжная типография № 5 Комитета по печати при Совете Министров УССР, Киев, Репина, 4.